

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет имени Александра
Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

На правах рукописи

СМИРНОВА Ольга Игоревна

**СОЧЕТАНИЯ «СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ
В ТВОРИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ С ПРЕДЛОГОМ С»
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Юдина Наталья Владимировна

Владимир – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. КОНСТРУКЦИИ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	12
1.1. Категория падежа в истории лингвистических учений.....	12
1.2. Творительный падеж как объект языковедческих дискуссий.....	21
1.3. Сочетания «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом <i>с</i> » в русистике.....	37
<i>Выводы по первой главе</i>	47
ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЧЕТАНИЙ «ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ + ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ТВОРИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ С ПРЕДЛОГОМ «С».....	52
2.1. Структурно-грамматические типы сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом <i>с</i> ».....	52
2.2. Семантическая классификация сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом <i>с</i> ».....	71
2.3. Синтаксическая типология конструкций с присубстантивным творительным падежом с предлогом <i>с</i>	85
<i>Выводы по второй главе</i>	100
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЧЕТАНИЙ С ПРИСУБСТАНТИВНЫМ ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ С ПРЕДЛОГОМ «С» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА.....	104
3.1. Тематические группы сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом <i>с</i> ».....	104
3.2. Сочетания «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом <i>с</i> » с точки зрения композиционной семантики.....	117

3.3. Некоторые новые синтагматические тенденции в сочетаемости присубстантивного творительного падежа.....	128
<i>Выводы по третьей главе.....</i>	<i>142</i>
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	143
БИБЛИОГРАФИЯ.....	150

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа представляет собой исследование, касающееся проблем теории сочетаемости языковых единиц, и посвящена описанию лексической сочетаемости в сфере конструкции «имя существительное + имя существительное в творительном падеже с предлогом *с*» на материале русского языка. В данной работе подвергаются анализу подчинительные словосочетания, к которым относятся построенные по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» непредикативные сочетания двух и более слов знаменательных частей речи, соединенных на основе подчинительной связи.

Изучение лингвистической литературы свидетельствует о том, что проблемы сочетаемости языковых и, в первую очередь, лексических единиц подробно, детально и основательно описаны с позиций разнородных направлений, методов и парадигм исследования языка в многочисленных работах отечественных лингвистов (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, И.М. Богуславский, В.В. Виноградов, М.В. Всеволодова, В.Г. Гак, Н.З. Котелова, Е.С. Кубрякова, И.А. Мельчук, В.В. Морковкин, А.М. Пешковский, А.А. Потебня, Н.Н. Прокопович, Е.В. Рахилина, М.Д. Степанова, В.Н. Телия, В.А. Федосов, В.И. Фурашов, Д.Н. Шмелев, Л.В. Щерба, Н.В. Юдина и мн. др.). Выявленные в традиционных грамматиках начиная с александрийцев, описанные И.А. Бодуэном де Куртенэ в терминах отношений рядоположения, названные Н.В. Крушевским «ассоциациями по смежности», наиболее известные, благодаря Ф. де Соссюру, как *синтагматические*, эти отношения между членами языковой системы на протяжении уже нескольких столетий являются предметом пристального внимания лингвистов, чьи исследования выполнены в русле различных лингвистических направлений. Данная работа представляет собой исследование, касающееся проблем теории сочетаемости языковых единиц, и посвящена описанию лексической сочетаемости в сфере

конструкции «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» на материале русского языка.

Под конструкцией «*существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с*» в работе следует понимать простое двучленное сочетание слов, в котором функцию стержневого компонента выполняет имя существительное, находящееся в препозиции по отношению к контактно расположенному зависимому имени существительному в творительном падеже с предлогом «*с*» и соединенное с ним связью управления.

«У современных грамматистов больше всего тревоги возбуждает категория творительного падежа», – отмечал В.В. Виноградов [Виноградов 1972: 142]. Действительно, полифункциональность русского творительного превращает его в сложный узел проблемных вопросов. Этот падеж соединяет в себе необычайное разнообразие значений, характеризуется многогранностью синтаксических функций, продуктивной способностью к адвербиализации [Бернштейн 1985: 36]. Исходя из традиционной номинативной концепции словосочетания, введенной в научный обиход В.В. Виноградовым, словосочетание всегда строится по принципу субординации – подчиняющего и подчиненного. Разные аспекты описания подчинительных словосочетаний и связи слов в словосочетании широко представлены в лингвистической литературе 50-х – начала 90-х годов прошлого века. В современном русском языке очень продуктивны сочетания с предлогами, они часто приходят на смену беспредложным или употребляются параллельно с ними.

В современных лингвистических исследованиях не раз обращалось внимание на сложность и неоднозначность семантики и синтаксического функционирования присубстантивного творительного падежа с предлогом «*с*». Не до конца решенным остается вопрос о синтаксической сущности данных конструкций, что свидетельствует о необходимости их дальнейшего подробного исследования. Более того, современная лингвистическая

парадигма, ориентированная на антропоцентрический подход к исследованию языковых явлений, позволяет привлечь к классическим, традиционным методам и новейшие экстралингвистические методики, к которым можно с уверенностью отнести когнитивно-дискурсивный и лингвокогнитивный ракурсы рассмотрения языковых единиц.

Актуальность темы определяется необходимостью теоретического осмысления вопросов, связанных с дальнейшим изучением сочетаемости присубстантивного творительного падежа. Предпринятое в настоящей работе описание сочетаний должно позволить в некоторой степени по-новому интерпретировать традиционный взгляд на сочетаемость имени существительного. Новейшие лингвокультурные и лингвокогнитивные исследования сочетаний открывают новые перспективы для дальнейшего «одновременного вынесения суждений не только о рассматриваемых языковых явлениях, но и о стоящих за ними ментальных сущностях» [Кубрякова 2004а: 13].

Целью настоящего исследования является многоаспектное описание функционирования конструкции «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» в современном русском языке XXI века.

В процессе исследования ставились и решались следующие **задачи**:

- 1) описать существующие в отечественной и зарубежной лингвистической литературе подходы к изучению сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*»;
- 2) определить новые разновидности анализируемых словосочетаний в рамках известных синтаксических отношений и представить по возможности различные классификации самостоятельно собранного языкового материала;
- 3) исследовать синтагматические возможности различных групп сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» и предпринять попытки типологизации этих конструкций на основе анализа новейшего языкового материала;

4) изучить особенности употребления сочетаний с присубстантивным творительным падежом в современном дискурсе и описать основные закономерности функционирования анализируемых конструкций в начале XXI века.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Сочетания «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» представляют собой одну из самых регулярных и продуктивных конструкций в современном русском языке, что обусловлено дуализмом современных лингвистических и экстралингвистических процессов: интеграцией и дифференциацией знаний человека о мире.

2. В последнее десятилетие в связи с усложнением жизни российского общества, переоценкой ценностей, переломом мировоззрения и изменением стереотипов мышления, требующими дополнительной субкатегоризации предметов и явлений действительности, сочетания «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» стали появляться с большой регулярностью, при этом они являются номинацией как новых концептов в языковой картине мира человека начала XXI века, так и объективируют изменения в старых понятиях, которые приобретают новые когнитивные признаки.

3. Анализируемые конструкции являются в некотором смысле уникальными, т.к. иллюстрируют собой синкретичные проявления как в собственно языковой (ср., напр., синтаксические особенности), так и в экстралингвистической сфере (ср., сложный комплекс взаимоотношений между компонентами: *целое – целое, целое – часть, часть – целое, часть – часть*).

4. Анализ многочисленных работ отечественных и зарубежных ученых, посвященных конструкции «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» и выполненных в русле различных лингвистических направлений и парадигм, дает утверждать, что данные сочетания обладают особым, промежуточным статусом, проявляющимся на

всех уровнях и связанным с формальной расчлененностью состава и определенной спаянностью значений, при этом указанные единицы весьма часто выступают в качестве готовых комбинаций.

5. Сочетания с присубстантивным творительным падежом во многом представляют собой новый пласт лексики, который в определенной степени иллюстрирует собой новый формат знания, и активно используются в настоящее время в силу того, что удовлетворяют требованиям, предъявляемым пользователями языка в части субкатегоризации тех явлений, предметов и объектов окружающей действительности, которые, вследствие усложненности современной жизни, нуждаются в выделении из перечня подобных.

6. Сочетания «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» в целом оказывают влияние на формирование современного когнитивного стиля начала XXI века, к основным характеристикам которого относятся либерализация, дифференциальность, креативность, динамичность, экспрессивность.

7. Функционирование современных субстантивных сочетаний с творительным падежом с предлогом *с* в настоящее время характеризуется рядом особенностей, сконцентрированных, главным образом, в лексико-семантической, словообразовательной и синтаксической сфере. Вместе с тем, их употребление подчиняется общим закономерностям развития современного языка, среди которых наиболее последовательно выделяется, с одной стороны, демократизация/ вульгаризация/ криминализация языка, а с другой стороны – все ярче проявляющаяся интеллектуализация языковых процессов.

8. Анализ функционирования сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» в текстах масс-медиа и художественной литературы XXI века раскрывает новые сочетаемостные возможности данных единиц и позволяет выделить несколько новых тенденций в сочетаемости присубстантивного творительного падежа.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что 1) представлена первичная попытка анализа конструкций «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с» во всей совокупности присущих данным единицам интралингвистических и экстралингвистических признаков; 2) *впервые* подробно описаны некоторые классификации анализируемых единиц, в частности построена шкала композиционной семантики на примере сочетаний, располагающихся в «промежуточной зоне» – между полностью выводимыми и абсолютно не выводимыми из суммы значений составляющих компонентов значениями целого; 3) настоящая работа выполнена на основе анализа новейшего языкового материала, извлеченного из художественной литературы, аудиовизуальных и печатных средств массовой информации XXI века. Благодаря привлечению к анализу новейшего языкового материала намечены некоторые возникающие тенденции в сочетаемости существительных с творительным падежом, во многом иллюстрирующие собой общие закономерности развития языка.

Эмпирической базой настоящего исследования является картотека объемом 3014 сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с», отобранных методом сплошной выборки из художественной литературы конца XX и начала XXI в. (1995 – 2013), а также из печатных, аудиовизуальных и электронных средств массовой информации.

В процессе работы использованы следующие лингвистические **методы и приемы**: в рамках *описательного* метода приемы наблюдения и интерпретации, классификации и систематики языковых явлений; приемы преобразований (трансформаций) вместе с методикой лингвистического эксперимента (внесение, удаление, замещение, перестановка компонентов, проверка на определенный вид трансформации), а также методы компонентного и контекстуального анализа. В ходе исследования был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором участвовали

респонденты, проживающие в России (100 респондентов – русскоязычные монолингвы), в результате чего был также привлечен метод *статистического анализа* полученных и классифицированных по различным критериям экспериментальных данных.

Теоретическая значимость проведённого исследования предопределена его актуальностью и новизной и заключается в следующем:

- диссертационное сочинение вносит определенный вклад в лингвистическую теорию сочетаемости;
- в проведенном исследовании выстраиваются некоторые типологические классификации анализируемых конструкций, шкала композиционной семантики применительно в том числе к сочетаниям «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с» и описываются единицы промежуточного характера, расположенные на данной шкале в зависимости от выведенных особенностей их композиционной семантики;
- в работе проанализирован значительный новый языковой материал, позволяющий делать выводы и обобщения относительно современной языковой ситуации.

Научная и практическая значимость состоит в том, что материалы диссертационного исследования могут быть использованы в лекционных и практических курсах по лексикологии и синтаксису современного русского языка, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных современной языковой картине мира и активным процессам, происходящим в русском языке XXI века.

Проводимое исследование расширит и дифференцирует научные представления о синтагматических особенностях существительных, которые обуславливаются как собственно языковыми причинами, так и экстралингвистическими факторами.

Апробация работы. Основные положения излагались на Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных

«Ломоносов» (МГУ, г. Москва, 2009, 2010 гг.); Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Лингво-профи» (ВГГУ, г. Владимир, 2010); научно-практической конференции студентов и аспирантов (ВлГУ, г. Владимир, 2012); IV Международной научной конференции, посвященной памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (ВлГУ, г. Владимир, 2012); VI межрегиональном съезде молодых учёных «Молодежь в науке: проблемы и перспективы» (г. Воронеж, 2012); X Международной научной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (г. Владимир, 2013). Материалы проведенного исследования нашли отражения в

По теме диссертации опубликовано 12 работ, в том числе 3 статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Структура работы обусловлена основными целями и задачами исследования, а также характером привлеченного для анализа языкового материала. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1.

КОНСТРУКЦИИ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Категория падежа в истории лингвистических учений

История развития лингвистической науки свидетельствует о том, что проблема категории падежа, особенностей её образования, становления и развития была и остается одной из сложнейших в науке о языке. Изучение данного вопроса уходит корнями в самые ранние научные изыскания древности (главным образом, это относится к трудам античных философов) и при неослабевающем внимании лингвистов продолжает оставаться актуальным в исследованиях XXI века.

Интерес ученых к выделению, описанию и осмыслению падежных форм намечается со времен зарождения лингвистических традиций и относится к работам древнегреческих философов, среди которых особо выделяется сочинение «Об истолковании» Аристотеля. Так, древнегреческий мыслитель предпринимает попытку выделения собственно имени и противостоящего ему неопределенного имени, т.е. имени с отрицанием, а также категории падежа, ср.: «Не-человек не есть имя; нет такого имени, которым можно было бы его назвать, ибо он не есть ни речь, ни отрицание. Пусть он называется неопределенным именем. “Филона” же или “Филону” и тому подобное не имена, а падежи имени. Смысл их остается тем же самым, но вместе с [глаголом] “есть”, или “было”, или “будет” они не выражают истины или лжи, имя же [вместе с глаголом] всегда их выражает» [Аристотель 1978: 91–117]. Таким образом, падежи не включаются Аристотелем в группу собственно имен, поскольку они не могут выступать в качестве подлежащего. Подобное представление обусловлено двойственностью отношения к имени и глаголу, которая прослеживается в работах Аристотеля и определяется тем, что имя и глагол философ считал не только отдельными частями речи, но и

одновременно членами предложения, поэтому не включал падежи в круг имен как таковых.

Наиболее подробно учение Аристотеля о падежах представлено в его труде «Топика», а в «Поэтике» формулируется определение анализируемой нами категории: «Падеж (ptÀsic) имени и глагола – это когда они обозначают “кого?”, “кому?” и тому подобное», или же число, вопрос, просьбу или приказание (последнее – только для глагола)» [Аристотель 1984: 15–20], – которое ещё раз демонстрирует двойственную природу падежа, по мысли философа.

Самая ранняя из известных ныне падежных доктрин представлена в труде «Восьмикнижии» индийского языковеда, автора древнейшей грамматики санскрита Панини (V в. до н.э.). Как известно, время создания грамматики Панини установить не удастся: указываются даты от VII до II в. до н. э., в то время как наиболее вероятную называют V в. до н. э. Панини создал стихотворную грамматику «Аштадхьяи» («Восемь разделов грамматических правил» или «Восьмикнижие»). Данная грамматика содержит 4 тысячи правил (3996) – сутр, – в которых фиксируется сложнейшая морфология санскрита.

По своему лингвистическому содержанию правила грамматики Панини имеют различный характер: это и правила соединения морфем (корней, аффиксов) внутри слова, правила сочетаний слов, правила фонетических изменений на морфемных стыках, правила фонетических изменений на границах слов. В совокупности правила «Восьмикнижия» дают описание морфонологии, словообразования, морфологии и частично синтаксиса санскрита. В грамматике дается перечень корней с указанием значения каждого из них; корни объединяются в классы, для которых определяются аффиксы, участвующие в образовании слов и форм. Выделение корней и аффиксов в слове считается заслугой именно индийского языкознания. В грамматике большое место уделено анализу структуры слова. Панини выделяет корень, суффикс, окончание. Служебные морфемы делятся на

словообразовательные и словоизменительные. Подробное описание в грамматике Панини получают морфологические и синтаксические особенности санскрита: выделяются 4 части речи (имя, глагол, предлог, частица). Имя обозначает *предмет*, глагол обозначает *действие*, частицы – соединительные, сравнительные, пустые – используются для формального оформления стихотворного текста, а предлог определяет значение имени и глагола и оформляет предложение. В то же время Панини не выделяет местоимение и наречие в качестве самостоятельных частей речи. Принципиально важным вкладом Панини в развитие лингвистической науки является тот факт, что он отметил изменение формы имени в предложении и выделил семь падежей, которые соответствуют современным: *первый* – именительный, *второй* – родительный, *третий* – дательный, *четвертый* – винительный, *пятый* – творительный (орудийный), *шестой* – отложительный (аблатив), *седьмой* – местный. Показательно, что в грамматике Панини «не выделяется именительный падеж как универсальный падеж подлежащего, падеж именного сказуемого» [История... 1974: 79]. В указанной грамматике описываются также особенности глагольного управления, приводятся эквивалентные глагольные и именные словосочетания, рассматривается трансформация словосочетаний и предложений, сообщаются отдельные сведения о сложном предложении. Таким образом, многие явления языка, рассмотренные у Панини, стали предметом лингвистического исследования лишь много веков спустя.

Не менее актуальным для языковедческой науки стало сочинение «О восьми частях слова», составленное в начале XIV века на основе различных греческих грамматических трактатов. В соответствии с греческой системой для славянского языка определяется пять падежей. Названия их, как и само слово «падеж», были образованы путём калькирования (перевод слова по частям) соответствующих греческих терминов.

Слово «падеж» (греческое *ptosis*) обозначало изменение окончания, благодаря которому слово становится в определённые отношения к другим

словам. В сочинении «О восьми частях слова» эти отношения представляются следующим образом: падеж *правый* (позже именительный) калькируется с греческого *orte* и даёт правильную, или исходную форму слова, все остальные падежи являются по отношению к нему косвенными; второй падеж – *родный* (греческое *genike*), одна из функций которого – обозначение рода, происхождения, отнесения предмета по классу подобных (произведение искусства); третий падеж – *дательный* (греческий *dotike*) – назван так по одной из своих функций, связанной с глаголом *дать, давать*. Название *виновного* падежа (греческое *aitiatike*) образовано от слова «вина» (греческое *aitia*), имевшего в древности значение «причина», и рассматривалось как падеж обозначения причины того или иного действия (*ловить бабочку*). Пятый падеж – *Звательный* (греческий *kletike*), который употреблялся при обращении. При всей своей разветвленности греческая система не удовлетворяла потребностям изучения славянских языков, так как в нём не было Творительного и Предложного падежей, столь необходимых для выражения грамматических отношений в славянских языках.

Что касается русской лингвистической традиции, то здесь выдающийся вклад в описание категории падежа внёс М.В. Ломоносов, опиравшийся в своих исследованиях на грамматику Пор-Рояля и на труды своих российских предшественников – Лаврентия Зизания и Милетия Смотрицкого. Суть теории Ломоносова заключается в том, что падежи, по его мнению, отражают отношения, существующие в реальном мире («в самой натуре свое основание имеют» [Ломоносов 1952: 31]). Русский язык, по мнению ученого, «избыточествует перед прочими, для некоторых предлогов, особливый падежом, который без них нигде не употребляется» [Ломоносов 1952: 45], и этот падеж М.В. Ломоносов предлагает называть *Предложным*.

В истории европейской научной мысли также отмечается обращение к проблеме функционирования категории падежа в языке. Начало ряду специальных работ, посвященных категории падежа, положило исследование Л. Ельмслева «Пролегомены к теории языка», где автором была сделана

попытка разработать универсальную «рамочную» модель, на основе которой описывается и сопоставляется множество конкретных языков.

Труд датского лингвиста можно разделить на три блока: критический разбор предшествующих падежных теорий, выработку собственной падежной теории и применение этой теории к ряду разнотипных языков. По мнению датского языковеда, основу категории падежа составляют пространственные отношения. При описании различных значений одного падежа Л. Ельмслев считает одинаково неправильным как «расщепление» целостной единицы, так и выделение «главного» значения, из которого выводятся все остальные. Стоит отметить, что концепция Л. Ельмслева не нашла большого числа последователей в лингвистической традиции. Как справедливо замечает А.М. Лаврентьев в работе «Типологический анализ категории падежа в русском языке», она (концепция) «подвергалась критике за «априоризм», т.е. стремление «подогнать» факты под теорию и за громоздкость самой теории. Число 216 теоретически возможных, по мнению этого лингвиста, падежей явно превосходит все мыслимые пределы. Кроме того, избранные ученым для применения своей теории «экзотические» языки (знакомые самому автору лишь по небольшому числу не всегда достоверных описаний) делали достаточно призрачной возможность серьезного обсуждения и проверки его результатов» [Лаврентьев 1999: 25]. Опубликованные немногим позднее концепции Jakobson (1936) и de Groot (1939), подкупавшие своей простотой и «изяществом», неслучайно оказались значительно более популярными среди исследователей.

Более последовательное применение принципы Л. Ельмслева находят в знаменитой работе Р. Jakobson «К общему учению о падеже», впервые опубликованной в 1936 г. Ученый утверждает, что реально существует общее значение каждого падежа, имеющее чисто морфологическую природу («относится к учению о слове») [Jakobson 1985: 143]. Частные же значения падежа относятся к учению о словосочетании и «являются, так сказать, комбинаторными вариантами общего значения», причем «ограничение...

общего значения как общего знаменателя частных значений было бы необоснованным упрощением проблемы» [Якобсон 1985: 143]. По мнению Якобсона, падеж и система сочетаний с предлогами – явления разные, и их не следует смешивать [Якобсон 1980: 138].

Синтаксический подход к изучению категории падежа нашел отражение в работах А.В. Гроота и Е. Куриловича.

В статье 1939 г. А.В. де Гроот [De Groot 1939] предлагал четко различать синтаксические и семантические функции падежей, образующие две более или менее независимые системы. Все системы строятся на основе оппозиций «с функцией / без функции». Все латинские падежи, кроме вокатива, по мнению ученого, обладают синтаксической функцией. В своей работе А.В. Гроот делает замечание, что при наличии предлога падеж утрачивает самостоятельную функцию, кроме тех случаев, когда с одним и тем же предлогом могут употребляться разные падежи.

Вслед за А.В. де Гроотом польский лингвист Е. Курилович говорит о функциях падежей. Е. Курилович особо подчеркивает необходимость последовательного разграничения грамматических (синтаксических) и семантических (наречных) функций падежей. Каждый падеж, по Е. Куриловичу, имеет первичную (основную, «обусловленную в системе») и вторичную (дополнительную, «обусловленную в поле») функцию.

Новым словом в изучении категории падежа стала «падежная грамматика» Ч. Филлмора, впервые опубликованная в 1968 году. Прежним подходам к изучению падежа лингвист противопоставляет теорию, базирующуюся на понятии «глубинной структуры», в основу которой легли именно семантические характеристики (агентив, инструментатив, пациентив, фактитив, локатив и т.д.). Именно глубинные структуры, по его мнению, должны быть основным объектом внимания исследователей. Термин *падеж* используется для обозначения чисто смысловых отношений – так называемых «семантических ролей аргумента». Ученый предлагает список из шести падежей, смыслы которых «образуют набор универсальных, возможно

врожденных, понятий, идентифицирующих некоторые типы суждений, которые человек способен делать о событиях, происходящих вокруг него» [Филлмор 1981: 405]. Функция глубинного падежа, согласно концепции Ч. Филлмора, во многом определяется лексической семантикой слова. Падеж в таком понимании становится универсалией, т.е. тем, что позволяет обнаруживать себя в любом языке, независимо от устройства его морфологической падежной системы. С традиционным, т.е. морфологическим падежом глубинный падеж не имеет прямолинейного соотношения: один и тот же глубинный падеж может репрезентироваться разными морфологическими падежами, и наоборот, один и тот же морфологический падеж может отражать несколько глубинных падежей. Это понятия разных планов осмысления и разных уровней обобщения. Но линии связей и соответствий между ними, тем не менее, существуют; их направленность обычно фиксируется в зависимости от того, что является исходным для лингвистического анализа – семантический или морфологический падеж.

Параллельно с концепцией Ч. Филлмора и отчасти под ее влиянием ряд американских лингвистов развивают собственные модели «падежной грамматики». Однако Ч. Филлмор во главу угла ставит существительное, а вот, например, предложенная система У. Чейфа ориентирована уже на глагол. Интересно, что сам ученый избегает употребления термина *падеж*, предпочитая говорить об «отношениях существительного к глаголу» [Чейф 1975: 121-123 и 167-191]. Концепция У. Чейфа представляется одной из наиболее полных и последовательных в «падежной грамматике». В этой модели «тип глагола и число падежей, требуемых им, могут быть определены еще до того, как падежные «ярлыки» приписываются конкретным существительным. Когда падежи детерминируются значением и типом глагола, употребленного в предложении, «приписывание» падежного ярлыка к существительному в структуре предложения становится сравнительно легкой задачей и может быть проведено достаточно последовательно. Вместе с тем, игнорирование «поверхностных» структур, отношений

существительного к существительному, различных разновидностей пространственных отношений заставляет усомниться в универсальности этой модели и ее адекватности системе языка» [Чейф 1975: 121-123].

Следует заметить, что активное изучение категории падежа продолжается и в конце XX века. Во втором номере «Вопросов языкознания» за 1994 г. опубликована статья американского лингвиста Л.Х. Бэбби [Бэбби 1994], предлагающая «новую теорию падежа» в рамках общей Government and Binding – теории (Government and Binding – «управление и связывание»). Данная теория представляет собой усовершенствованный вариант трансформационно-генеративной грамматики Н. Хомского.

Таким образом, мы видим, что история изучения категории падежа весьма богата. Как отмечает в своей работе А.М. Лаврентьев, «говоря о падежах, грамматисты имеют в виду одну и ту же языковую сущность (или, во всяком случае, близкие по своей природе языковые сущности). Однако сформулировать «общий знаменатель» различных определений, особенно учитывая современные исследования языков, строй которых совершенно отличен от индоевропейских, весьма трудно» [Лаврентьев 1999: 56]. Под *падежом* в лингвистической науке подразумевается, прежде всего, грамматическая категория склоняемых слов. В традиционном понимании *категория падежа* – это словоизменительная категория имени, выражающаяся в системе противопоставленных друг другу рядов форм и обозначающая отношение зависимого имени к другому слову (словоформе) в составе словосочетания или предложения [Русская грамматика 80: 474].

В настоящей работе падеж рассматривается традиционно – как форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи. Вслед за В.В. Виноградовым мы можем считать, что «в падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности. Тут объединяется множество грамматических категорий, выражающих семантические оттенки пространственных, временных, притяжательных,

причинных, целевых и других отвлеченных отношений» [Виноградов 1972: 139].

В данном параграфе настоящей работы были представлены попытки рассмотрения основных концепций категории падежа, описанные в античных грамматиках и в работах современных российских и зарубежных лингвистов. Следующий параграф нашей работы будет посвящен описанию различных языковедческих взглядов в их отношении к определению интересующего нас творительного падежа.

1.2. Творительный падеж как объект языковедческих дискуссий

Анализируемый нами творительный падеж многократно становился предметом изучения ряда работ отечественных и зарубежных исследователей. Как известно, термин *творительный падеж* впервые был введен в научный оборот русской лингвистической мысли Лаврентием Зизанием в его «Грамматике словенской» 1596 года. В третьей части «Грамматики словенской» – этимологии – излагается учение о частях речи. Их у Лаврентия Зизания восемь: различие, имя, местоимя, глагол, причастие, предлог, наречие, союз. В этой же главе при описании имени Л. Зизаний отмечает у данной части речи наличие шести падежей: именовный, родный, дательный, творительный, виновный, звательный. Отметим, что в греческой языковой системе творительного падежа не было. Латинские грамматики называли его сначала «шестым падежом», а затем – аблативом. Аблатив в латинских грамматиках имел различные значения, включая значения наших творительного и местного падежей. Одну из функций латинского аблатива Л. Зизаний открыл в славянской грамматической системе. Функцией выделенного падежа определялось указание на деятеля, производителя действия. Этот падеж связан по семантике с глаголом «творить» – делать что-то при помощи какого-то орудия, средства. Отсюда и основное значение творительного падежа – орудийное, инструментальное.

Творительный падеж – шестой в русской системе падежей, формы которого были представлены у существительных разных типов склонения в памятниках древнерусского литературного языка [Ковалевская 1992: 52]. Название падежа представляет собой кальку латинского слова *instrumentalis*, которое было заимствовано немецкой грамматикой и ныне употребляется в форме *Instrumental* для описания языковых единиц славянских и других языков. В русской научной терминологии иногда используется также интернациональный термин *инструментал* как синоним к славянскому названию.

Проблема генезиса творительного падежа в предикативной функции и история его развития в донациональную эпоху, до XVII в. включительно, является вопросом, к которому неоднократно обращались и классики лингвистической науки, и современные исследователи (см., в частности, [Борковский 1978: 78–85], [Мразек 1964: 209–222]), [Овсяннико-Куликовский 1912: 155–176], [Потебня 1888: 493–522] и мн. др. Однозначно доминирующей является точка зрения о более позднем происхождении творительного падежа предикативного, который «весьма медленно» проникает в язык еще в праславянскую эпоху [Мразек 1964: 209–210]. После этого начинается процесс его «постепенной экспансии», затронувший, в первую очередь, русский и другие восточнославянские языки, в которых он обретает «наибольшую функциональную емкость» [Мразек 1964: 209–210]. Классиками русской лингвистики процесс, в ходе которого творительный падеж замещает так называемые вторые согласуемые падежи (именительный, а также винительный и дательный падежи), трактуется как «частный случай общего стремления индоевропейских языков заменить параллелизм подчинением, в частности согласование – управлением» [Пешковский 1956: 223]. Лингвисты отмечают, что наиболее характерным для творительного падежа было его использование с формой «давнопрошедшего» времени. Согласно мнению К.И. Ходовой, чаще всего творительный падеж употреблялся в сочетании с полужнаменательными глаголами – так же, как и в старославянском языке [1963: 130–132]. По данным З.Д. Поповой, к концу XVII в. творительный падеж предикативный был «более обычным при глаголах названия, реже выступал при глаголах преобразования и почти не употреблялся при глаголах бытия» [Попова 1970: 63]. Одновременно есть указания на то, что рост употребления творительного падежа предикативного при формах прошедшего времени глагола *быть* намечается уже в памятниках XVII в. [см: Патокова 1929: 8].

Весьма интересная тенденция обозначена Дж. Николс, которая, анализируя вариативность именительного и творительного падежа в русском

языке второй половины XX в., приводит примеры лексико-семантических классов существительных, одни из которых проявляют склонность к употреблению в именительном падеже, а другие – в творительном. По ее данным [Nichols 1981: 183–189], при связке *был* в именительном падеже чаще используются существительные, называющие лицо по национальности, оценочные имена (*дурак, красавица* и т.п.), а также десемантизированные существительные, используемые с определением (*хороший человек* и т.п.). К творительному падежу, как и в языке предыдущих эпох, склоняются названия субъекта по должности, статусу, функции, абстрактные и отглагольные существительные и – что разительно отличает нынешнее употребление от условий, описанных А.А. Барсовым в конце XVIII в., – термины родства.

Несмотря на то, что употребления творительного падежа существительных в сочетании с именами относительно широко распространены в современном русском языке и известны с древнейших времен, невозможно назвать исследование, в котором четко обозначены семантические отличия между разнородными конструкциями с творительным падежом в приименном употреблении. Еще А.А. Потебня, выделив «творит[ельный] условленный именем и наречием» в особый тип, предпринимает попытку «соединить случаи, несоставляющие одной резкообособленной категории, но связанные между собою равномерным отличием от соответственных творит[ельных] условленных глаголом» [Потебня 1958: 472].

В дальнейшей практике научных исследований превалируют два принципа, ни один из которых не дает полной картины описания указанного явления: либо происходит смешение разных по своему значению конструкций, которые обладают общностью синтаксических признаков, либо, напротив, следует неоправданное обобщение семантики, выражаемой синтаксически неоднородными конструкциями. (см., к примеру, [Грамматика 1970: 330]).

Эти наблюдения лишь еще раз подчеркивают, что на протяжении последних 300 лет происходит активизация творительного падежа при параллельном разграничении контекстов, в которых один из падежей оказывается более частой формой. При этом творительный падеж развивается столь динамично, что постепенно он начинает вторгаться и в те семантические зоны, где еще в конце XVIII в. он был практически невозможен.

В истории лингвистической науки есть немало исследований, в которых предпринималась попытка детально описать сферу использования творительного падежа в русском языке, однако классические примеры научных описаний творительного падежа имеют каждый свою специфику, которая лишает предлагаемые модели универсальности. Грамматистами обсуждается как количество значений творительного падежа, так и его основное значение. К единому мнению по этим вопросам исследователи не пришли, причем различия наблюдаются не только в количестве выделяемых значений, но и в их дефиниции.

Сущность и значение русского творительного падежа представители различных лингвистических направлений определяли по-разному. Так, первыми на сложность и неоднозначность этой формы обратили внимание лингвисты, работавшие в русле *сравнительно-исторического языкознания*, в рамках которого принято выделять *логическое* и *психологическое направление*.

Сторонники *логико-грамматического направления*, которое в основном связывают с трудами Ф.И. Буслаева, в подходе к языку и мышлению, отождествляя логику с грамматикой, исходили из общих законов формальной логики. Представители этого направления не признавали качественных различий близких по значению грамматических категорий, не выделяли смысловые оттенки разных синтаксических построений и не анализировали особенности их оформления. Так, А.Х. Востоков в своей «Русской грамматике» напрямую связывает падежные значения с качеством управляющего слова и последовательно рассматривает беспредложное

употребление творительного падежа, а затем функции существительных в творительном падеже, «управляемых предлогами» [Востоков 1839: 291].

Заслугой Ф.И. Буслаева в описании русского творительного падежа можно считать выделение следующих четырех типов значений: «творительный в значении лица действующего, творительный в значении признака или состояния, творительный признака в функции определения, творительный обстоятельственный» [Буслаев 1959: 467], что послужило основой для дальнейшего семантического описания анализируемой конструкции. В своем труде «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858) Ф.И. Буслаев предложил связать систему значений творительного падежа с синтаксической функцией имен, принимающих форму этого падежа. В качестве подлежащего, по мнению Буслаева, выступает творительный падеж лица действующего при страдательном глаголе; в качестве сказуемого – творительный падеж признака или состояния при глаголах *быть*, *стать*, *сделаться* (т.е. предикативный); как определение употребляется творительный падеж признака, перешедший из сказуемого; в роли обстоятельства – а) Т.п. качества и отношения, б) орудия, в) образа действия, г) причины и основания, д) времени, е) места [Буслаев 1959: 467–473].

Следующим важным этапом в описании русского творительного падежа можно считать исследования А.А. Потебни – известного приверженца **психолого-синтаксического направления** в отечественной лингвистике. По мысли А.А. Потебни, для понимания синтаксиса языка необходимо исходить не из логического, а из психологического суждения, то есть из акта мышления, когда прежде познанному приписывается вновь познаваемое. Согласно его концепции, исследование языка дает возможность создать единые принципы осознания человеком объективного мира в самом языке, психике, мышлении. В своем труде «Из записок по русской грамматике» А.А. Потебня указывал на синкретичность творительного падежа и сложность разграничения его значений.

По его мнению, «бесспорны только те случаи, в коих вещественное значение слов, стоящих в творительном, например, место, время, совпадает с формальным» [Потебня 1958: 431]. Поэтому в работах А.А. Потебни выделяется уже не четыре, а девять типов творительного падежа. Вместе с тем, особенно прогрессивным можно считать тезис А.А. Потебни о синкретизме творительного падежа. Ученый, признавая невозможность существования разных значений в одной форме, считал, что в одной форме творительного падежа объединяется несколько творительных падежей: «...Мы говорим об одном творительном падеже в русском языке, но на деле этот падеж не одна грамматическая категория, а несколько различных, генетически связанных между собою. Всякое особое употребление творительного есть новый падеж, так что, собственно, у нас несколько падежей, обозначаемых именем творительного» [Потебня 1958: 64]. Проведя детальный анализ творительного падежа в историческом плане, А.А. Потебня выделил следующие его типы: творительный падеж социативный; творительный места; творительный времени; творительный орудия, объединив его с творительным средства; творительный падеж, условленный страдательным сказуемым, который, по мнению лингвиста, близок к творительному орудия. В роли страдательного сказуемого, по мнению А.А. Потебни, выступают возвратные глаголы, сохраняющие следы страдательности, например, *мучиться, тревожиться* – или в примерах: *бочка настоялась вином* (т.е. вино настояло бочку), *свеча занимается огнем*.

А.А. Потебня выделял также творительный падеж, условленный именем и наречием, пытаясь соединить в нем «случаи, не составляющие одной резко обособленной категории, но связанные между собою равномерным отличием от соответственных творительных, установленных глаголом» [Потебня 1958: 458]: творительный при прилагательных и наречиях сравнительной степени, означающий меру того, чем один предмет превосходит другой (*головой выше*), творительный отношения (*высок ростом, герой лицом*), который О.С. Ахманова, называет творительным ограничения [Ахманова 1966: 469], а в

Русской грамматике – 1980 он определяется как имеющий значение уточняющего признака [Русская Грамматика 80, т.1: 482].

Вслед за А.А. Потебней, А.А. Шахматов делает следующее замечание относительно творительного падежа: «Творительный означает, что признак испытывает на себе действие зависимой субстанции и таким образом влияет отражённо на субъект производителя признака» [Шахматов 1941: 307–308] и указывает на «причинное значение творительного прилагольного» [Шахматов 1941: 342].

Творительный причины современными учеными, как правило, не упоминается, либо отмечается, что он вышел из употребления. Однако еще А.А. Потебня указывал, что «в новом литературном языке этот творительный становится все реже к нашему времени... На место этого творительного становятся разнообразные описания (как «по причине», «вследствие») и грамматические построения: от страха, с голоду, по лености, за недосугом, через это, из-за тебя» [Потебня 1958: 468-469].

Т.П. Ломтев, говоря, что творительный падеж «раньше других был использован для обозначения причины и был известен в этом значении старославянскому языку», подчеркивает, что «в современном языке творительный в этом значении сохранился незначительно» [Ломтев 1956: 247, 252].

По свидетельству К.И. Ходовой, в современных славянских языках творительный причины употребляется редко; его остатки чаще встречаются в диалектах; лишь в чешском литературном языке выражение причины осуществляется с помощью творительного падежа [Ходова 1958: 181-19]. Довольно категорично говорит о конструкциях с творительным беспредложным причины Л.П. Якубинский: «Творительный обстоятельственный причины совсем выходит из употребления. Такие выражения, как умереть голодом (= по причине голода, от голода), совсем невозможны в современном языке» [Якубинский 1953: 180]. Нет упоминания

о творительном со значением причины и в «Грамматике русского языка» [Якубинский 1953, т.1: 126-129].

Иной взгляд на проблематику русского творительного падежа предлагают представители *формально-синтаксического* направления, в работах сторонников которого падежным формам приписывается *структурная функция*, однако не обсуждается вопрос о том, что употребление падежных форм связано с передачей определенной семантики. Так, А.М. Пешковский в труде «Русский синтаксис в научном освещении» выступает против предложения А.А. Потебни раздробить категорию творительного падежа на несколько грамматических категорий. «Мы получили бы абсолютно однозвучные категории (например: *столом – водой – костью – столами – водами – костями*) как категорию орудности и те же формы как категорию сравнения» [Пешковский 1956: 282]. Однако ученый признавал, что в творительном падеже заключены как однородные, переходящие друг в друга, так и совершенно разнородные значения, и выделял следующие значения творительного падежа: орудия, причины, способа, усиления, действующего лица в страдательных оборотах, полупредикативный, предикативный, ограничения, пути, времени – и творительный падеж в устойчивых сочетаниях, в которых слияние глагола с существительным делает значение творительного падежа почти неопределенным [Пешковский 1956: 301-304].

Особый интерес представляет освещение вопроса противоречивости свойств русского творительного падежа в работах академика В.В. Виноградова. В своем классическом труде «Русский язык: грамматическое учение о слове» он отметил следующее: «У современных грамматистов больше всего тревоги возбуждает категория творительного падежа» [Виноградов 1975: 171]. Описывая творительный падеж, В.В. Виноградов указывает на то, что некоторые функции творительного падежа, выделяясь из системы других значений данного падежа, «тяготеют к другим грамматическим формам» [Виноградов 1975: 171] (ср., напр., адвербиализация

творительного времени: *летом, зимой, вечером*; творительного образа: *грудь колесом, волосы дыбом*; творительного сравнения: *нестись стрелой* и т.п.). При этом, как указывает В.В. Виноградов, «эволюция творительного падежа приводит не к образованию новых падежей имени существительного, а к возникновению наречий» [Виноградов 1972: 171] (ср., напр., *днем, вечером, бегом, мигом*). Однако основные «значения творительного падежа удерживаются в рамках одной грамматической категории» [Виноградов 1972: 171].

Востоковские традиции в некоторой степени продолжены авторами *Грамматики русского языка* (1960), где в разделе «Словосочетание» поочередно рассматривается приглагольное употребление творительного падежа без предлога, затем – с предлогом, а далее приименной творительный падеж как в предложном, так и беспредложном употреблении [Грамматика 1960: 130–138, 187–198, 241–242, 267–275, 305–307, 321–323]. Подобное описание сводится, в итоге, к перечислению всех возможных комбинаций существительного с предлогом, каждая из которых принимает определенное значение.

Наряду с известными русскими и советскими лингвистами, исследовавшими с разных точек зрения падежные функции и значения (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов и мн.др.), можно назвать ряд крупных авторов за рубежом, внесших вклад в решение проблем падежа и выражаемых им отношений. В 30-е – 40-е годы XX века широкий отклик вызвала работа Р. Якобсона, поставившая по-новому вопрос о семантике падежа, касающейся выделения у каждого отдельного падежа его общего и частного значений. Так, для русского языка Р. Якобсон устанавливает следующий перечень дифференциальных признаков, комбинируя которые можно, как предполагается, описать любой русский падеж: «объемность/необъемность», «периферийность/непериферийность», «направленность/ненаправленность». Основой для установления этих признаков является, как утверждает Якобсон, указание на границу участия

означенного предмета в вещественном содержании высказывания. Например, винительный отличается от дательного как непериферийный от периферийного, так как на предмет, обозначенный словом в форме винительного падежа, действие распространяется непосредственно (*давать книгу*), а на предмет, переданный словом в дательном падеже, действие распространяется лишь косвенно: этот предмет существует «на периферии» данного действия; дательный падеж, по словам Р. Якобсона, выражает независимое от действия существование предмета (*давать книгу брату*). Родительный и предложный падежи отличаются от всех остальных необъемных падежей как объемные, поскольку они указывают на «границу участия» данного предмета в действии и – шире – «в вещественном содержании высказывания». Так, например, в словосочетании *принести чашку чая* указывается «объем» (не весь чай, а чашку чая), а в словосочетании *лежать на диване* (обращается внимание на определенное место в пространстве, ограниченный объем). Винительный и дательный падежи выделяются как направленные, так как только они связаны с выражением направленности действия и т. д.

В итоге, несколько упрощая схему Р. Якобсона, можно сказать, что именительный падеж в этой системе выступает как ненаправленный, непериферийный, необъемный; родительный – как объемный, непериферийный, ненаправленный; дательный – как необъемный, периферийный, направленный; винительный падеж – как направленный, непериферийный, необъемный; творительный – как необъемный, периферийный, ненаправленный; предложный – как объемный, периферийный, ненаправленный [Якобсон 1980: 84]. Главный же недостаток изложенной концепции заключается, по-видимому, в следующем: Р. Якобсон анализирует значения падежей так, как если бы они были полностью подобны формам времени, вида или числа, т. е. таким формам, которые в значительной мере независимы от синтаксиса. По существу, он исследует лексико-

семантический контекст, в котором употребляются те или иные падежи, «минуя» их синтаксические функции.

Теория Якобсона явилась в своем роде основополагающей и широко использовалась в последующие годы в лингвистических исследованиях. В 50-е – 60-е годы XX века падежные отношения были объектом анализа в работах представителей трансформационного синтаксиса [Уорс 1962]. Провозглашенный структурализмом приоритет формы сделал еще более очевидным отмечавшийся и ранее факт несоответствия формы падежей выражаемым ими значениям. Возникшая позже теория поверхностных и глубинных структур расширила представление об этом несоответствии и основное внимание стала уделять семантическому компоненту падежной структуры.

Лингвисты второй половины XX века не оставляли попытки создания классификации значений творительного падежа и, чтобы преодолеть дробность, выделяли несколько основных значений (чаще – одно или два), в которых смогли бы логически объединиться «далекие на первый взгляд функциональные разновидности творительного падежа» [Сикацкая, Никитина 1993: 91]. Обзор лингвистической литературы дает основание утверждать, что отечественными лингвистами были предприняты попытки создать различные семантические типы творительного падежа (подробнее см., напр.: [Голанов 1965: 46–47]; [Валгина, Розенталь 2002: 160–161]). Так, например, творительный прилагольный, согласно мнению авторов пособия «Современный русский язык», имеет следующие значения: орудия действия, деятеля, сравнения, объекта действия и др., а в творительном приименном значения не выделяются, так как он «в основном выражает те же значения, что и прилагольный» [Шанский, Тихонов 1981: 116]. Другие исследователи кладут в основу классификаций значений творительного падежа синтаксические отношения и выделяют объектное, обстоятельственное, субъектное значения, значение предикативного признака, а в обстоятельственное включают значения места, времени, причины, величины,

размера и др. (см., например.: [Грамматика 70: 330; Русская Грамматика 80, т.1: 482])).

В этой связи интересна точка зрения В.П. Сухотина, который, классифицируя семантические функции творительного падежа, попытался установить общие грамматические функции данного падежа и выявил у беспредложного творительного падежа обобщающее значение средства осуществления действия (сюда входят творительный материала, творительный орудия, творительный содержания, речи, мысли и восприятия) и обобщающее значение способа или характера совершения действия в широком смысле этого термина (эта группа включает в себя творительный образа действия, творительный сравнения, творительный способа передвижения). Конструкции с творительным средства и способа, в свою очередь, объединяются в более широкую группу синтаксических образований с обобщающим значением определительно-обстоятельственного характера, что происходит при установлении общих грамматических функций беспредложного творительного [Сухотин 1956: 248-249]. Классификация В.П. Сухотина представляется вполне логичной, однако в ней, как кажется, неучтенными остаются предложные сочетания.

Чешский лингвист Р. Мразек, решая вопрос о функциях творительного падежа, подходит к этой проблеме с семантико-синтаксических позиций и делит творительный падеж на творительный семантический (обстоятельственный), включающий в себя инструментальный творительный, творительный образа действия, творительный меры, ограничения, причины, места и времени, и творительный синтаксический, к которому относятся необстоятельственные функции творительного падежа: творительный субъектный, объектный и предикативный. Необходимость выделения синтаксического творительного падежа Р. Мразек объясняет тем, что, хотя творительный падеж «остается падежом в немалой мере семантическим, адвербиальным, сохранившим некоторые весьма интересные древние типы, но все-таки степень его синтаксичности велика» и «к настоящему времени он

оказывается продуктивным именно в своих чисто синтаксических функциях, между тем как в функции обстоятельства наблюдаются и некоторые регрессивные тенденции» [Мразек 1964: 17]. Попытка чешского лингвиста разграничить семантический и синтаксический творительный падежи интересна, но и она не решает проблемы обобщения разнородных значений данного падежа.

Как справедливо отметила в начале 70-х годов XX века Н.Д. Арутюнова, «развитие лингвистической мысли пошло по пути постепенного освобождения грамматических категорий от давления формы в подходе к ним и переноса центра тяжести на функцию, т.е. в конечном итоге по пути построения грамматики на семантической основе» [Арутюнова 1973: 118]. В современной лингвистике падеж широко изучается с функционально-семантической точки зрения, то есть в плане выявления пучков связей и функций для каждого отдельного падежа, проявляющихся в рамках функционально-смысловых образований, и через призму взаимодействия семантического и формального компонентов в его структуре.

Очередную попытку обобщения семантических функций творительного падежа предпринял Ю.А. Пупынин. Он интерпретирует содержание формы творительного падежа с точки зрения ее роли в высказывании как совокупность трех семантических функций: экспоненциальной, инструментальной и классифицирующей. По мнению Ю.А. Пупынина, центральной функцией творительного падежа является экспоненциальная, так как «общая роль обозначенных формой творительного падежа субстанций состоит в том, что они определенным образом экспонируют действие, проявляют его акциональную природу через свое собственное участие, движение или состояние» [Пупынин 1985: 132]. Инструментальная функция может быть представлена как разновидность экспоненциальной, поскольку отличие ее от последней состоит лишь в том, что она наделена дополнительным семантическим признаком специального выбора экспонента для производства целенаправленного действия. Лингвист выделяет у формы

творительного падежа две основные функции: экспоненциальную и классифицирующую (классифицирующую функцию в творительном падеже выполняет творительный предикативный), а из этих двух функций наиболее существенной, по мнению ученого, является экспоненциальная, «поскольку классифицирующую функцию может выполнять также форма именительного падежа, выступающая в синтаксической роли сказуемого» [Пупынин 1985: 140].

Таким образом, к экспоненциальной функции, понимаемой исследователем очень широко, могут быть отнесены самые разные случаи использования русского творительного падежа и, как справедливо подчеркивают Н.Ю. Сикацкая и Т.П. Никитина, «под этой вывеской оказываются собранными семантически не сопоставимые значения падежа» [Сикацкая, Никитина 1993: 92].

Желание исследователей увидеть за конкретными функциональными разновидностями творительного падежа общее значение представляется закономерным, но, как показывает анализ известных нам классификаций, попытки подобного обобщения не приводят к логической четкости. Это объясняется, вероятно, тем, что русский творительный падеж имеет множество семантических разновидностей, объединяет в себе разнородные значения, характеризуется переплетением функций. Чтобы выявить обобщающие значения, по мнению В.П. Сухотина, необходимо «тщательное сопоставление частных значений в современном языке, а также изучение исторического развития этих значений» [Сухотин 1956: 248]. Но в реальности, как подчеркивает С.Д. Кацнельсон (и нельзя с этим не согласиться), частные значения единого общего значения «являются функциональными единицами, каждая из которых обусловлена системой языка и должна быть выделена особо» [Кацнельсон 1972: 43].

Ввиду разнообразия значений, опираясь на факты современного русского языка, Ж. Вейренк даже приходит к выводу о том, что название описываемого падежа не соответствует действительности, так как «в большей

степени своих употреблений творительный не играет роли инструмента действия» [Вейренк 1971: 138], и предлагает назвать его «инклюзивным» [Вейренк 1971: 138].

Таким образом, лингвисты второй половины XX века рассматривают форму и содержание в их взаимосвязи и взаимообусловленности. В этом смысле и падеж трактуется как словоизменительная категория имени, обладающая формой и содержанием: конкретно падеж – это словоформа существительного, несущая отвлеченное значение отношения и определяющаяся категориальными свойствами и самой формой подчиняющего слова, характером связующего элемента (предлога), а также часто и лексической семантикой имени [Грамматика 1970: 326]. Поскольку падежная форма несет в себе значение отношения, то она, являясь элементом структуры предложения, выполняет в нем определенную синтаксическую функцию – функцию выражения этого отношения. Синтаксическая функция создается как внешним проявлением падежа – его формой, так и типовым значением этой формы, дополняемым лексическим значением выступающего в падежной форме существительного и значением подчиняющего слова.

Как показывает обзор ряда лингвистических работ, творительный падеж за долгую историю существования лингвистики достаточно часто попадал в поле зрения исследователей. Действительно, полифункциональность русского творительного превращает его в один из проблемных вопросов. По-разному определяли сущность творительного падежа представители различных лингвистических направлений. В работах представителей логико-грамматического и психологического направлений были сделаны подробные выводы относительно количества значений русского творительного падежа. Так, А.Х. Востоков последовательно рассматривает беспредложное употребление творительного падежа, а затем – функции существительных в творительном падеже, управляемых предлогами. Ф.И. Буслаев делает попытку выделить 4 типа значения творительного падежа. Вместе с тем, А.А. Потебня указывал на синкретичность творительного падежа и сложность

разграничения его значений. В работах лингвистов формально-синтаксического направления представлен иной взгляд на проблематику русского творительного падежа: сделан акцент на его синтаксическое функционирование, однако не обсуждается вопрос о том, что употребление падежных форм связано с передачей определенной семантики. Лингвисты второй половины XX века, решая вопрос о функциях творительного падежа, подходят к этой проблеме с семантико-синтаксических позиций.

Исходя из проведенного анализа, позволим себе сделать вывод о том, что словоформа падежа, его функция в предложении и значение представляют собой сложное диалектическое целое. Соотношение морфологической формы падежа и его синтаксической функции, взаимосвязь и взаимообусловленность синтаксической функции падежа и падежного значения, количество частных значений того или иного падежа и способы их выделения – вот тот сгусток проблем, который служит предметом непрекращающихся лингвистических дискуссий и все новых языковедческих изысканий в сфере русского творительного падежа.

1.3. Сочетания «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с» в русистике

Сочетания имен существительных с именами существительными известны в лингвистической литературе как именные (субстантивные) словосочетания с зависимым компонентом, выраженным падежной или предложно-падежной формой.

Как в свое время заметил В.В. Виноградов, «характерным для развития синтаксического строя русского языка всеми грамматистами признается рост, расширение употребительности предлогов, предложно-падежных форм» [Виноградов 1972: 679]. Этот процесс представляется естественным и закономерным, если вспомнить, что «падеж – это форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи, что круг этих отношений расширяется, так как в падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности» [Виноградов 1972: 167].

Грамматический аспект изучения сочетаний «имя существительное + имя существительное в творительном падеже», очевидно, начинается с морфолого-синтаксических исследований и – в первую очередь – с работ М.В. Ломоносова, А.Х. Востокова, Н.И. Греча и др.

Согласно замечанию В.В. Виноградова, «синтаксис русского языка уже на начальных стадиях его научной разработки опирается на признание необходимости исследования «речи», предложения и одновременно на теорию и практику словосочинения, т.е. на описание грамматических способов сочетания слов» [Виноградов 1978: 38]. Так, с учением о «сочинении частей слова» можно встретиться уже в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова. К примеру, в «Наставлении шестом» «Российской грамматики» «сочинение частей слова» сводится у Ломоносова к правилам сочетания слов в предложении по принципу согласования и управления. Устанавливая правила сочетания слов, М.В. Ломоносов приходит к выводу о наличии разных

степеней грамматической обобщенности и абстрагированности форм словосочетания. В результате в отдельных случаях он выразительнее подчеркивает глубокую зависимость синтаксических связей от лексических значений сочетающихся слов.

В этом наставлении достаточно подробно для своего времени характеризуются и описываются синтаксические связи различных частей речи (как знаменательных, так и служебных) и конкретные способы их сочетания в русском языке. При этом, Ломоносов устанавливает основной, ведущий принцип образования сочетаний слов – синтаксическое распространение частей речи путем присоединения к ним других слов (частей речи), опирающееся прежде всего на синтаксические свойства стержневого, грамматически господствующего слова сочетания.

Относительно сочетаний с творительным падежом у М.В. Ломоносова отмечается следующее: «Страдательный глагол требует родительного с предлогом *отъ* или творительного без предлога: *книга твоя прочтена мною со вниманіемъ; Дарій побѣжденъ отъ Александра, но убить отъ своихъ рабовъ*. Сей творительный должно различать от творительного, орудие значащего, который при глаголах всякого рода служит: *умереть лихорадкою; коснуться рукою; подниматься веревкою; рубиться саблею*. Взаимные требуют творительного с предлогом *съ*: *во всю жизнь со страстьми боремся; знаясь съ добрыми людьми похвально*. К сему присовокупляется прилично творительный падеж орудия: *знаясь съ добрыми людьми хлѣбомъ да солью; во всю жизнь со страстьми боремся духомъ*» [Ломоносов 1952: 389].

Вслед за М.В. Ломоносовым А.Х. Востоков в «Русской грамматике» определял синтаксис именно как «словосочинение». Согласно утверждению А.Х. Востокова, «словосочинение есть часть Грамматики, показывающая правила, по коим совокуплять должно слова в речи» [Востоков 1839: 219]. Основным предметом и задачами синтаксиса словосочетания А.Х. Востоков считал изучение и определение правил 1) «согласования слов» и 2) «употребления падежей, или управления слов» [Востоков 1839: 229]. Заметим,

что в «Русской грамматике» А.Х. Востоков большое место отводит вопросам управления, понимаемое как «требуемое каким-либо словом употребление известного падежа в другом слове, от него зависящем» [Востоков 1839: 244].

В беспредложном употреблении падежей ученый выделяет, например, «цельные синтаксические сочетания, выступающие в функции одного управляемого члена, в § 125 – «человек каких лет? *пожилых лет*; какого роста? *среднего роста*» и т. п.» [Востоков 1839: 244]. Указывая на расхождение в управлении различных частей речи, словообразовательно связанных друг с другом (например, § 124 – «учить грамматике», «учитель грамматики» и т. д.) [Востоков 1839: 244], А.Х. Востоков в то же время приводит перечни близких по значению глаголов и имен, сочетающихся с дополняющими их словами в одном падеже (ср., например, § 139 – «посылать, обратиться, отнестись к кому» и «посылка, обращение, отношение к кому») [Востоков 1839: 251]. Востоков выделяет и дает характеристику определенным лексико-семантическим разрядам, связанным с определенными формами управления. Предлоги имеют, как полагает А.Х. Востоков, собственное значение, и они в падежной системе служат «помощью падежам, показывая отношения между предметами» [Востоков 1839: 251].

Н.И. Греч в «Практической русской грамматике» понимает под управлением слов «правила, по коим выражаются в предложении различные отношения подлежащего и сказуемого» [Греч 1834: 266].

Таким образом, к 30-м годам XIX столетия в отечественном языкознании было положено начало глубокому изучению словосочетаний: наметились ведущие принципы этого изучения, были описаны некоторые структурные типы (наиболее обстоятельно – построенные по способу управления) и, тем самым, создана основа для разработки теории словосочетания и определения последнего как синтаксической единицы. Теория словосочетания, нашедшая воплощение в работах В.В. Виноградова, А.М. Пешковского, А.А. Потебни, А.А. Шахматова и многих других отечественных лингвистов, послужила исходной базой и, вместе с тем,

получила свое дальнейшее развитие в ряде работ, касающихся отдельных разрядов и групп словосочетаний.

В XX веке в русской грамматике возникает и начинает активно развиваться направление, которому удалось преодолеть разрыв между двумя противоборствующими концепциями – формально-грамматической и логико-семантической, – долгое время господствующими в учении о предложении. Объединение двух точек зрения относительно анализа синтаксических единиц, считавшееся до этого времени невозможным, все же произошло в рамках *особого структурно-семантического направления*, которое, по меткому замечанию В.В. Бабайцевой, не возникло на пустом месте, а «представляет собой очередной этап развития традиционного (классического) языкознания, которое не остановилось в своем развитии, а стало фундаментальной основой для синтеза достижений различных исследований языковых явлений» [Бабайцева 2005: 456]. Преимущество структурно-семантического направления в синтаксисе состоит в том, что оно свободно от одноаспектного взгляда на синтаксические явления и стремится представить предложение и его члены в единстве всех аспектов: логического, структурного, семантического, коммуникативного. То, что синтаксические единицы не являются одномерными, неоднократно отмечалось и ранее, но именно в трудах представителей структурно-семантического направления (И.В. Артюшков, В.В. Бабайцева, Л.Д. Беднарская, И.В. Высоцкая, П.А. Лекант, Л.Ю. Максимов, В.Н. Мигирин, Л.Д. Чеснокова, В.И. Фурашов и др.) проблема многомерности, многоаспектности синтаксических явлений становится предметом специального анализа, описания и обсуждения. Так, В.В. Бабайцевой следующим образом сформулированы основные постулаты структурно-семантического направления: «В структурно-семантических исследованиях и описаниях синтаксических единиц учитывается 1) их многоаспектность; 2) система членов предложения; 3) значение элементов и значение отношений; 4) синхронная переходность в системе языка, синкретизм фактов языка и речи и др.» [Бабайцева 2006: 54–64].

Таким образом, согласно одному из высказанных постулатов, структурно-семантическое направление не отказывается от системы членов предложения. Несовершенство традиционной системы членов предложения, невозможность однозначной квалификации многих словоформ в составе предложения не привело представителей структурно-семантического направления к разработке принципиально новой терминологической концепции. Вполне очевидно, что замена терминов, которая имеет место в ряде современных работ, не влияет на качественный вклад в развитие лингвистической мысли и проблемность членения предложения сохраняется. Так, по мысли В.В. Бабайцевой, «противоречия и трудности, с которыми сталкивались синтаксисты при анализе предложения, не только не пугают представителей структурно-семантического направления, наоборот, именно такие неоднозначные, сложные, не укладывающиеся в рамки традиционных терминов синтаксические явления прежде всего становятся предметом исследования в структурно-семантическом направлении. Новые подходы к анализу членов предложения, признание явлений переходности и синкретизма позволяют решить многие проблемы, связанные с выделением в частности второстепенных членов предложения. В синтаксических исследованиях отмечается многоаспектность категориальных значений членов предложения, их соотнесенность с понятийно-семантическими категориями субъекта, предиката, объекта, атрибута и др., с категориями актуального членения предложения» [Бабайцева 2005: 456].

В лингвистике XX в. в рамках грамматического направления в изучении сочетаний существительных в творительном падеже с предлогом *с* можно выделить работы, выполненные в русле структурно-синтаксический подхода и представленные исследователями М.В. Всеволодовой, Н.Н. Прокоповичем, В.И. Фурашовым и др., в которых была предпринята попытка установить грамматическую природу словосочетаний.

Учитывая тот факт, что «проблемы сочетаемости слов можно рассматривать как в синтаксическом аспекте, так и в лексико-семантическом»

[Прокопович 1966: 3], представители данного направления исследовали способность имен существительных сочетаться друг с другом в зависимости от ряда факторов, наиболее релевантным из которых был собственно грамматический аспект (принадлежность к той или иной части речи, к известному лексико-грамматическому разряду внутри данной части речи, синтаксическая функция в предложении, порядок следования компонентов, распространенность/ нераспространенность, отношение к категории автосемантичности/ синсемантичности, согласованность/несогласованность, обособленность/необособленность).

Н.Н. Прокопович в своем труде «Словосочетание в современном русском языке» заметил, что «предложные словосочетания с именем существительным в творительном падеже своеобразны по характеру выражаемых отношений. Это своеобразие, особенно ярко выступающее в наиболее употребительных сочетаниях с предлогом «с», связано как с развитием значений беспредложного творительного, так и со значениями предлогов, употребляемых с творительным падежом» [Прокопович 1966: 306]. Далее автор поясняет, что словосочетания с именем существительным в творительном падеже с предлогом *с* «выражают определительные, объектные и пространственные отношения. Характерной чертой подобных словосочетаний является присущий им и общий для них оттенок значения совместности (сопровождения, общности), который обуславливает внутреннюю связь и близость, мотивированность выражаемых в них отношений» [Прокопович 1966: 308].

В свою очередь, А.А. Потебня отмечал, что конструкции с предлогом *с* связаны со значением древнего беспредложного творительного социативного. «Конструкции же с другими предлогами (под, за, перед, между), употребляемыми с творительным падежом, связаны со значениями творительного места и творительного времени, который вообще аналогичен с предыдущим и предполагает его» [Потебня 1958: 438].

Как указывает Е.Г. Сорокин, для сочетаний с предлогом *с* и творительным падежом «значение совместного действия является первоначальным, все остальные значения являются вторичными» [Сорокин 1957: 16-17]. Вслед за А.А. Потебней, автор обращает внимание на то, что все словосочетания с творительным падежом и предлогом *с* выражают прежде всего социативное значение, и одни – в большей степени, а другие – в меньшей. Эти же словосочетания имеют различные оттенки значения, что ранее отмечалось такими исследователями, как А.М. Пешковский, М.А. Шелякин и др.).

Первым интересующие нас сочетания, построенные по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*», подробно проанализировал А.М. Пешковский, выделив следующие «добавочные значения» сопроводительного значения, зависящие от «вещественного значения существительного, стоящего в творительном»:

- а) участия предмета в действии в качестве субъекта (*пью чай с товарищем*);
- б) участия предмета в качестве объекта действия (*пью чай с сахаром*);
- в) характеристику действия (*пью чай с удовольствием*).

Во всех этих случаях «общее значение сопровождения довольно ясно сквозит», а в выделяемом ученым временном значении (*уехать с рассветом*) «основной оттенок сопровождения проглядывает» тоже [Пешковский 1956: 311-312].

Более подробные классификации значений творительного социативного находим у М.А. Шелякина. Следует, однако, обратить внимание на то, что ученый в основу всех рассматриваемых им значений творительного падежа полагает значение социативности предмета. М.А. Шелякин предлагает выводить все значения, присущие творительному падежу из значения социативного. Таким образом, он выделяют, например, значение «социативно-инструментальное», «социативно-временное» и другие значения [Шелякин 1987: 110-111]. При этом в количественном отношении и по своей

употребительности словосочетания с существительным в творительном падеже значительно уступают предложным словосочетаниям с другими падежами.

Таким образом, перечисленные выше исследования субстантивных сочетаний, выполненные в русле сравнительно-исторической и структурно-семантической парадигмы, позволили описать специфику исторического становления обозначенной конструкции, определить её грамматический статус и семантические особенности. Однако ни для кого не секрет, что в подобных исследованиях не учитывалась специфика формирования и функционирования подобных сочетаний в речи носителей языка, что становится предметом анализа в работах последних десятилетий, которые относят к так называемой антропоцентрической парадигме. Данное направление в языкознании открывает новые возможности извлечения когнитивной и ментальной информации из сочетаний слов, функционирующих в современном русском языке. Однако стоит отметить, что на базе русского языка подобные исследования малочисленны и проводились в основном на материале сочетаний существительных с глаголом.

Среди работ, так или иначе касающихся проблем функционирования и семантики конструкций с творительным падежом, необходимо отметить исследования Е.В. Рахилиной [Рахилина 2000] и Н.А. Толкачевой [Толкачева 2003].

В своей работе «Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике» Е.В. Рахилина обосновывает принципы построения именных классификаций на примере различных групп русских существительных. Пытаясь определить критерии возможности/невозможности появления у данной лексико-семантической группы существительных форм множественного числа и проявление того или иного значения творительного падежа, Е.В. Рахилина делает несколько интересных замечаний относительно значений русского творительного падежа. Описывая принцип семантического согласования лексической и

грамматической части значения именной формы в случае многозначного грамматического показателя, автор указывает, что «значения творительного падежа оказываются распределены по разным семантическим классам имен. Так, творительный инструмента оказывается возможен для инструментов, но не, скажем, для одушевленных объектов или веществ, творительный средства – наоборот, для веществ, но не инструментов или периодов времени, творительный времени – для периодов времени, но не пространств, инструментов» [Рахилина 2000: 8].

В свою очередь, Н.А. Толкачева в монографии «Национально-языковая специфика функционирования русского творительного и предложного падежей: на фоне немецкого языка», рассматривая падежные значения двух русских падежей на фоне немецкого языка, выявляет отношение между зависимыми и господствующими лексемами в падежной конструкции, которые характеризуются «наложением грамматического значения падежа на лексическое значение слова, стоящего в падеже» [Толкачева 2003: 4], причем значения имеющихся в словосочетаниях предлогов также принимается во внимание. Тем самым, автор пытается определить ядерные и периферийные значения творительного и предложного падежей. Относительно творительного падежа Н.А. Толкачева делает вывод, что семантическое ядро творительного падежа имеет двухвершинную структуру, состоящую из инструментального и социативного значений.

Таким образом, в отечественном языкознании сочетания с присубстантивным творительным падежом рассматривались в русле различных направлений. Беря за основу хронологические рамки изучения данного языкового феномена, приходим к выводу, что первым среди исследований анализируемых сочетаний слов признается грамматический аспект с наиболее последовательно выделяемыми морфолого-синтаксической, структурно-синтаксической разновидностями. На рубеже XX-XXI веков наряду с продолжающимся «классическим» изучением комбинаций слов – в том числе и сочетаний «существительное + существительное в творительном

падеже с предлогом *с*» – стали появляться и новые экстралингвистические исследования.

Выводы по первой главе

Подводя итоги проведенному в первой главе настоящего исследования анализу теоретических и методологических разработок изучения как категории падежа, так и сочетаний с творительным падежом, мы можем сделать следующие выводы:

1. В соответствии с традиционным пониманием падежа как словоизменительной категории имени, выражающейся в системе противопоставленных друг другу форм и обозначающей отношение зависимого имени к другому слову (словоформе) в составе словосочетания или предложения, в настоящей работе падежные формы, вслед за В.В. Виноградовым, рассматриваются как конструкции, демонстрирующие понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности.

2. Специфика категории падежа, её образования, становления и эволюционирования в языке, а также проблема функционирования падежных форм, несмотря на достаточно долгую историю изучения, остаются вопросами, которые требуют в современной лингвистике не только дополнительного рассмотрения, но и нового осмысления, особенно в контексте современных лингвистических исследований. История анализа падежа как особой категории имени, а также его особенностей уходит корнями в самые ранние научные изыскания древности и начинается со времен зарождения лингвистических традиций, причем следует говорить о двух центрах древнейшего изучения категории падежа – древнегреческой древнеиндийской философии. В трудах древнегреческого философа Аристотеля имеются одни из самых ранних размышлений о падежных формах, которые следует охарактеризовать как двойственные, поскольку имя и глагол ученый считал не только отдельными частями речи, но и одновременно членами предложения, поэтому не включал падежи в круг имен как таковых. При этом самая ранняя из известных ныне падежных доктрин представлена в труде «Восьмикнижие» индийского языковеда, автора древнейшей

грамматики санскрита Панини, который не только отмечал изменение формы имени в предложении, но и выделял семь падежей, которые соответствуют современным.

4. В истории европейской научной мысли обращение к проблеме функционирования категории падежа в языке и создание различных грамматических концепций отмечается в исследованиях А.В. де Гроота, Л. Ельмслева, Е. Куриловича, Р. Якобсона, которые в основном рассматривали функциональный аспект бытования падежных форм и так или иначе настаивали на разграничении грамматических и семантических функций падежа. Работы зарубежных исследователей второй половины XX в. (Ч. Филлмор, У. Чейф) во главу угла ставят понятие «глубинной структуры» падежа, в основу которой легли именно семантические характеристики (агентив, инструментатив, пациентив, фактитив, локатив и т.д.), иными словами функция глубинного падежа во многом определяется лексической семантикой слова. Лингвистические изыскания конца XX в., среди которых отдельно следует отметить статью американского лингвиста Л.Х. Бэбби и работу А.М. Лаврентьева, характеризуются тем, что до настоящего времени не сформулированы какие бы то ни было общие характеристики категории падежа.

5. Анализируемый в настоящей работе творительный падеж становится предметом особого изучения в ряде исследований отечественных и зарубежных ученых, при этом термин *творительный падеж*, представляющий собой кальку латинского слова *instrumentalis*, которое было заимствовано немецкой грамматикой и ныне употребляется в форме *Instrumental* для описания языковых единиц славянских и других языков, в русской лингвистической мысли появляется в XVI в., с момента появления «Грамматики словенской» Лаврентия Зизания.

6. В истории развития науки о языке существует множество работ, в которых предпринималась попытка детально описать сферу использования творительного падежа в русском языке (В.И. Борковский, Дж. Николс, Р.

Мразек, З.Д. Попова и др.), однако даже ставшие классическими научные изыскания (Ф.И. Буслаев, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А.А. Потебня, А.М. Пешковский) не дают универсальной модели категории творительного падежа в русском языке: грамматистами обсуждается как общее падежное значение, так и количество частных значений. При этом нельзя не отметить, что сущность и значение русского творительного падежа представители различных лингвистических направлений определяли по-разному. В работах представителей *логико-грамматического* и *психологического* направлений были сделаны подробные выводы относительно количества значений русского творительного падежа; в работах лингвистов *формально-синтаксического* направления представлен иной взгляд на проблематику русского творительного падежа: сделан акцент на его синтаксическое функционирование, однако не обсуждается вопрос о том, что употребление падежных форм связано с передачей определенной семантики. Лингвисты второй половины XX века, решая вопрос о функциях творительного падежа, подходят к этой проблеме с семантико-синтаксических позиций: отечественными лингвистами были предприняты попытки создать различные семантические типы творительного падежа. При этом лингвисты второй половины XX века рассматривают форму и содержание в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

7. Сочетания имен существительных с именами существительными, ставшие предметом изучения настоящего исследования, известны в лингвистической литературе как именные (субстантивные) словосочетания с зависимым компонентом, выраженным падежной или предложно-падежной формой. При этом грамматический аспект изучения сочетаний «имя существительное + имя существительное в творительном падеже», очевидно, начинается с морфолого-синтаксических исследований и – в первую очередь – с работ М.В. Ломоносова, А.Х. Востокова, Н.И. Греча и др. В лингвистике XX в. в рамках *грамматического* направления в изучении присубстантивных существительных в творительном падеже с предлогом *с* можно выделить

работы, выполненные в русле *структурно-синтаксического* подхода и представленные исследованиями М.В. Всеволодовой, Н.Н. Прокоповича, В.И. Фурашова и др., в которых была предпринята попытка установить грамматическую природу словосочетаний.

8. Исследования субстантивных сочетаний, выполненные в русле сравнительно-исторической и структурно-семантической парадигмы, позволили описать специфику исторического становления обозначенной конструкции, определить её грамматический статус и семантические особенности, при этом они не учитывали специфику формирования и функционирования подобных сочетаний в речи носителей языка, что становится предметом анализа в работах последних десятилетий, которые относят к так называемой антропоцентрической парадигме (исследования Е.В. Рахилиной, Н.А. Толкачевой и др).

Резюмируя рассмотрение теоретико-методологических достижений отечественной и зарубежной лингвистики в сфере анализа как категории падежа в целом, так и конструкции с присубстантивным творительным падежом – в частности, мы должны указать на то, что определенное научно-исследовательское многообразие в разработке этого вопроса и отсутствие каких бы то ни было универсальных моделей и схем анализа, четкого перечня интегративных признаков творительного падежа, а также законченного и принятого всеми лингвистами списка частных падежных значений свидетельствует о том, что анализируемые в настоящей работе конструкции «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» обладают определенным синкретизмом, не позволяющим создать универсальную теорию творительного падежа. При этом значительное увеличение частотности использования присубстантивного творительного падежа влечет за собой и расширение семантики подобных сочетаний, а следовательно, требует дополнительного изучения данной категории.

Этому будет посвящена вторая глава настоящей работы, в которой предпринята попытка рассмотрения типологических характеристик сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с».

ГЛАВА 2.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЧЕТАНИЙ «СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ТВОРИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ С ПРЕДЛОГОМ С»

2.1. Структурно-грамматические типы сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с»

Как уже было сказано выше, с точки зрения структуры, анализируемые нами сочетания слов представляют собой подчинительные словосочетания и характеризуются расчлененностью состава. Разные аспекты описания подчинительных словосочетаний широко представлены в лингвистической литературе 50-х – начала 90-х годов XX века, в частности, в работах Ю.Д. Апресяна, В.В. Виноградова, Ю.С. Долгова, Г.А. Золотовой, Н.М. Лаврентьевой, М.Д. Лесник, В.П. Малащенко, Н.Н. Прокоповича, Е.С. Скобликовой, Е.Н. Смольяниновой, В.П. Сухотина, Л.Д. Чесноковой, Н.Ю. Шведовой и др.

На протяжении нескольких десятилетий, начиная с 40-х годов XX века, выходили многочисленные работы, посвященные описанию конструкций с определенным падежом [Попова 1970] или определенным стержневым компонентом [Золотова 1966; Прокопович 1955]. Нередко ограничение области исследования словосочетаний касалось одновременно морфологических особенностей и главного, и зависимого слов. С середины 50-х годов XX века начинают активно изучаться отдельные виды подчинительной связи: согласование, управление, примыкание. Внимание к природе того или иного вида подчинительной связи не ослабевает и в последующие годы, в основном это касается управления как наиболее неоднозначного вида подчинительной связи [Валгина 2001; Пешковкий 1956].

По верному утверждению Н.С. Валгиной, «управление – это такой вид подчинительной связи, при котором подчиненное слово принимает форму того или иного падежа в зависимости от грамматических возможностей господствующего слова и выражаемого им значения. При управлении устанавливаются отношения объектные (*писать письмо, любовь к родине*), субъектные (*приезд брата*), комплетивные (*четыре сына, ножка стула*). Словосочетания, построенные по типу управления, всегда выражают соотношение с предметом. В качестве управляемой словоформы всегда выступает существительное или его эквивалент: *подошел к соседу, подошел к отъезжающему*. Н.С. Валгина отмечает, что в качестве господствующего слова при управлении может выступать глагол, имя и наречие, что порождает разновидности данной синтаксической связи. Н.С. Валгина предлагает различать:

- управление приглагольное – *купить книгу, подъехать к дому*;
- приименное – *стакан молока, пять братьев, вид спорта, ненависть к врагу, покорный судьбе*;
- принаречное – *украдкой от родителей, наедине с братом, вниз головой*.
- в зависимости от наличия или отсутствия предлога в управляемой форме может быть управление предложное – *любовь к родине, уехать на родину и беспредложное – послать письмо, понятный всякому, полный надежды, ломоть хлеба*» [Валгина 2001: 204].

Как известно, А.М. Пешковским в научный обиход было введено понятие сильного и слабого управления. Это разграничение управления позволило, с одной стороны, сохранить традиционную классификацию видов подчинительной связи по способу оформления зависимого компонента, с другой стороны, показать неоднородность случаев, относящихся к области управления. По мысли ученого, «различие между обязательным (сильным) и факультативным (слабым) управлением тесно соприкасается с сочетаемостью слов обязательной и возможной» [Пешковский 1956: 45]. И само понятие

сильного управления возникло в связи с обнаружением у слов такого свойства, как обязательная сочетаемость.

Развивая идеи А.М. Пешковского, Н.С. Валгина также предлагает выделять два типа управления. По мысли Н.С. Валгиной, «при сильном управлении – как утверждает Н.С. Валгина – господствующее слово своими лексико-грамматическими свойствами предопределяет обязательное появление при нем определенной управляемой падежной формы, т.е. связь является необходимой. Такой связи требуют переходные глаголы, а также некоторые существительные, прилагательные, числительные, например: *послать письмо, нарушить тишину, купить книгу; девять дней, уйма времени; полон надежды, верен долгу* [Валгина 2001: 75].

Характеризуя слабое управление, Н.С. Валгина утверждает, что при таком типе управления «распространение господствующего слова данной падежной формой не предопределено его лексико-грамматическими свойствами, т.е. наличие управляемых форм факультативно; ср.: *поливать цветы, освобождение города* – сильное управление, *поливать из лейки, стучать по столу, благодарить за подарок, улыбнуться другу, перебои в снабжении, перебои со снабжением, бедный духом, глубокий по мысли освобождение армией* – слабое управление» [Валгина 2001: 77]. В освещении вопросов управления как вида синтаксической связи до сих пор нет единства во взглядах. Управляемые формы могут пониматься очень широко, как любые предложно-падежные формы в зависимой позиции, в таком случае примыкающими считаются только неизменяемые части речи. Управление может пониматься более узко, как связь, диктуемая господствующим словом. Такая связь обнаруживается при выражении объектных и восполняющих отношений (*купить книгу, несколько книг*). При таком понимании все предложно-падежные формы, вступающие в обстоятельственные или атрибутивные отношения с господствующим словом, выводятся за пределы управляемых и квалифицируются как примыкающие. Ср., напр.: *бродить между деревьями, жить под горой, голос за экраном, поляна в лесу, незадолго*

перед отъездом. В этих зависимых словоформах усматривается преобладание не объектного значения, а атрибутивного и обстоятельственного в широком смысле слова. Словоформы рассматриваются как потенциальные наречия. Несмотря на то, что узкое понимание управления более соответствует содержательному значению данного термина, до сих пор остается недостаточно ясной грамматическая дифференцированность многих предложно-падежных форм, например, типа *положить на стол* (на что? куда?), *подняться из-за стола* (из-за чего? откуда?), *ехать к другу* (к кому? куда?), *человек долга* (чего? какой?). Как отмечает Н.С. Валгина, «граница между слабоуправляемыми формами и примыкающими становится настолько зыбкой, что лишается четких очертаний, ср.: *гимн труду* – управление, *памятник Пушкину* – примыкание» [Валгина 2001: 78].

Более оправданным представляется все-таки расширенное толкование связи управления, при котором управляемыми признаются любые падежные формы в зависимой позиции, за исключением тех, которые оторвались от своей парадигмы и в той или иной степени адвербиализировались, т.е. употребляются с ослабленным значением падежа и, следовательно, не потенциально, а реально находятся на пути к примыкающим частям речи. Вслед за Н.С. Валгиной, такими формами можно считать: «творительный уподобления, сравнения – *ползти змеей, стричься ежиком, галстук бабочкой, шляпа котелком*; родительный даты – *приехать пятого августа, закончить третьего числа*; винительный количества – *съездить два раза*; винительный времени и отчасти места – *отсутствовать год, молчать всю дорогу*; творительный количества времени – *отсутствовать годами, читать часами*; некоторые выражения полуидиоматического типа – *быть на плохом счету, останавливаться на каждом шагу*» [Валгина 2001: 79].

Анализируя собранный языковой материал, можно сделать некоторые обобщения относительно сочетаний, построенных по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с»:

а) с точки зрения количественно-структурных типов (по количеству составляющих компонентов) анализируемые сочетания представляют собой двухкомпонентные словосочетания;

б) по морфологической характеристике главного слова (по категориальной или лексико-грамматической принадлежности стержневого компонента) – именные субстантивные, с главным словом – существительным;

в) тип связи между компонентами словосочетания – управление;

г) структурная схема словосочетания выглядит следующим образом: «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с».

Дальнейшие наблюдения позволяют выстроить более подробную классификацию языкового материала.

I. Классификация словосочетаний по структуре и характеристике главного компонента.

Главным компонентом анализируемой нами конструкции является имя существительное. Нельзя не согласиться с утверждением Н.В. Юдиной, что «за долгую историю существования и развития лингвистики, имена существительные достаточно часто попадали в поле зрения исследователей» [Юдина 2006: 98]. В лингвистической литературе вопрос, касающийся общекатегориального значения имени существительного, представляется наиболее дискуссионным. Так, например, Л.В. Щерба в своем труде «О частях речи в русском языке» не подвергает сомнению тот факт, что значение категории существительных – предметность, субстанциональность [Щерба 2004: 85]. Похожую мысль находим и в «Исторической морфологии русского языка» А.А. Шахматова: «С одними реальными значениями связывается представление о предметах и явлениях, видимых или познаваемых, – категория этих значений объединяется термином «имя существительное» [Шахматов 1957: 10]. Еще одно замечание относительно имени существительного находим в монографии «Русский язык. Грамматическое учение о слове» В.В. Виноградова: «под категорию имен существительных

подводятся слова, выражающие предметность и представляющие ее в формах рода, числа и падежа» [Виноградов 1972: 46]. Однако, как справедливо заметил В.А. Богородицкий, «обычное школьное определение имени существительного, что оно есть название всякого предмета, вполне понятно, пока речь идет о таких названиях, как стол, стул, лошадь, гусь и т.п. Но к категории имен существительных относятся также слова вроде: краснота, ходьба и т.п. Едва ли мы будем говорить о них, как о названиях предметов, скорее скажем, что словам «краснота» обозначается некое качество, а словом «ходьба» – некоторое действие» [Богородицкий 1935: 109]. Несогласие с традиционной трактовкой значения существительного можно также найти, например, и в одной из известных работ А. Вежбицкой «Семантические универсалии и описание языков», посвященной, в частности, выяснению категориального значения имени существительного.

Многообразие научных точек зрения лишь подтверждает мысль о том, что для современной лингвистики ряд вопросов, касающихся общекатегориальных особенностей имен существительных, оказываются довольно сложными и неоднозначными.

Заметим, что авторы «Академической грамматики русского языка» [Академическая грамматика 1953] не предлагают четких определений имени существительного: «К имени существительному относятся знаменательные слова, которые являются названиями живых существ, обозначают предметы, явления, события реальной действительности или называют в качестве предметов любые действия и состояния, свойства или отношения. Значение предметности имени существительного грамматически выражается в категориях рода, числа и падежа...» [Академическая грамматика 1953: 103].

Согласно «Грамматике современного русского литературного языка», под именем существительным понимается «часть речи, обозначающая предмет и выражающая это значение в грамматических категориях падежа, числа и в лексико-грамматической категории рода» [Грамматика 1970: 305].

Существительное называет предметы в широком смысле слова; это – названия вещей (*стол, стена, окно, ножницы, сани*), лиц (*ребенок, девочка, юноша, женщина, человек*), веществ (*крупка, мука, сахар, сливки*), живых существ и организмов (*кошка, собака, ворона, дятел, змея, окунь, щука; бактерия, вирус, микроб*), фактов, событий, явлений (*пожар, спектакль, беседа, каникулы, печаль, страх*), а также названных как независимые самостоятельные субстанции непроцессуальных и процессуальных признаков – качеств, свойств, действий, процессуально представленных состояний (*доброта, глупость, синева, бег, решение, толкотня*).

Авторы Грамматики 70 подразделяют существительные на следующие лексико-грамматические разряды: 1) собственные и нарицательные; 2) собирательные; 3) вещественные; 4) конкретные и отвлеченные; 5) одушевленные и неодушевленные.

Относительно данной классификации авторы Грамматики 70 делают следующее замечание: «эти разряды пересекаются: так, например, имена собственные включают в себя названия как одушевленных, так и неодушевленных предметов; существительные вещественные, обозначающие однородную массу вещества, могут иметь собирательное значение (*клюква, виноград, сахар*); существительные конкретные объединяют в своем составе все те слова, – одушевленные и неодушевленные, – которые называют считающиеся предметы. По признаку названия предмета как индивидуального или как представителя целого класса все существительные делятся на собственные и нарицательные. Существительные собственные (или имена собственные) – это такие слова, которые называют индивидуальные предметы, входящие в класс однородных, однако сами по себе не несут какого-либо специального указания на этот класс. Существительные нарицательные (или имена нарицательные) – это такие слова, которые называют предмет по его принадлежности к тому или иному классу; соответственно они обозначают предмет как носитель признаков, свойственных предметам данного класса [Грамматика 1970: 313].

Вслед за авторами Грамматики 70, в отдельный лексико-грамматический разряд среди нарицательных существительных выделяются существительные собирательные. Сюда относятся слова, называющие совокупность однородных предметов. Относительно данного типа существительных в Грамматике находим следующее утверждение: «к существительным с собирательным значением как к лексико-грамматическому (но не словообразовательному) разряду при широком понимании собирательности могут быть отнесены также слова, называющие совокупность предметов: *ботва, мелюзга, хлам, мебель*. Все такие слова выражают собирательность лексически, но не словообразовательно» [Грамматика 1970: 313].

Существительные *вещественные* называют вещества: пищевые продукты (*жир, крупа, мука, сахар*), материалы (*гипс, цемент*), виды тканей (*бархат, ситец*), ископаемые, металлы (*железо, уголь, олово, сталь, изумруд, яшма*), химические элементы, лекарства (*уран, пирамидон, аспирин*), сельскохозяйственные культуры (*овес, картофель, пшеница*) и другие однородные делимые массы.

Среди существительных выделяются разряды существительных *конкретных* и *отвлеченных* (или абстрактных). Конкретные существительные – это слова, называющие вещи, лица, факты и все явления действительности, которые могут быть представлены в отдельности и подвергнуты счету: *карандаш, кольцо, инженер, поединок, война*. Отвлеченные (абстрактные) существительные – это слова, называющие отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния: *слава, смех, благо, плен, доброта, близость, ловкость, бег, движение*. Большую часть отвлеченных существительных составляют слова, мотивированные прилагательными и глаголами.

Предлагаемая в настоящем параграфе классификация касается исключительно формальных, структурных особенностей сочетаний существительных с творительным падежом. При этом за пределами остаются лексико-семантические и синтаксические отношения, которые будут

подробно рассмотрены в следующих параграфах при описании классификаций анализируемых единиц, в основу которых будут положены другие принципы их характеристики.

А. По структуре анализируемые нами сочетания подразделяются на нераспространённые и распространённые конструкции.

В зависимости от отнесенности главного компонента к тому или иному лексико-грамматического разряду *нераспространённые* сочетания «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» могут быть разделены на следующие типы:

1. Первую группу составляют словосочетания, где главный компонент выражен **конкретным существительным**. Конкретные существительные как в семантическом, так и в грамматическом отношении являются самым сильным и самым «востребованным» разрядом имен существительных.

Интересующие нас единицы, в свою очередь, могут быть представлены в виде следующей классификации:

а) **нераспространенные** модели в зависимости от проявления в главном компоненте категории одушевленности/неодушевленности подразделяются на следующие типы:

1) сочетания, построенные по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*», в состав которых входит два конкретных неодушевленных существительных типа *стол*, *дом*, *кольцо*, *полка*, *туфля* и др. Ср., прим.: Род магазина, в который он вошел, достаточно определялся тем, что в углу стоял **столик с телефоном**, телефонной книжкой, нарциссами в вазе и большой пепельницей (В. Набоков. Дар); Катя, не снимая очков, обходила **полки с сумками** (О. Робски. Casual); На сахарнице была изображена **каре́та с лошадьми**, а на масленке – **домик с садом** (О. Робски. Замуж за миллионера); И тут я вспомнил, что забыл **сверток с постелью** и своими деньгами на стуле возле стойки в кафе (Ю. Буйда. Синяя кровь); Она одолжила **диск с фильмами** (А. Кивинов. Опережая выстрел); **Кольца с сапфирами** – новый дизайн (Cosmopolitan, 2008); Недаром тема

балета привлекает многих дизайнеров, и они предлагают нам этой весной *туфли с ленточками*, воздушные юбки и, конечно, аппликации (Cosmopolitan, 2008);

2) словосочетания, построенные по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с», где главный компонент выражен одушевленным конкретным существительным (типа *девушка, хлопец, дед*), а зависимый – неодушевленным конкретным существительным: Ср., напр.: Стоишь на светофоре, а к тебе *хлопец с автоматом*, и попробуй стекло не опустить, резанут (А. Кивинов. Опережая выстрел); Дверь открылась, и зашла *девушка с мобильным телефоном* (О. Робски. Casual); На скамейке перед парком сидела *девушка с телефоном* в руках (Starhit №28 (295); 15.07.2013); *Дед с пистолетом* прогнал грабителей, стреляя на поражение (<http://www.ostrim.ru>);

В данной группе особо следует выделить конструкции, где главный компонент представлен терминами родства. По справедливому замечанию Н.В. Юдиной, «имена существительные–термины родства составляют в языке относительно замкнутую лексико-семантическую группу слов» [Юдина 2000: 10]. В этой связи номенклатура представленных единиц значительно ограничена. Собранный нами языковой материал дает основания разделить анализируемые сочетания на две группы:

- первая представляет собой сочетания типа *мама с папой*, которые могут быть заменены одним словом *родители*, ср.: Мои *мама с папой* нас отвезут. Хочешь в пятницу в кино? (М. Дегтярев. ОК-НО); *Мама с папой* высчитали, что двести рублей в день парню достаточно, попробуй тут сэкономить (Д. Донцова. Микстура от косоглазия);

- вторая же группа единиц является «вечными дескрипциями» и не могут быть заменены одной лексемой. Наиболее часто в качестве главного компонента выступают такие «традиционные» термины родства, как *мать, отец, дочь, сын* и др. Ср., напр.: После похорон *мать с дочерью* вернулись в Севастополь (П. Крусанов. Укус Ангела); Как-то раз *мать с сыном*, заказали

дудлики из водорослей, но воронка трубы доставки была забита до отказа (А. Иванов. Блуда и МУДО); *Сестра с мужем* вырастили двоих сыновей, которыми очень гордятся (Е. Репина. Те самые люди, февраль и кофеин); *Внучка с бабушкой* играла, на вопросы отвечала / Где живешь и как зовут, чем полезен всякий труд. (В. Макаров. Бабушка и внучка); *Отец с сыном* попали в аварию (М. Воронова. Клиника потерь); Ей казалось неправильным, что она живет в такой роскоши, а *сестра с мужем* ютятся в маленькой хрущовке (М. Воронова. Клиника потерь);

б) *распространенные сочетания* подразделяются на следующие типы:

1) сочетания, построенные по модели «определение + существительное + определение + существительное в творительном падеже с предлогом с». Исходя из морфологических особенностей атрибутивных распространителей, предложим более детальную классификацию. Вариациями данной конструкции будут следующие наиболее часто встречающиеся типы сочетаний:

- сочетания, в состав которых входит два *конкретных* существительных, а атрибутивные распространители главного и зависимого компонентов выражены *качественными* прилагательными. Напр.: Оля, опершись спиной о задний борт и держась за черную штангу белой, крепкой *рукой с большим перстнем* на указательном пальце, глядела прищуренными глазами на пробегавшие улицы (В. Набоков. Дар); Она остригла свои великолепные каштановые волосы и демонстрировала теперь *миниатюрный череп с короткой щетинкой* (О. Робски. Casual); В столешнице сверкал большой *нож с черной ручкой* (Д. Вересов. Черный ворон); Мне представился *белый дом с белыми стенами* и *белой мебелью* (О. Робски. Casual);

- атрибутивные распространители главного и зависимого компонентов выражены *относительными* прилагательными. В данной подгруппе главный и зависимый компонент выражен конкретным существительным. Ср., напр.,: Он бы ушел без всего, не оказись у табачника *кранчатого жилета с*

перламутровыми пуговицами и лысины тыквенного оттенка (В. Набоков. Дар);

- атрибутивный распространитель главного компонента выражен *относительным* прилагательным, а атрибутивный распространитель зависимого – *качественным* прилагательным. Напр.: На пыльных полках прозябали: ожерелье из волчьих зубов, алматолитовый *божок с* голым *пузом* (В. Набоков. Дар); У входа на резном комодѣ красовался настоящий *граммофон с огромной трубой* (А. Кивинов. Опережая выстрел); Потом были похороны. И *траурное платье с черными очками* (О. Робски. Casual); Исключение составлял лишь старинный резной *сундук с* большим *замком* (Д. Вересов. Черный ворон);

- кроме того атрибутивный распространитель может быть и сам распространен. Ср., напр.,: У стены разложенный *диван с* весьма несвежим *бельем*, поцарапанная стенка, продавленное кресло и несколько шатких стульев (Д. Донцова. Вынос дела);

1) сочетания, в состав которых входит два конкретных существительных, но атрибутивный распространитель имеет только главный компонент сочетания. Модель данного типа сочетаний будет иметь вид «определение + существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*». Учитывая морфологическую принадлежность атрибутивного распространителя, выделим следующие типы данной модели:

- атрибутивный распространитель представлен *качественным* прилагательным. Ср., напр.,: Они стояли на задней площадке, все трое в макинтошах, с бледными распухшими лицами, и Яшу как-то странно опрощала старая *кепка с козырьком*, которую года четыре он не носил, а сегодня надел почему-то (В. Набоков. Дар); А эти смешные *штанишки с гномами*, из простого магазина, ей купила свекровь (О. Робски. Casual); Огромный *розарий с фонтаном* появился в Парке Горького, который в августе отмечает 85-летие (Starhit №28 (295); 15.07.2013);

- атрибутивный распространитель представлен *относительным* прилагательным. Прим.: Я был всегда равнодушен к театру; но, впрочем, помню, были какие-то у нас картонные деревца и зубчатый *дворец с окошками* из малиново-кисельной бумаги (В. Набоков. Дар); Она сделала потрясающий головной *убор с перьями*. (Лиза, 2008); Мама жила на маленьком дачном *участке с парником* и парой грядок (А. Кивинов. Опережая выстрел); Готовы ли владимирцы стоять в пробках, глядя на то, как мимо пролетает очередной *кортеж с сановниками*? (zebra-tv.ru 1.09.2013).

- атрибутивный распространитель представлен *притяжательным* прилагательным. Ср., напр.: Здесь, – Оксанин *палец с* безукоризненным гелиевым *ногтем* ткнулся в тряпку, – горчица (Д. Донцова. Вынос дела);

3) сочетания, в состав которых входит два конкретных существительных, но атрибутивный распространитель имеет только зависимый компонент сочетания. Модель данного типа сочетаний будет иметь вид «существительное + определение + существительное в творительном падеже с предлогом *с*». Обращая внимание на морфологические особенности атрибутивного распространителя, представим более детальную классификацию

а) атрибутивный распространитель выражен *качественным* прилагательным. Ср., напр.: Виталий протянул ей *панку с* розовым *тиснением* (А. Кивинов. Опережая выстрел); Елагин поднял *матрац с* серым *одеялом* и двинулся следом за Веселовым (А. Кивинов. Опережая выстрел); *Платье с* длинным *фартуком* от «Можердома» делало ее похожим на горничную из сериалов (О. Робски. Casual); Ванечка арендовал *помещение с* большим *балконом* и барной стойкой на шестом этаже гостиницы «Балачуг» (О. Робски. Casual);

б) атрибутивный распространитель выражен *относительным* прилагательным: Ирина окинула бойца оценивающим взглядом и кивнула на *винтовку с* оптическим *прицелом* (А. Кивинов. Опережая выстрел); Валерий покручивал на пальце *брелок с* автомобильными *ключами* (А. Кивинов.

Опережая выстрел); *Кольцо с* этническим *рисунком* – лучший подарок для любимого (Daily accessories. 5, 2007); Я спустилась в подвал – там из кладовки я достала *чемодан с* младенческими *вещами* (О. Робски. Casual);

в) атрибутивный распространитель выражен *притяжательным* прилагательным: *Газета с* отцовской *фотографией* попала мне на глаза раньше, чем он успел предупредить меня (О. Робски. Casual); Я вытащила из кладовки *чемодан с* Машкиными *вещами* (О. Робски. Casual);

4) Отдельную группу распространенных сочетаний представляют сочетания, построенные по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*», в состав которых входит два конкретных существительных, причем главный компонент конструкции распространен *несогласованным определением*, выраженным предложно-падежной словоформой с предлогами (из, в, на). Ср., напр.: Из кустов выросла *фигура* в камуфляже *с винтовкой* (А. Кивинов. Пережидая выстрел); Недалеко от сада был *дом* директора *с колоннами* (А. Григоренко. История человека тайги); На ней идеально сидело серое *платье* из мелкоузорчатой ткани *с пояском* (Glance); На ней было *пальто* из трикотажа *с воротником* и поперечными строчками (Glance);

II. Вторую группу представляют сочетания, в которых главный компонент выражен *вещественным существительным*. Вещественные существительные близки конкретным именам в том отношении, что также обозначают явления, материальные по своей природе. Т.Г. Борисова, рассматривая этимологию слова вещество, приходит к выводу, что вещество – это «то, из чего состоит данная вещь, то есть естество вещи» [Борисова 2008: 22].

Данную группу сочетаний также можно представить в виде более подробной классификации, учитывая распространенность модели.

1) *нераспространенные* сочетания, построенные по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*», в состав которых входит два вещественных существительных: Андрей налил

в стакан **джин с тоником** (Т. Толстая. Изюм); Англичанин пил **чай с молоком** и не обращал на нас внимание (О. Робски. Casual); Мы заказали **пюре с бефстрогановом** (О. Робски. Casual); 2) распространенные сочетания.

а) главный компонент, выраженный вещественным существительным, имеет атрибутивный распространитель, представленный качественным прилагательным. Прим.: Черный **шоколад с корицей** и лопнувшая на языке черничная ягодка (Т. Устинова. Подруга особого назначения); Попробуйте новый **чай с оксидантами**, он зарядит вас чувством бодрости на весь день (реклама чая «Тибетский Тигр»);

III. Третья группа представлена сочетаниями, главный компонент в которых выражен абстрактным существительным. В этой группе сочетаний также встречаются нераспространенные и распространенные модели.

В зависимости от характера главного компонента можем представить более детальную классификацию:

1) **нераспространенная конструкция:**

а) главный компонент выражен отглагольным существительным. В данной подгруппе можно выделить несколько разновидностей сочетаний, учитывая характер отглагольного существительного, т.е. принимая во внимание принадлежность глагола к той или иной лексико-семантической группе.

- существительные, образованные от глагола, относящегося к лексико-семантической группе «речи, мысли», в первую очередь это касается существительного «разговор». Ср., напр.: **Разговор с редактором** предстоял тяжелым (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром); На прошлой неделе у актрисы состоялся **разговор с журналистами** (Starhit №28 (295); 15.07.2013); **Разговор с товарищем** предстоял не легкий (В. Пелевин. Чапаев и пустота); **Разговор с другом** (Э. Асадов);

б) главный компонент представлен абстрактным существительным неотглагольного происхождения. Прим.: Однако, суда по тому, что обэповцы не докучали проверками, **роман с директрисой** продолжался (А. Кивинов.

Опережая выстрел); Иногда тебе приходится разрываться: *трудности с коммуникациями, проблемы с почтой*, медленный интернет (П. Гладилин. Пантера); Sudzuku – *качество с надежностью* (реклама);

2) распространенная конструкция.

Ориентируясь на морфологические характеристики атрибутивного распространителя, представим более детальную классификацию сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с». Анализируемая конструкция будет иметь модель «определение + существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с».

а) атрибутивный распространитель главного компонента выражен качественным прилагательным: Ср., напр.: И с тех пор у меня большая *проблема с эмоциями* (О. Робски. Casual);

б) атрибутивный распространитель выражен относительным прилагательным. Ср., напр.: Ради такой девушки можно было отважиться и на *войну с ветряными мельницами* (А. Кивинов. Пережидая выстрел); Тарифный план «Безлимитные одноклассники», *подключение с федеральным номером* (реклама);

в) атрибутивный распространитель выражен неопределенным местоимением: Лена рассказывала про свое неудачное *свидание с* каким-то *ухажером*, на которое они пришли с Катей вдвоем (О. Робски. Casual).

IV). Учитывая особенности главного компонента, в особую группу стоит выделить конструкции, в которых он выражен иноязычным (как правило, англоязычным) существительным. Напр.: *Revitalift с эластаном; Спойлер с стоп-сигналом* – неотъемлемый элемент гоночного автомобиля (tuningoff.ru); *Тюнинг с юмором* – заводной ключ для автомобиля; *Руль speed-link с фидбеком*; Требуется *копирайтер с опытом работы*; *Аэрогриль с галогеном*; *гаджет с handsfree, пилатес с мячом, фитнес с ребенком, гламур с историей, гламур с ментолом, гламур с пафосом, мобильник с симкой, интервью с ди-джем*; *afterparty с гламуром, Хетчбек с механикой*. Эра спутниковых коммуникаций “оттенила” компасы, на смену этому

древнему прибору пришли GPS-гаджеты. Типичный представитель этого класса гаджетов – *часы с GPS*; В моей голове идет перманентное *ток-шоу с участниками* в прямом эфире.

Особого внимания заслуживают сочетания с аббревиатурой sms, прочно вошедшие в речь современного носителя русского языка. Ср.: *sms с текстом; sms с кодом, sms с заявкой, sms с поздравлением, sms с услугой, sms с приглашением; sms с картинкой.*

При этом следует заметить, что в данной группе сочетаний не встречаются конструкции с какими-либо атрибутивными распространителями.

Вместе с тем, следует заметить, что в последнее десятилетие наблюдается тенденция роста подобного рода сочетаний. Как известно, русский язык на протяжении всей истории своего развития испытывал на себе воздействие заимствований из европейских языков. В XVII – XIX веках это были заимствования немецкого и французского языков, в конце XX – начале XXI вв. получили широкое распространение заимствования из английского языка — англицизмы. В системе русского языка англицизмы адаптируются и начинают функционировать по законам принимающего языка, поэтому нередко можно встретить случаи двойного написания заимствованных слов. Ср., напр.: *Shopping с ноутбуком; шоппинг с подругами; логин с TAN-номером, login с паролем.*

Следует отметить, что в большинстве случаев собранных нами примеров главный компонент представлен конкретными (38,2% от количества собранных примеров) и абстрактными (30,6%) существительными, вещественные же существительные встретились только в 26,4% случаев, сочетания, где главный компонент выражен иноязычным существительным, встретились в 4,8% случаях.

При анализе языкового материала необходимо в равной степени обращать внимание как на главный (стержневое слово), так и на зависимый

(сам второстепенный член предложения) элементы, учитывая при этом их грамматические свойства.

II. Классификация словосочетаний по характеристике зависимого компонента.

Как свидетельствует собранный нами языковой материал, зависимый компонент в анализируемых нами конструкциях чаще всего выступает:

1) синсемантическим существительным, которым являются:

- слова наименования частей лица: Напр.: С фотографии смотрела круглощекая *девица с испуганными глазами* (Д. Донцова. Микстура от косоглазия); *Блондинка с большими*, небесного оттенка *глазами* и пикантной родинкой занимала все его свободное время (Д. Донцова. Микстура от косоглазия); В прихожую, улыбаясь, шагнул высокий молодой *человек* атлетического сложения *с римским носом* (А. Иванов. Географ глобус пропил); У Нади было красивое надменное *лицо с темными* продолговатыми *глазами* и высокими славянскими скулами (А. Иванов. Географ глобус пропил);

- частей тела: Месяц назад мне встретила *тетенька с необъятным бюстом* (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром);

2) зависимый компонент выражен существительным–термином родства. Напр.: У меня *проблема с сестрой* (Д. Донцова. Вынос дела); Он страшно волновался и долго не мог взять в руки тугой *кулёк с дочерью* (О. Робски. Casual);

3) сочетания, в которых зависимый компонент выражен иноязычным существительным (*рейтинг, дайвинг, микрофибра, роуминг, импресарио, люрекс*). Ср., напр.: *проблема с рейтингом, передача с рейтингом, мобильник с симкой, погружение с дайвингом; Борьба с дедлайном* (miralita.wordpress.com); *Комплект с sim-картой; Колготки с лайкрой; Колготки с микрофиброй; Хитрости с роумингом*; После окончания консерватории подпишешь *контракт* с крупным западным *импресарио* (Д.

Донцова. Микстура от косоглазия); Полное тело женщины обтягивал трикотажный *пиджак с люрексом* (Д. Донцова. Микстура от косоглазия).

По верному замечанию Н.В. Юдиной, «имя существительное, несмотря на свою смысловую «автономность» и лингвистическую автосемантическую, довольно часто нуждается в определении, т.е. установлении некоего предела, функцию которого выполняет в большинстве своем именно прилагательное» [Юдина 2006: 264]. Еще А.М. Пешковский обратил внимание на то, что «в нашем сознании живет стойкая форма словосочетания: «прилагательное + вызывающее в нем согласование существительное» [Пешковский 1956: 65]. Это объясняется «тенденцией к детализации, к очевидной качественной или количественной характеристике реалий или субстанций, названных существительными» [Юдина 2006: 264].

Таким образом, данная классификация языкового материала показывает, что при дальнейшем анализе конструкции необходимо учитывать особенности как главного, так и зависимого компонентов.

Семантическим особенностям присубстантивного творительного падежа посвящен наш следующий параграф.

2.2. Семантическая классификация сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с»

Лингвистами не раз обращалось внимание на неоднозначность семантики творительного падежа. Особо следует отметить одно из основных значений творительного падежа, выделяемое лингвистами, – социативное. Социативное значение (или комитативное, сопроводительное, совместное) может пониматься двояко. Например, О.С. Ахманова, выделяя творительный совместный, отмечает, что он служит «для обозначения лица (или лиц), сопровождающего (или сопровождающих) главного производителя действия» [Ахманова 1966: 470]. В Большом энциклопедическом словаре «Языкознание» находим следующее утверждение: комитатив, или социатив выражает «роль сопровождающего, т.е. лица, выполняющего какое-либо действие совместно с агенсом» [БЭС: 356]. В «Грамматике 80» отмечается: «Если зависимое существительное называет лицо или группу лиц, принимающих участие в действии, то словосочетание выражает значение совместности» [Русская Грамматика 1980: 191]. Е.А. Лещинская под совместностью понимает «значение, присущее синтаксическим конструкциям, называющим ситуации, в которых участвуют не менее двух субъектов, выполняющих однотипные действия, являющихся субъектами одного и того же процесса, состояния, носителями одного и того же признака...» [Лещинская 2000: 81]. В примерах, приводимых Е.А. Лещинской, в качестве субъектов всегда выступают лица.

Таким образом, из приведенных выше определений видно, что при узком понимании социативности речь идет о лице, сопровождающем главного производителя действия. Думается, однако, что понятие социативности следует рассматривать шире. В этой связи отметим понимание социативности А.А. Потебней: «...Мы можем представить социативность как линию, бегущую параллельно с другой, главной, т.е. обращающей на себя преимущественное внимание» [Потебня 1958: 434]. Значит, говоря о комитативных (социативных) отношениях, мы можем иметь в виду

совместное участие в чем-либо не только лиц (*Маша с Петей*), но и предметов (*чашка с блюдцем*), явлений (*ответ с рыданиями*).

Поэтому, вслед за Н.А. Толкачевой, мы придерживаемся той точки зрения, что «социативное значение русского творительного падежа в широком смысле служит для выражения различных отношений совместного участия, связей различных явлений, сопровождения проявления признака; оно указывает на соединение, скрепление одного и другого, а также на смежность, близость, посредничество кого-нибудь или чего-нибудь; обозначает явление или состояние, которым сопровождается какое-либо действие и под» [Толкачева 2003: 40].

Следует отметить, что социативное значение у творительного падежа выделяется только теми исследователями, которые рассматривают падежи с предлогами. В отличие от древнерусского языка, в котором творительный со значением социативности еще выражался творительным беспредложным (а по свидетельству К.И. Ходовой [Ходова 1963: 113], и в старославянском беспредложная падежная форма в этом значении встречается очень редко), в современном русском языке для передачи совместных отношений служит творительный падеж с предлогом «с». «Творительный сопроводительный без предлога теперь не употребляется» [Провоторова 1988: 14], – утверждает Е.А. Провоторова, проведя сравнительно-исторический анализ употребления творительного падежа в русском языке XX века и в древнерусском языке. Как указывает Е.Г. Сорокин, для сочетаний с предлогом «с» и творительным падежом значение совместного действия является первоначальным, все остальные значения являются вторичными [Сорокин 1957: 16-17].

Анализ собранного языкового материала показывает, что в социативном значении творительного падежа могут выделяться различные оттенки. Это наблюдение позволило выстроить более детальную классификацию:

1) *не осложненное оттенками социативное значение присубстантивного творительного падежа.*

Это значение реализуется в сочетаниях, обозначающих действие и лицо (предмет) или группу лиц (предметов), участвующих в совместном действии с другими лицами (предметами). Напр.: *Сосед с охранником* направились к аварийному выходу (О. Робски. Casual); Впереди шел черный козел – сзади *настух с подпаском* (А. Григоренко. История человека тайги). Чаще всего в качестве составляющих компонентов здесь выступают релятивные существительные. Ср., напр.: *Сестра с мужем* вырастили двоих сыновей, которыми очень гордятся (Е. Репина. Те самые люди, февраль и кофеин); Мои *мама с папой* нас отвезут. Хочешь в пятницу в кино? (М. Дегтярев. ОК-НО); После похорон *мать с дочерью* вернулись в Севастополь (П. Крусанов. Укус Ангела); Как-то раз потребители, *мать с* маленьким *сыном*, заказали дудлики из водорослей, но воронка трубы доставки была забита до отказа (А. Иванов. Блуда и МУДО); Ей казалось неправильным, что она живет в такой роскоши, а *сестра с мужем* ютятся в маленькой хрущовке (М. Воронова. Клиника потерь); По дороге из ресторана вышли *муж с блондинкой* (О. Робски. Casual); На пороге стоял *мужчина с женой* и ребенком (М. Воронова. Клиника потерь).

По мнению лингвиста В.И. Чуглова, именно подобные конструкции необходимо считать выражающими не осложненное оттенками социативное значение, так как оба субъекта, обозначенных главным и зависимым компонентами конструкции, «оказываются в отношениях равноправия» [Чуглов 1987: 11]. Кроме того, «особенностью данных образований является их обратимость» и «синонимичность их сочинительным сочетаниям слов» [Чуглов 1987: 11-12]. Действительно, все сочетания, выражающие неосложненное социативное значение, можно трансформировать в словосочетания с союзом *и*, не нарушая представления о совместности выполнения действий. Ср.: *сестра с мужем* вырастили = *сестра и муж* вырастили; *мать с сыном* заказали = *мать и сын* заказали, вышли *муж с блондинкой* = вышли *муж и блондинка*.

Отметим, что еще А.М. Иорданский обращал внимание на распространенные в русском языке конструкции с зависимой словоформой «с + Тв.п.»: *мы с вами, мы с тобой, нас с вами* и под. А.М. Иорданский определяет их как «специфически разговорные», но широко используемые и в художественной литературе, и в диалогах [Иорданский 1972: 67-68]. Эти обороты, широкой употребительности которых способствует, по мнению А.М. Иорданского, возможность творительного социативного быть представленным в них не только местоимениями, но и неограниченным кругом имен существительных [Иорданский 1972а: 73], являются цельными; творительный же падеж местоимений с предлогом «с» «выступает здесь как показатель «двойственного» значения» [Иорданский 1972: 69]. Смысловое и грамматическое ядро таких оборотов состоит, прежде всего, в выражении единства, слитности, совокупности двух лиц, но может, как подчеркивается, и своеобразно меняться – служить для выражения и подчеркивания тесной близости и единства говорящего лица и его слушателей [Иорданский 1972: 71].

2) социативное значение с оттенком взаимного действия.

Как замечает Е.Г. Сорокин, словосочетания, «выражающие социативное значение с оттенком взаимного действия, могут рассматриваться как разновидность словосочетаний с неосложненным социативным значением, так как и в тех, и в других случаях действующие лица являются субъектами, совместно участвующими в каком-либо действии. Отличие же заключается в том, что в рассматриваемых случаях действующие лица являются одновременно и субъектами, и объектами действия» [Сорокин 1957: 27], поскольку действие взаимно переходит с одного участника действия на другого. В этих случаях в качестве главного компонента чаще других выступает отглагольное существительное типа *разговор, беседа, встреча, свидание*, входящее в лексико-семантическую группу ментальной деятельности человека. Ср., напр.: Если больному после *разговора с врачом* не станет легче, значит, это не врач (Е. Мурашова. Армия тревоги); Впереди предстоял подъем с альпинистами в гору (Е. Мурашова. Армия тревоги);

Разговор с папой (название стихотворения П. Давыдова); Именно *встреча с одиночеством*, в конечном счете, делает возможной для человека глубокую и осмысленную включенность в другого (П. Крусанов. Укус ангела); *Беседа с консультантом* удалась (В. Пелевин. Чапаев и пустота); *Свидание с президентской дочкой* было для него сущим наказанием (Starhit. 2008, № 4); *Посиделки с подружками* в бане (Starhit. 2008, № 4); Назавтра назначена *прогулка с подружкой* по центру города (Starhit №9. март 2013); *Встреча с «Рассингом»* стала наглядным подтверждением: простояв львиную долю игрового времени без дела и без мяча, Березутский сделал решающий ход. (Футбол. 2008, № 8); Это был телефонный *разговор с корреспондентом* (ПРОгород. 2010, № 49); В апреле состоится решающая *битва* Светланы с *шеф-поваром* из Казани (Ва-Банк №16, апрель 2013);

3) *социативное значение с оттенком принадлежности / обладания.*

В данную группу нами были отнесены сочетания, выражающие характеристику лиц или предметов в широком смысле на основании «отношения обладания-принадлежности», которое в контексте «получает разную направленность» [Чуглов 1987: 3]. Подобный тип отношений А.В. Бондарко называет посессивными отношениями и определяет посессивность как семантическую категорию, которая «представляет собой языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, включая соотношение части и целого» [Бондарко 1996: 99]. Следует отметить, что в качестве определяющих компонентов в подобных сочетаниях чаще всего выступают одушевленные существительные.

Конструкции с творительным падежом, выражающие данный вид социативного значения, можно разделить на три подгруппы:

А) характеризующие лицо по внешнему виду или по содержанию. Причем, как правило, зависимое существительное в форме творительного падежа сопровождается определением. Анализ языкового материала показал, что чаще всего встречается существительные со значением портретной характеристики (характеризуют детали внешности, выделяют одну из

нескольких черт лица). Напр.: *толстяк с кошачьей физиономией, человек с бритым лицом*; У Нади было красивое надменное *лицо с темными продолговатыми глазами* и высокими славянскими скулами (А. Иванов. Географ глобус пропил); Саша сразу услышал сиплое, подрагивающее дыхание деда и несколько мгновений смотрел на его бледный *лоб с* тонкой, почерневшей *веней* (З. Прилепин. Санька); Её *голос с хрипотцой* покорила не одного мужчину (О. Робски. Casual).

Опираясь на гендерную семантику главного компонента анализируемой конструкции, попытаемся сформировать более детальную классификацию внутри данной подгруппы:

1) характеризующие лицо мужского пола. В данной группе сочетаний главный компонент представлен существительными, относящимися к тематической группе «человек» (*мужчина, человек*). Ср., напр.: Из-за столика возле эстрады поднялся благообразный *мужчина с* седой *бородкой*, вокруг горла которого был обмотан серый шарф (В. Пелевин. Чапаев и пустота); На переднем сидении был полный *мужчина с потным лицом* (Д. Донцова. Микстура от косоглазия); *Мужчина с* аккуратно подстриженными седыми *усами* (А. Гавальда. Vremenagoda); Григорий Лепс – *мужчина с фамильным голосом и с эпилептической жестикой* (Starhit №9, март 2013); Рядом шел высокий молодой *человек с* отличными *мускулами* и дорогой прической (О. Робски. Casual); Последнее, что я увидела было мужское *лицо с* широко *раскрытым ртом* (О. Робски. Замуж за миллионера); В прихожую, улыбаясь, шагнул высокий молодой *человек* атлетического сложения *с римским носом* (А. Иванов. Географ глобус пропил); В комнате слышался хруст дивана, шелканье ременной пряжки, и на порог вышел атлетически сложенный молодой *человек с квадратными плечами* (А. Иванов. Географ глобус пропил).

Учитывая лексико-семантические особенности главного компонента, представляется возможным выделить в данной подгруппе следующие разновидности:

- главный компонент, характеризующий лицо мужского пола, содержит в себе сему возраста (*парень, мальчик*). Ср., напр.: Я, на фиг, не буду заводить, и все дела! – заявил маленький, рыжий, носатый *парень с хриплым* пиратским *голосом* (А. Иванов. Географ глобус пропил); Вошел *мальчик*, высокий *с угловатыми плечами*, синеглазый и насмешливый (А. Григоренко. История человека тайги); Молодой *парень с татуировкой* в виде дракона и серьгой в ухе сидел за рулем Mazda (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром); Этот же *парнишка* вернулся назад *с каменным лицом*, порылся на стойках, выдернул одну вешалку (Д. Донцова. Вынос дела); Я отвела взгляд от сцены и увидела, что за столик подсел смазливенький *мальчуган с детским* щекастым *личиком* (Д. Донцова. Вынос дела);

- главный компонент, характеризующий лицо мужского пола, указывает на профессию, род деятельности (*сторож, матрос, бармен*). Ср., напр.: *Сторож*, бородатый, *с красным* от бесконечного потребления спиртных напитков *носом*, подозрительно посмотрел на Алешу (А. Григоренко. История человека тайги); *Матрос с дряблым лицом* был уже в годах (В. Пелевин. Чапаев и пустота); За стойкой стоял бледный *бармен с дрожащей рукой* (О. Робски. Casual); В «Лосось и кофе» суши готовит настоящий *мастер с японской внешностью* и русским именем (Журнал неCD. №1 (1) апрель 2008); *Комик с печальными глазами* (Starhit №3, январь 2013);

- главный компонент, характеризующий лицо мужского пола, несет стилистическую окрашенность (*господин, мужик, амбал*). Ср., напр.: Из-за угла на нее посмотрел *господин с багровым лицом* (О. Робски. Замуж за миллионера); В палату проскользнул *господин с невыразительной внешностью*, шестидесяти лет (Д. Донцова. Микстура от косоглазия); Его встретил таможенник – дородный краснокожий *мужик с оплывшим лицом* (О. Робски. Casual); Перед ней стоял здоровенный *амбал с неприятной физиономией* (А. Маринина. Седьмая жертва);

2) характеризующие лицо женского пола. В данной группе сочетаний главный компонент представлен существительными типа *женщина*. Ср.,

напр.: Чекушка стояла у доски, держа в руках портрет Гоголя. Она была похожа на башню: огромная, высоченная **женщина с розовым лицом**, ярко накрашенными губами и крутыми бровями (А. Иванов. Географ глобус пропил); Кабинет постепенно заполнялся учителями. Мармеладов одним движением сорвал маску, и одновременно с его тела слетел привязанный к маске хитон; обнажилась одетая в кружевные панталоны и бюстгальтер **женщина** в серебристом парике и с мышинной **косичкой** (В. Пелевин. Чапаев и пустота); Чай его расслабил.

Принимая во внимание семантические особенности главного компонента, в данной подгруппе сочетаний представляется возможным выделить следующих типов:

- главный компонент, характеризующий лицо женского пола, содержит в себе сему возраста: Во сне он увидел рыжеволосую **девушку с ангельским лицом** (Н. Кулагина. Варенька); За стеклянными дверьми супермаркета скрылась накачанная **девушка с короткой стрижкой** (О. Робски. Casual);

- главный компонент, характеризующий лицо женского пола, указывает на особенности внешности: **Блондинка с большими**, небесного оттенка **глазами** и пикантной родинкой занимала все его свободное время (Д. Донцова. Микстура от косоглазия); Впереди шла худенька **блондиночка с короткой стрижкой** (Д. Донцова. Микстура от косоглазия);

- главный компонент, характеризующий лицо женского пола, несет стилистическую окрашенность (**тетенька, девица**). Ср., напр.: Месяц назад мне встретила **тетенька с необъятным бюстом** (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром); С фотографии смотрела круглощекая **девица с испуганными глазами** (Д. Донцова. Микстура от косоглазия); В основном это были пожилые **тетеньки с добрыми лицами** и **женщины** средних лет с **размашистыми движениями** и сорванными голосами (А. Иванов. Географ глобус пропил);

Стоит отметить особенность словосочетаний выделенной группы: существительные, обозначающие части человеческого тела, нуждаются в

атрибутивных распространителях. По верному замечанию Е.С. Скобликовой, «простое констатирование наличия такой предметной детали у человека обычно оказывается бессмысленным» [Скобликова 1997: 216].

В первую же подгруппу будут относиться сочетания, выражающие социативное значение, характеризующие предмет по внешнему виду: Служкин порылся в карманах куртки и вытащил пластмассового солдата – **монстра с собачьей мордой**, в шипах, в шлеме, с бластером (А. Иванов. Географ глобус пропил); Он пил кофе из миниатюрной белой **чашки с черным ободком** (О. Робски. Casual);

Б) характеризующие предмет по его содержимому вмещающего в себя что-либо. Ср., напр.: Над дверью висела **клетка с жаворонком** (А. Григоренко. История человека тайги); Я подумал, что если эта ночь, когда исполняются желания, то почему бы мне съесть **пирожок с капустой**? (О. Робски. Жизнь заново); Следом за бутылкой, как по волшебству, явились большой **пакет с солёной капустой** и хлеб (С. Лукьяненко. Ночной дозор); Ей-богу, легче разгрузить **состав с углем**, чем купить джинсы (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром);

В отдельную подгруппу представляется возможным выделение тех сочетаний, главный компонент которых можно отнести к тематической группе *сосуды/емкости*. Напр.: **рюмка с коньяком, тубик с горчицей, кувшин с морсом**; Я переспросил отца, оставив стакан с пивом (В. Попов. Плясать досмерти); Систему тайников я сохранил и даже добавил в некоторые по 2-3 **бутылки с зажигательной смесью** (В. Попов. Плясать досмерти); Ольга о чем-то увлеченно болтала с Ильей, у обоих в руках было по шампуру шашлыка и **стакан с вином** (С. Лукьяненко. Ночной дозор); **Чашка** с кофейной *гущей* упала на персидский ковер (О. Робски. Жизнь заново); В гостиной отец танцевал сам с собой, держа в руке почти опорожненный **бокал с розовым вином** (Д. Вересов. Черный ворон); По углам стояли зажжённые свечи, бронзовый **кубок с темной жидкостью** и бронзовая же чернильница на гнутых ножках (Д. Вересов. Черный ворон); **Бутылочки** с безалкогольными

напитками продают в большинстве случаев в противоположном конце зала (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром); В руках у нее была трехлитровая **банка с** питьевой **водой** (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром); Бабка из погреба вытащила **бутылку с** мутноватой **жидкостью** (Д. Донцова. Микстура от косоглазия); Лиза поставила **кружку с** дымящейся **жидкостью** (Д. Донцова. Микстура от косоглазия); Им приходилось ходить, переступая через **мешки с цементом, банки с краской** и коробки с кафелем (А. Маринина. Седьмая жертва);

В) выражающие обладание человеком каким-либо предметом. В данной подгруппе также можно выделить более дробную классификацию, учитывая гендерную семантику главного компонента конструкции.

1) выражающие обладание каким-либо предметом лицом мужского пола: Недалеко от эстрады сидел длинноволосый **мужчина с** **моноклем**; От большой черной машины быстрым шагом спешил **мужчина с сумкой** в руках (Д. Донцова. Вынос дела); В углу комнаты замаячили **мужчины с сигаретами**, но Олега среди них нет (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром); Из толпы бегущий отделился **человек с микрофоном** (З. Прилепин. Санька);

В данной подгруппе можно также выделить следующие типы, учитывая семантические особенности главного компонента:

- в главном компоненте заложена сема возраста. Напр.: сзади подошел **мальчик с** игрушечным **пистолетом** (А. Иванов. Географ глобус пропил); **паренек с** **сигаркой** в зубах, в длинном черном плаще и кожаной кепке, с черным зонтом над головой шагал в садик за Татой (А. Иванов. Географ глобус пропил); Стоишь на светофоре, а к тебе **хлопец с автоматом**, и попробуй стекло не опустить, резанут (А. Кивинов. Опережая выстрел); Вошел **юноша** высокого роста, лет двадцати, в очках, **с портфелем** в руке (О. Робски. Casual);
- главный компонент указывает на род деятельности/профессию: **Актер с топором** отвечал так же распевно, но басом (В. Пелевин. Чапаев и пустота);

Среди бегущей толпы сновал *журналист с видеокамерой* – деловой и даже, казалось, счастливый от всего происходящего (З. Прилепин. Санька);

- главный компонент имеет стилистическую окраску. Напр.: На сцене между тем опять появился *господин с пилой*, сел на табурет и принялся церемонно снимать туфлю (В. Пелевин. Чапаев и пустота); Мешочек другой *мужик* забрал, такой рыжий, в черных очках и *с бородой* (Д. Донцова. Вынос дела); Невысокий круглолицый *бородач с поварешкой* в руках выскочил на шум (А. Кивинов. Опережая выстрел);

2) выражающие обладание каким-либо предметом лицом женского пола: *женщина с* молочным *бидоном*; Пока *женщина с ведром*, тряпкой и пылесосом вдвигалась в комнату, он сунул Кате денег (Д. Донцова. Вынос дела);

Обращая внимание на особенности главного компонента, представим более подробную классификацию:

- главный компонент указывает на род деятельности/профессию: *Почтальонша с* огромной *сумкой* даже не знала его имени (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром); Наконец навстречу попалась *нянечка с* большим эмалированным *ведром*, из которого торчали какие-то пакеты (Д. Донцова. Микстура от косоглазия);

рядом с ним жевала пирожок прыщавая *толстуха с* огромным красным *бантом* в пегих волосах (В. Пелевин. Чапаев и пустота); По винтовой лестнице спускалась *девушка с шубейкой* на руках (А. Григоренко. История человека тайги);

В третьей подгруппе выделяется еще одна разновидность сочетаний с посессивными отношениями, которая указывает на обладание предметом каким-либо признаком. Напр.: *весы с завитушками*; Показался *ручеек с* заиленными *берегами* (А. Григоренко. История человека тайги); Вот *клумба с* деревянной *скульптурой* (А. Григоренко. История человека тайги); У входа на резном комоде красовался настоящий *граммофон с* огромной *трубой* (А. Кивинов. Опережая выстрел); Ловко ступая мягкими замшевыми ботинками,

ко мне бесшумно подкрался лакей, разодетый в красную *ливерю с золотыми позументами* (Д. Донцова. Вынос дела).

Особенности главного компонента позволяют и в данной подгруппе выделить несколько разновидностей:

- главный компонент относится к тематической группе дом/здание/помещение и их составляющие: *коридор с голыми стенами*, Ванечка арендовал *помещение с большим балконом* и барной стойкой на шестом этаже гостиницы «Балачуг» (О. Робски. Casual); Вот это *здание с круглой башенкой* просто цитадель какая-то (О. Робски. Замуж за миллионера); Недалеко от сада был *дом директора с колоннами* (А. Григоренко. История человека тайги); Мои драмы разыгрываются в ресторанах, ночных клубах и *квартирах с лепниной* (З. Прилепин. Паталогии); От холла отходил узкий коридорчик, в конце виднелась *дверь с разбитым стеклом* (Д. Донцова. Вынос дела); Впереди вздымалась широкая *лестница с* широченными *перилами*, по обе стороны от нее тянулись коридоры (Д. Донцова. Вынос дела); Тут стоял *унитаз с* голубым пластмассовым *кругом* (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром); Мы довольно быстро миновали *зал*, украшенный лепниной, *с* большим *роялем* и пыльными парчовыми диванами, прошли через некое подобие кабинета с кокетливым письменным столом, затем пробежали гостинную (Д. Донцова. Вынос дела); *Башня с* облупленным *номером* двенадцать торчала в глубине странной квадратной площади (Д. Донцова. Вынос дела); Дверь украшала огромная рифленая *ручка с* бронзовыми *нашлепками* (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром);

- главный компонент относится к тематической группе «средства передвижения». Напр.: Один сайгак остановился, поднял голову, с любопытством осматривая *грузовик с* брезентовым *тендом* (А. Григоренко. История человека тайги); В одном ряду застыли две милицейские *машины с* синими *мигалками*, «Скорая помощь» и белый *фургончик с* красным *крестом* на глухих дверцах (Д. Донцова. Вынос дела);

4) социативное значение с объектным значением.

По утверждению Е.Г. Сорокина, словосочетания с социативным объектным значением развились из словосочетаний со значением совместного действия, только предмет (или лицо), который обозначается зависимым существительным, «начинает вести себя пассивно» и подвергается воздействию со стороны другого предмета или лица [Сорокин 1957: 36]. Относя подобные примеры к творительному социативному с объектным значением, следует заметить, что существует иная точка зрения на определение значения названных словосочетаний. Г.А. Золотова подчеркивает, что «во всех этих случаях совмещаются значения субъекта, носителя состояния, и объекта действия какой-то стихийной силы» [Золотова 1966: 154]. Такого же мнения придерживается и В.В. Бабайцева, говоря, что словоформа в творительном падеже «сочетает значение субъекта со значением объекта» [Бабайцева 1988: 112]. Заметим, однако, что в случаях, когда зависимое существительное обозначает одушевленный предмет, можно говорить о совмещении значений объекта, с которым произошел какой-либо случай, со значением субъекта, который является «носителем действия». Напр.: Однако, суда по тому, что обэповцы не докучали проверками, *роман с директрисой* продолжался (А. Кивинов. Опережая выстрел); *Роман с фотографом* был для меня новым развлечением (О. Робски. Casual); Завести *роман с мужчиной* не так-то просто (Гламур. 2008).

Отметим, что чаще в качестве стержневого компонента в данной группе сочетаний выступает отглагольное существительное, относящееся к лексико-семантической группе «ментальная деятельность человека». Ср., напр.: *разговор с папой*, В семь лет у меня начался *конфликт с обществом* (А. Потемкин «Я»); Ирина рассказала про *знакомство с программистом* (А. Кивинов. Опережая выстрел); *Контакт* гостя *с официантом* никакого подозрения не вызовет (А. Кивинов. Опережая выстрел); *Ужин с олигархом* прошел удачно (О. Робски. Casual); Правовая *работа с должниками*, разрешение *споров с контрагентами*, а также с партнерами или инвесторами

бизнеса входит в компетенцию юридического отдела; Молодым девушкам до 25 лет предлагают *знакомство с иностранцами* (Гламур. 2008); Накануне прошла *встреча с избирателями* кандидата в депутаты (РР. 2008); В нашем клубе проводятся регулярные *встречи с читателями* (Litmir.net).

Таким образом, в данном параграфе была представлена попытка семантической классификации сочетаний, с ориентацией на одно из основных значений творительного падежа – социативное. Заметим, что остальные падежные значения априори отграничены самой моделью анализируемой конструкции и не являются предметом нашего исследования.

Проводя многоаспектный анализ конструкции «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*», мы не можем не обратить внимание и на ее синтаксическую сущность. Следующий параграф будет посвящен особенностям синтаксического функционирования присубстантивного творительного падежа.

2.3. Синтаксическая типология конструкций с присубstantивным творительным падежом с предлогом с

В современных лингвистических исследованиях не раз обращалось внимание на сложность синтаксического функционирования присубstantивного творительного падежа с предлогом «с». В рамках *структурно-синтаксического подхода* исследуемые нами словосочетания представляют собой весьма плодотворный материал. Одним из актуальных является вопрос о синтаксической сущности данных конструкций. В предложении присубstantивный творительный падеж всегда является синкретичным членом, совмещающего в себе признаки определения, дополнения/обстоятельства.

Следует отметить, что вопрос о второстепенных членах предложения в истории русского синтаксиса был одним из самых сложных и запутанных. Даже сам термин для второстепенных членов предложения долгое время не был установлен. А.А. Дмитриевский и С.Н. Браиловский называли их «придаточными словами» [Дмитриевский 1878: 45], Н.И. Баталин – «объяснительными словами» [Баталин 1880: 67], К. Брешенков – второстепенными словами, Илья Тимковский все второстепенные члены называет определяющими словами или определениями, В.А. Богородицкий – «определениями» [Богородицкий 1935: 25], в учебниках для средней школы А.Б. Шапиро они назывались «пояснительными словами» [Шапиро 1979: 85], а в учебнике для техникумов Р.И. Аванесова и Н.Н. Сидорова – «определяющими словами» [Аванесов 1936: 66].

Таким образом, размытыми оказывались границы того или иного второстепенного члена. Так, например, определение долгое время оставалось одним из самых сложных для синтаксического анализа членов предложения. В состав определений разными учеными включались частично и дополнения, и обстоятельства.

В 1936–1937 гг. на страницах журнала «Русский язык в школе» развернулась дискуссия по вопросу о второстепенных членах предложения. Р.И. Аванесов, принимая участие в этой дискуссии, встает на защиту классификации второстепенных членов предложения на семантической основе и справедливо утверждает, что «синтаксическая функция слова определяется не только его морфологической категорией... Она обусловлена (в этом и заключается специфически синтаксическое) всеми связями данного слова с другими; контекстом как в пределах предложения, так и за пределами его; всеми значениями слова (грамматическими и вещественными) как данного слова, так и того слова, к которому оно относится» [Аванесов 1936: 55]. Основной причиной критического отношения в современной лингвистике к традиционной схеме членов предложения является невозможность во многих случаях их однозначной квалификации. Все это свидетельствует о том, что не всегда категориальное синтаксическое значение члена предложения представлено в чистом виде, без каких-либо семантических осложнений. Наряду с членами предложения, однозначными по своему категориальному синтаксическому значению, в структуре русского предложения имеют место и члены, характеризующиеся многозначностью синтаксического значения. Одним из таких членов предложения и являются, к примеру, несогласованные определения. Они богаче и сложнее согласованных определений и по значению, и по строению. Наряду с атрибутивным значением они несут в себе и другие семы. Однако заметим, что не сразу и не всеми лингвистами выделялось несогласованное определение. По мысли М.М. Великанова, «определения лишь в большинстве случаев согласуются с определяемыми словами» [Великанов 1890: 36]. Ученый признает правомерность выделения и таких определений, которые «управляются своими определяемыми словами» [Великанов 1890: 36] – это имена в косвенном падеже без предлога или с предлогом. Такие несогласованные определения М.М. Великанов называет управляемыми определениями. Кроме того, ученый обращает внимание на существование в русском языке синонимичных синтаксических моделей. Он

указывает, «что одна определительная форма может соответствовать и даже переходить в другую. Так, родительный качественный заменяется, с одной стороны, определением-прилагательным, а с другой — определением-существительным в творительном падеже с предлогом *с*: человек умный — человек ума — человек с умом и т.п. » [Великанов 1890: 50].

Рассмотрение сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» с точки зрения их синтаксического функционирования, представляется, на наш взгляд, весьма плодотворным.

Заметим, что конструкция «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» всегда будет выступать в функции синкретичного члена предложения. Каждый из членов предложения характеризуется не только, известным синтаксическим значением, но и набором дифференциальных признаков. В типичных случаях дифференциальные признаки представлены в члене предложения в полном объеме, поэтому и синтаксическое значение члена предложения наиболее ярко, однозначно, такой член предложения не вызывает затруднений при его квалификации. Если же некоторые дифференциальные признаки отсутствуют или замещаются другими, мы имеем дело с нетипичными, синкретичными членами предложения.

Следует отметить достаточно широкое распространение термина «синкретизм» в лингвистических исследованиях. Он употреблялся А.М. Пешковским при истолковании некоторых синтаксических явлений, не поддающихся однозначной классификации, а термин «синкретические» – В.В. Виноградовым (для обозначения случаев совмещения признаков разных членов предложения в пределах одной словоформы). Термин «синкретизм» используется в морфологических исследованиях в связи с явлением падежного синкретизма и в работах, обращенных к переходным явлениям в грамматике современного русского языка.

«Синкретизм в системе членов предложения — это совмещение (синтез) в одном члене предложения дифференциальных признаков разных членов

предложения, разных их функций» [Бабайцева 1988: 130]. «Такое представление о членах предложения, — как отмечал В.И. Фурашов, — является одним из достижений структурно-семантического направления в синтаксисе» [Фурашов 1991: 97].

Классификация языкового материала с синтаксической точки зрения вызывает некоторые трудности, что обусловлено синкретизмом анализируемых единиц: зависимый компонент в форме Тв. п. всегда синкретичен, так как совмещает в себе 2 синтаксические функции.

Например: *часы с интеллектом*: часы – какие? и часы – с чем?, *борьба с бессонницей*: борьба – какая? и борьба – с чем?, *поздравление с юбилеем*: поздравление – какое? и поздравление с чем?, *конфликт с обществом* – конфликт какой? и конфликт с чем?,

В «Большом энциклопедическом словаре» указываются два значения слова «синкретизм» как лингвистического термина: 1) «совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических форм и категорий в одной форме»; 2) «совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений предложения, членов предложения и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» [БЭС 1998: 446].

Вслед за В.В. Бабайцевой, мы выделяем следующие основные факторы, обуславливающие синкретизм членов предложения:

1) несоответствие формы и содержания. В таких случаях сложная (синкретичная) семантика члена предложения, включающая несколько семантических компонентов, не укладывается в строгую форму какого-либо одного члена [Бабайцева 2000: 423];

2) категориальные, лексико-грамматические и лексические значения сочетающихся словоформ [Бабайцева 2000: 423];

3) синтаксические связи и отношения. Синкретизм семантики регулярно наблюдается у дуплексивов – второстепенных членов предложения с двойной связью и разнонаправленными отношениями [Бабайцева 2000: 460];

4) эллипсис подчиняющей словоформы. Особую разновидность составляют несогласованные определения, семантика которых осложнена локальным или объектным компонентом [Бабайцева 2000: 467].

Не менее значимым шагом в изучении синкретичных членов предложения стало создание профессором В.И. Фурашовым парадигмы членов предложения, где также были выделены типичные и синкретичные члены. Пристальное внимание к синкретичным членам способствовало разграничению разрешимого и неразрешимого синкретизма. Так, по мнению В.И. Фурашова, «Косвенные падежи имен существительных в роли несогласованных определений всегда синкретичны. Оттенки значений, присущие таким определениям, в подавляющем большинстве случаев могут быть дифференцированными с достаточной степенью лингвистической надежности. Трудности обычно возникают при квалификации синтаксических функций косвенных падежей существительных, относящихся к существительным нарицательным отглагольным или отадективным. Что касается предметных (конкретных) существительных, местоименных существительных, а также имен собственных, то в этих случаях атрибутивная семантика обычно оказывается преобладающей, поскольку добавочные оттенки значения обусловлены лишь характером грамматически зависимых словоформ и не находят поддержки со стороны определяемого слова. Присубстантивные косвенные падежи имен существительных при односторонней синтаксической отнесенности, т.е. зависящее только от имени нарицательного, определяемого ими, чаще всего совмещают значение определения с оттенками значения дополнения или обстоятельства» [Фурашов 1985: 260].

Подавляющее большинство собранных нами примеров имеют синкретичные синтаксические отношения. Безусловно, с одной стороны, существительное как именная часть речи требует наличия при себе определений, с другой же стороны, существительное, включающее в свой состав процессуальную сему, может быть распространено дополнением или

обстоятельством. Ср. в этой связи следующие словосочетания, взятые из контекстов: *письмо с угрозами* (письмо – какое? и с чем?), *стрижка с челкой* (стрижка – какая? и с чем?), *общение с обольщением* (общение – какое? и с чем?), *знакомство с девушками* (знакомство – какое? и с кем?), *вылет с возвращением*, *работа с почтой*, *борьба с бессонницей*, *разговор с папой*, *общение с корреспондентами*, *конфликт с обществом*, *знакомство с клиентами*, *работа с текстом*, *бой с тенью*, *общение с обольщением*, *покупки с удовольствием*, *покупки с умом* и др.

Разрешимость/неразрешимость синкретизма зависит от характера главного компонента и от занимаемой словоформой синтаксической позиции. Вслед за В.И. Фурашовым, под синтаксической позицией мы будем понимать «место, занимаемое словоформой в структуре предложения, определяемое формой мысли, воплощенной в высказывании и характером связей и отношений данной словоформы с другими как членами предложения. Типичные и синкретичные реализации словоформ как членов предложения важно соотнести с их синтаксическими позициями» [Фурашов 2010: 97]. Принято выделять сильные и слабые синтаксические позиции членов предложения. В сильной позиции происходит «различение максимального количества дифференциальных структурных и семантических признаков члена предложения», а слабая «связана с утратой некоторой части дифференциальных признаков» [Фурашов 2010: 98]. В.И. Фурашов предлагает различать две разновидности слабых синтаксических позиций:

1) слабая позиция, «связанная с частичной нейтрализацией противопоставлений (оппозиций) между какими-либо двумя членами предложения»;

2) слабая позиция, «связанная с полной нейтрализацией противопоставлений между какими-либо двумя членами предложения.

В слабых позициях частичной нейтрализации мы имеем дело с явлением разрешимого синкретизма в пользу определенного члена предложения; в

слабых позициях полной нейтрализации – с явлением неразрешимого синкретизма» [Фурашов 2010: 99].

Исходя из этого, представим следующую классификацию анализируемого языкового материала.

I. Словосочетания, находящиеся в слабой позиции, связанной с частичной нейтрализацией оппозиций, главный компонент которых представлен неотглагольным существительным. В зависимости от возможности трансформировать данное сочетание, построенное по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с» в сочетание с атрибутивными отношениями представляется возможным представить следующие разновидности:

а) при стержневом компоненте существительном неотглагольного происхождения мы будем встречаться с разрешимым синкретизмом в пользу несогласованного определения. В то время как согласованное определение в словосочетании способствует разворачиванию денотативного компонента значения существительного, несогласованное определение, в свою очередь, продолжает конкретизацию значения стержневого существительного. Мы придерживаемся точки зрения В.И. Фурашова, согласно которой определительное значение «является здесь преобладающим, поскольку определяемые члены предложения представлены конкретно-предметными существительными» [Фурашов 1985: с. 86]. Напр.: Черная *галоша с дыркой* над пяткой (М. Ахмедова. Дневник смертницы. Хадижа); Это была шикарная *лодка с парусом*. (Т. Толстая. Изюм); На полу возле кровати лежал ярко оранжевый *ковер с ворсом* (Т. Толстая. Изюм); *Диета с гречкой* рассчитана на одну неделю, потом следует сделать перерыв хотя бы на месяц (Е. Вильмонт. Крутая дамочка); *Кольца с сапфирами* – новый дизайн (реклама); «*Вода с серебром*» – пояснила Алка (В. Токарева Перелом); *Магазин с продуктами* оказался круглосуточным (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром); Андрюшка повертел в руках *пакетик с кофе* и рассмеялся (Д. Донцова. Вынос дела); Все, что нужно знать взрослому мужчине – какой

киноковбой круче всех, как провести *отпуск с пользой* для души и вредом для печени (City, 2008); Мешочек другой *мужик* забрал, такой рыжий, в черных очках и *с бородой* (Д. Донцова. Вынос дела). В приведенных примерах разрешимость синкретизма подтверждается возможностью трансформации конструкции в сочетание с атрибутивными отношениями. Зависимый компонент, выраженный творительным падежом с предлогом «с», находится в слабой синтаксической позиции с частичной нейтрализацией противопоставлений между определением и дополнением, однако признаки определения все же превалируют, поэтому возможны сочетания типа: *галоша с дыркой* – дырявая галоша, *лодка с парусом* – парусная лодка, *ковер с ворсом* – ворсовой ковер, *диета с гречкой* – гречневая диета, *кольца с сапфирами* – сапфировые кольца; *вода с серебром* – серебряная вода; *магазин с продуктами* – продуктовый магазин; *пакетик с кофе* – кофейный пакетик; *отпуск с пользой* – полезный отпуск; *мужик с бородой* – бородатый мужик;

б) при стержневом компоненте существительном неотглагольного происхождения, представляющего грамматический разряд *вещественных* существительных мы также встречаемся с разрешимым синкретизмом в пользу определения. Ср., напр.: Я сибирской породы. Ел я *хлеб с черемшой* и мальчишкой парамы тянул, как большой (Е. Евтушенко. Я сибирской породы...). Однако особенностью подобных сочетаний является невозможность трансформации сочетания, построенного по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с», в сочетание с атрибутивными отношениями.

Отметим, что чаще подобное явление встречается в тех сочетаниях, где стержневой компонент выражен *абстрактным* существительным. Ср., напр.: Мой *роман с косметологией* начался довольно рано (О. Робски. Жизнь заново); *Красота с натяжкой*. Художественное оформление натяжного потолка (Доммой. Строительство и ремонт, апрель 2011, №43); Сегодня вас ожидает *успех с препятствиями* (В. Токарева. Перелом); Иногда *проблема с памятью* оборачивается *неприятностями с законом* (О. Робски. Casual).

В приведенных примерах разрешимость синкретизма не может быть подтверждена трансформацией словосочетаний, так как образующиеся значения словосочетаний не синонимичны трансформируемому. Ср., напр.: роман с косметологией - *косметологический роман; красота с натяжкой - *натяжная красота; успех с препятствиями - *препятственный успех.

В данной подгруппе – разрешимого в пользу определения синкретизма, но не имеющего возможности трансформации – довольно часто в качестве стержневого компонента выступают *конкретные* существительные. Ср., напр.: Мое убежище представляло собой довольно жалкое зрелище: сложенный из кирпича обветшавший *сарай с крышей*, покрытой залитым гудроном толем (А. Потемкин. Я); В большом платке, повязанном наспех, поверх смешной *шапочки с пумпонами*, она сидела на жесткой насыпи, с глазами слез отчаяния полными. Снижались на рельсы изредка бабочки. (Е. Евтушенко. Спутница); Я был всегда равнодушен к театру; но, впрочем, помню, были какие-то у нас картонные деревца и зубчатый *дворец с окошками* из малиново-кисельной бумаги. Все, что представляло собой плоскую *картонку с рисунком* на крышке, предвещало недоброе (В. Набоков. Дар);

Заметим, что сами синкретичные несогласованные определения могут, в свою очередь, быть распространены:

- согласованными определениями, выраженными одиночными прилагательными качественными Ср., напр.: Рядом находился *кран с холодной водой*, и он засунул под него изящную голову (С. Лукьяненко. Дневной дозор); От торговых рядов пахнет *стеллажами с новой одеждой*, распродажами и достатком (С.Минаев. The Телки); *Мужчина* был в костюме без галстука, *с легким загаром* и в очках в тонкой металлической оправе (С.Минаев. The Телки); *Домик с тенистым садом* стал местом тихого отдыха для двух стариков (М. Дегтярев. ОК-НО);

- согласованными определениями, выраженными одиночными прилагательными относительными: Заказала *виски с яблочным соком* (О.

Робски. Знакомые); В кафе пахнет *парфюмом* с цитрусовыми *нотками*, каким-то похотливым ферментом и алкоголем (С.Минаев. The Телки);

- причастием с наречием меры и степени. Ср., напр.: В шкафчике над плитой стояла стеклянная *банка* с плотно прижатой *пробкой* (С. Лукьяненко. Дневной дозор); Ну наконец-то *утро с мыслью о будущем* (Евгора+. эфир от 12.03.2011).

II. Словосочетания, находящиеся в слабой позиции, связанной с частичной нейтрализацией оппозиций, главный компонент которых представлен отглагольным существительным. В данной подгруппе представляется возможным выделить двух разновидностей:

а) сочетания с неразрешимым синкретизмом.

Случаи явления неразрешимого синкретизма прослеживаются в следующих примерах: Подобное явление наблюдается и в нижеследующих примерах: Это было обычное еженедельное *издание с иллюстрациями*, ни больше, ни меньше (П. Крусанов. Укус ангела) – предложно-падежная форма *с иллюстрациями* совмещает типичные признаки определения и дополнения, так как возможны две трансформации – издать с иллюстрациями и иллюстрированное издание; Сегодня парламент Украины ратифицировал *договор с Молдавией* про содержание мостов на границе, утвердив его в виде закона (Русский Репортер, март 2011) – предложно-падежная форма с Молдавией находится в слабой синтаксической позиции и совмещает признаки определения и дополнения, синкретизм не разрешим так как возможны две трансформации типа: *договориться с Молдавией* и *Молдавский договор*; Молодым девушкам до 25 лет предлагают *знакомство с иностранцами* (Starhit. 2009. №6) – предложно-падежная форма, выраженная «с+Тв.п.», находится в слабой синтаксической позиции и совмещает признаки определения и дополнения, возможна трансформация типа *знакомиться с иностранцами* и *иностранное знакомство*; Вас ждут важные встречи и *общение с обольщением* (Лиза. 2009. №1) – зависимый компонент находится в слабой синтаксической позиции и совмещает признаки определения и

обстоятельства образа действия. В данном случае также возможны обе трансформации: *общаться с обольщением* и *обольстительное общение*; Портье бросил мне в спину *взгляд с* неподдельным *уважением* (Е. Ничипурук. Больно.ru) – предложно-падежная форма находится в слабой синтаксической позиции и совмещает признаки определения и обстоятельства образа действия, возможны две трансформации типа *взглянуть с уважением* и *уважительный взгляд*; Скучная секретарша издала *вздых с облегчением* (Н. Кулагина. Варенька) – предложно-падежная форма находится в слабой синтаксической позиции и совмещает признаки определения и обстоятельства образа действия, возможны две трансформации типа *вздыхнуть с облегчением* и *облегчительный вздох*; Может, *работа с бумагами* накладывает на них неизгладимый отпечаток? (Д. Донцова. Вынос дела) – предложно-падежная форма находится в слабой синтаксической позиции и совмещает признаки определения и обстоятельства, возможны две трансформации типа *бумажная работа* и *работать с бумагами*;

В данных случаях зависимый компонент находится в позиции полной нейтрализации различий между определением и дополнением, определением и обстоятельством. По верному утверждению В.И. Фурашова, «значение определения и дополнения могут быть примерно уравновешены в синтаксической семантике второстепенного члена (случаи неразрешимого синтаксического синкретизма, позиции полной нейтрализации различий между определением и дополнением)» [Фурашов 1985: 268]. В своем труде «Определение как синтаксическая категория в современном русском языке» В.И. Фурашов приводит следующие примеры неразрешимого синкретизма, среди которых встречаются и анализируемые нами конструкции с творительным падежом: «Тв.п.: *торговля книгами* – *книжная торговля* и *торговать книгами*; *занятия музыкой* – *музыкальные занятия* и *заниматься музыкой*; с+Тв.п.: *граница с Польшей* – *польская граница* и *границить с Польшей*; *встреча с друзьями* – *дружеская встреча* и *встречаться с друзьями*» [Фурашов 1985: 286].

б) сочетания с разрешимым синкретизмом.

В приведенных ниже примерах зависимая словоформа выступает в роли синкретичного второстепенного члена, где синкретизм разрешается в пользу категории дополнения.

По характеристике главного компонента можно выстроить более детальную классификацию:

- девербатив, образованный от глаголов речи/мысли. ср., напр., Не думал, что *беседа с* красивой *девушкой* может так испортить настроение (С. Лукьяненко. Дневной дозор) – беседовать с девушкой при невозможности построения типа *девушкина беседа); *Разговор с редактором* предстоял тяжелым (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром) – случай разрешимого синкретизма в пользу дополнения, так как возможна трансформация – разговаривать с редактором; *Разговор с сыном* предстоял нелегкий (Starhit №28 (295); 15.07.2013); – возможна трансформация типа разговаривать с сыном;

- от глаголов действия. *Встреча с «Рассингом»* стала наглядным подтверждением: простояв львиную долю игрового времени без дела и без мяча, Березутский сделал решающий ход (Футбол, № 8, 2008) – возможна единственная трансформация: встретиться с «Рассингом»; *Встреча с русалкой* случайной не бывает (Н. Кулагина. Варенька) – встретиться с русалкой и *русалочья встреча; *Договоренность с артистами* имеется, и вполне вероятно, что квартет из Дублина окажется в наших краях еще до конца этого года (Мини, №5, 2007) – синкретизм разрешается в пользу категории дополнения, так как возможна трансформация вида *договориться с артистами*, при невозможности варианта типа *артистичная договоренность; *Вражда с родными* гораздо тягостнее (П. Крусанов. Укус ангела) – случай разрешимого синкретизма в пользу категории дополнения, так как возможная трансформация – *враждовать с родными*; Он с трудом пережил *развод с женой* (З. Прилепин. Санкя) – случай разрешимого синкретизма в пользу категории дополнения, так как возможная

трансформация – *разводиться с женой*; Накануне прошла ***встреча с избирателями*** кандидата в депутаты (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром) – *встретиться с избирателями* и *избирательная встреча*; ***Скачки с бидоном*** опять закончились вполне благополучно (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром) – случай разрешимого синкретизма в пользу дополнения, так как возможна трансформация – *скакать с бидоном*;

Следует отметить, что описанные случаи разрешимого и неразрешимого синкретизма сводились к оппозиции двух каких-либо членов предложения. В процессе обработки языкового материала нами была выявлена особенность синкретичных сочетаний, построенных по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с»: зависимая словоформа находится в слабой синтаксической позиции, связанной с частичной нейтрализацией противопоставлений между тремя членами предложения (определения, дополнения и обстоятельства). Ср.: ***шоппинг/shopping с удовольствием, покупки с удовольствием, шоппинг с умом, усмешка с вызовом, взгляд с недоверчивостью, взгляд с обидой; Путешествие с шиком*** в модный дом Lanvin (Cosmopolitan, 2011, №4); Домолинк – ***подключение с легкостью***. Подключайся там, где удобно (реклама); ПриватБанк – ***вложение с чувством*** (реклама). В данных примерах словоформы *с удовольствием, с умом, с вызовом, с недоверчивостью, с обидой, с шиком, с легкостью, с чувством* совмещают признаки определения, дополнения и обстоятельства образа действия; оттенок значения определения обусловлен присубстантивным расположением словоформ, обстоятельственный признак превалирует над признаком дополнения.

Несмотря на достаточно глубокую изученность проблемы сочетаемости отглагольных существительных с различными частями речи (см., например, работы Г.А. Золотовой, З.Я. Суханова, А.Н. Печникова, Х.Н. Абдулаева, В.П. Казакова, В.И. Фурашова и др.), остается немало неразрешенных вопросов, суть которых сводится к синкретичному характеру словосочетаний с девербативом, что обусловлено целым рядом причин.

Как отмечает Х.Н. Абдуллаев, отглагольные существительные представляются своего рода пограничным явлением между глаголом и именем, что и порождает интерес к данной словообразовательной группе. По мнению ряда исследователей, синтаксические отношения между компонентами словосочетаний с девербативом всегда многозначны. Эта многозначность обусловлена синкретичной природой отглагольных существительных. С одной стороны, они имеют все признаки существительных (общекатегориальное значение предметности; лексико-грамматические и словоизменительные категории; словообразовательные приметы и особенности; синтаксическая функция). С другой стороны, они сохраняют в своем значении сему действия и нередко заимствуют от глагола его синтаксические потенции. Гибридный характер девербатива обуславливает присутствие в его категориальном значении двух семантических компонентов: предметного (субстантивного) и процессуального (глагольного). Преобладание одной семы над другой определяет преобладание одного синтаксического значения над другим. Превалирование предметной семы определяет появление в синтаксическом значении словосочетания атрибутивных отношений [Абдуллаев 1987: 5].

3. Особого, специального изучения заслуживают случаи употребления анализируемой конструкции в функции **дуплексива**. Члены предложения с одной выраженной зависимостью обычно не вызывают затруднений при их синтаксической квалификации. Сложнее квалифицировать члены предложения с двойной связью и двойной зависимостью. Такие члены предложения Л.Д. Чеснокова назвала дуплексивами. Анализируемые нами словосочетания встречаются и в этой синтаксической функции. Ср., напр.: ***Писательница с улыбкой*** начала вертеться перед объективами (Д. Донцова. Микстура от косоглазия). Однако данный аспект нуждается в специальном, скрупулезном изучении.

Представленный в данном параграфе обзор существующих взглядов на сложность и неоднозначность словосочетаний с русским творительным

падежом, свидетельствует о стойком интересе представителей различных лингвистических парадигм и методов исследования к анализируемой проблеме и позволяет сделать вывод, что интересующие нас сочетания, построенные по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*», при кажущейся, на первый взгляд простоте, представляют собой сложные, не до конца изученные единицы. Вместе с тем, новейшие лингвокультурные и лингвокогнитивные исследования сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» открывают новые перспективы для дальнейшего изучения данных языковых явлений.

Выводы по второй главе

Анализ типологических особенностей конструкций «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» дает основание сделать следующие выводы:

1. С точки зрения структуры, анализируемые сочетания слов представляют собой подчинительные словосочетания и характеризуются расчлененностью состава. Разные аспекты описания подчинительных словосочетаний широко представлены в лингвистической литературе 50-х – начала 90-х годов XX века, в частности, в работах Ю.Д. Апресяна, В.В. Виноградова, Ю.С. Долгова, Г.А. Золотовой, Н.М. Лаврентьевой, М.Д. Лесник, В.П. Малащенко, Н.Н. Прокоповича, Е.С. Скобликовой, Е.Н. Смольяниновой, В.П. Сухотина, Л.Д. Чесноковой, Н.Ю. Шведовой, и др.

2. Анализируя собранный языковой материал, мы можем сделать некоторые обобщения относительно сочетаний, построенных по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*»:

а) с точки зрения количественно-структурных типов (по количеству составляющих компонентов) анализируемые сочетания представляют собой двухкомпонентные словосочетания; б) по морфологической характеристике главного слова (по категориальной или лексико-грамматической принадлежности стержневого компонента) – именные субстантивные, с главным словом – существительным; в) тип связи между компонентами словосочетания – управление; г) структурная схема словосочетания выглядит следующим образом: «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*».

3. Классификация словосочетаний по структуре и характеристике главного компонента обнаруживает, что в зависимости от отнесенности главного компонента к тому или иному лексико-грамматическому разряду среди *нераспространённых* сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» выделяются: 1) словосочетания, где главный компонент выражен *конкретным существительным*; 2) сочетания, в

которых главный компонент выражен вещественным существительным; 3) сочетаниями, главный компонент в которых выражен абстрактным существительным. В особую группу стоит выделить конструкции, в которых он выражен иноязычным (как правило, англоязычным) существительным. Примечательно, что в последнее десятилетие наблюдается тенденция роста подобного рода сочетаний. В большинстве случаев главный компонент представлен конкретными (38,2% от количества собранных примеров) и абстрактными (30,6%) существительными, вещественные же существительные встретились только в 26,4% случаев, сочетания, где главный компонент выражен иноязычным существительным, встретились в 4,8% случаях.

4. Распространенные конструкции, построенные по модели «определение + существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*», могут иметь в качестве атрибутивного распространителя качественное прилагательное, относительное прилагательное, неопределенное местоимение и др.

5. Зависимый компонент в анализируемых нами конструкциях чаще всего выступает 1) синсемантичным существительным, которым являются слова наименования частей лица, частей тела; 2) зависимый компонент выражен существительным–термином родства; 3) сочетания, в которых зависимый компонент выражен иноязычным существительным.

6. Что касается семантики анализируемых в данной работе конструкций, то лингвистами не раз обращалось внимание на неоднозначность семантики творительного падежа. Особо следует отметить одно из основных значений творительного падежа, выделяемое лингвистами, – социативное, который служит «для обозначения лица (или лиц), сопровождающего (или сопровождающих) главного производителя действия» [Ахманова 1966: 470].

7. Анализ собранного языкового материала позволил выделить следующие группы значений присубстантивного творительного падежа с предлогом *с*: 1) не осложненное оттенками социативное значение

присубстантивного творительного падежа, 2) социативное значение с оттенком взаимного действия; 3) социативное значение с оттенком принадлежности / обладания; 4) социативное значение с объектным значением. При этом третья группа значений характеризуется наличием наибольшего количества оттенков.

8. Сложность синтаксического функционирования присубстантивного творительного падежа с предлогом *с* обуславливается тем, что предложении присубстантивный творительный падеж всегда является синкретичным членом, совмещающего в себе признаки определения, дополнения/обстоятельства.

9. Разрешимость/неразрешимость синкретизма зависит от характера главного компонента и от занимаемой словоформой синтаксической позиции. Словосочетания «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*», находящиеся в слабой позиции, связанной с частичной нейтрализацией оппозиций, могут иметь в качестве стержневого компонента существительном неотглагольного происхождения, в этом случае речь идет о разрешимом синкретизме. При этом возможна трансформация в атрибутивное сочетание. Кроме того, при стержневом компоненте существительном неотглагольного происхождения, представляющего грамматический разряд *вещественных*, а также абстрактных существительных может встречаться разрешимый синкретизм в пользу определения, однако разрешимость синкретизма в данном случае не может быть подтверждена трансформацией словосочетаний, так как образующиеся значения словосочетаний не синонимичны трансформируемому.

10. Словосочетания, находящиеся в слабой позиции, связанной с частичной нейтрализацией оппозиций, главный компонент которых представлен отглагольным существительным, представлены конструкциями с неразрешимым синкретизмом, а также сочетаниями с разрешимым синкретизмом. Следует отметить, что описанные случаи разрешимого и

неразрешимого синкретизма сводились к оппозиции двух каких-либо членов предложения.

Многообразие типологий, а также оснований, которые могут стать принципами для классификации анализируемых в настоящей работе конструкций свидетельствует о том, что сочетания, построенные по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с», при кажущейся, на первый взгляд простоте, представляют собой сложные, не до конца изученные единицы, которые активно реагируют на интра- и экстралингвистические факторы развития языка и различные социальные и экономические изменения в обществе.

Вместе с тем, новейшие тенденции в лингвистических исследованиях обозначенных конструкций открывают новые перспективы для выделения особенностей функционирования данных единиц в современном русском языке, чему будет посвящена третья глава настоящей работы.

ГЛАВА 3.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИСУБСТАНТИВНОГО ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА С ПРЕДЛОГОМ «С» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА

3.1. Тематические группы сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с»

Современные тенденции в лингвистической науке позволяют под другим углом взглянуть на функционирование сочетаний, построенных по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с» и выявить отличные от традиционного изучения языка особенности использования данного языкового феномена. В последнее время в исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов отмечается антропоцентричность языкового сознания современного человека. Антропоцентризм назван одним из постулатов лингвистики конца XX столетия. Антропоцентрический принцип в лингвистике - частное проявление глобального процесса гуманизации науки. Как отмечает В.А. Маслова, антропоцентрический подход «переключает интересы исследователя с объекта на субъект познания, анализирует человека в языке и язык в человеке» [Маслова 2001: 212].

Антропоцентрический подход представляется достаточно логичным в процессе анализа сочетаний, построенных по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом «с». Исследуя данные словосочетания, выявим ряд следующих тенденций.

I. Стремление современного человека к идентификации.

При этом в качестве главного компонента выступает существительное, относящееся к тематической группе «человек», а в качестве зависимого - существительное, относящееся:

а) к группе темпоральных и пространственных существительных. Ср., напр.: Захар Прилепин – *«человек с биографией»* (www.russianbooker.org); *Человек с темным прошлым* (www.russianbooker.org);

б) существительное указывает на особенности характера. Ср., напр.: *Человек с причудами, человек с изъязном*, он понял, что перед ним *человек с самообладанием* (А. Знаменская. Венерин башмачок); Эдвард Мордейк – *человек с двумя лицами* (Красивые люди, 2009); Я всегда понимал, что вы *человек с головой* (ЖЖ); Владислав изображал из себя *человека с активной гражданской позицией* (М. Воронова. Клиника потерь);

в) к особенностям внешности. Ср., напр.: *человек с загаром*, Зураб Саткелава – *человек с волшебным голосом* (На ночь глядя. 22.08.12); *Человек с лицом убийцы* (название фильма);

г) к социальным характеристикам. Ср., напр.: Работа не требовала сколь-нибудь серьезных интеллектуальных усилий, а потому могла быть поручена *человеку с высшим образованием* (А. Кивинов. Опережая выстрел); *Человек с огромным опытом* (www.russianbooker.org); Эдвард *Человек с твердой жизненной позицией* (www.russianbooker.org); Владислав изображал из себя *человека с активной гражданской позицией* (М. Воронова. Клиника потерь); *Человек с подмоченной репутацией* (РР. 2009);

д) к обладанию лицом тем или иным предметом или вещью. Ср., прим.: *Туда, Скорей! – погонял оператора человек с микрофоном* (З. Прилепин. Патологии); Сегодня с утра в морг был доставлен *человек с паспортом* на имя Сергея Фомина (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром); *Человек с мечом* (РР. 2009); *Человек с мешком* (название книги А. Романова).

В данной группе встречаются примеры, расширяющие смысловую характеристику стержневого компонента путем метафорического переноса и являющиеся уникальными в своем роде. Ср. напр.: *Человек с дождем в ботинках* (название фильма).

В тех случаях, когда идентифицирующая функция принадлежит зависимому компоненту, можно говорить о семантической опустошенности главного компонента.

Описывая данную тенденцию, важно отметить, что в ряде случаев идентифицирующая функция преобладает в стержневом компоненте конструкции «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с». Анализ собранного языкового материала позволяет выделить следующие типы конструкций.

1) Словосочетания, в которых стержневая лексема указывает на гендерную принадлежность лица:

а) стержневой компонент называет лицо мужского пола, обладающее каким-либо предметом или вещью. Напр.: *Мужчина с ружьем* (название фильма); От большой черной машины быстрым шагом спешил *мужчина с сумкой* в руках (Д. Донцова. Вынос дела); В углу комнаты замаячили *мужчины с сигаретами*, но Олега среди них нет (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром); *На пороге стоял мужчина с цветами* (Ж. Корнеева. Беспутный лорд);

- стержневой компонент называет лицо мужского пола, а зависимый компонент характеризует лицо по какой-либо черте внешности. Ср., напр.: *мужчина с бородкой* улыбнулся (Ж. Корнеева. Беспутный лорд); *Мужчина с аккуратно подстриженными седыми усами* (А. Гавальда. Vremenagoda); *За ней следом двинулся солидный мужчина с брюшком* (А. Знаменская. Вероника).

В данной группе сочетаний особо следует выделить случай, где стержневой и зависимый компоненты обозначают единое понятие, которое можно выразить словом семья. Напр.: На пороге стоял *мужчина с женой и ребенком* (М. Воронова. Клиника потерь);

б) стержневой компонент называет лицо женского пола, обладающего каким-либо предметом. Ср., напр.: *Женщина с веслом*; Пока *женищина с ведром, тряпкой и пылесосом* вдвигалась в комнату, он сунул Кате денег (Д. Донцова. Вынос дела).

2) Словосочетания, главный компонент которых содержит сему возраста. Среди них:

- главный компонент указывает на лицо мужского пола, зависимый - обладание лицом каким-либо предмета или вещью: *На дороге стоял **ребенок с хворостиной*** (З. Прилепин. Патологии); *Перед нами появился **юноша с микрофоном*** (З. Прилепин. Патологии); *Вот тебе и **старичок с палочкой*** (А. Знаменская. Венерин башмачок); ***старик с эспаньолкой*** (Теле7, 2010);

- главный компонент указывает на лицо мужского пола, зависимый - характеризует лицо по внешности. Ср., напр.: *В окно выглядывали **мальчик с хохолком** на голове и девочка с косичкой* (А. Знаменская. Колыбельная для волчонка); *Молодой **парень с татуировкой** в виде дракона и серьгой в ухе сидел за рулем Mazda* (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром); ***старик с бородой*** (М. Елизаров. Ногти);

- главный компонент указывает на лицо женского пола, зависимый - обладание лицом какого-либо предмета: *За воротами Ханкалы стоит съемочная группа, **девушка с микрофоном**, где-то я ее видел...* (З. Прилепин. Патологии); ***девушка с шарфиком** на шее* (В. Носов. Меня зовут Нур Ахмат); ***девушка с гитарой*** (название фильма); *По винтовой лестнице спускалась **девушка с шубейкой** на руках* (А. Григоренко. История человека тайги); *Катя Деткина: **девушка с паспортом*** (netslova.ru); *На скамейке перед парком сидела **девушка с телефоном** в руках* (Starhit №28 (295); 15.07.2013).

- главный компонент указывает на лицо женского пола, зависимый - указывает на характеристику внешности. Напр.: *Месяц назад мне встретила **тетенька с необъятным бюстом*** (Д. Донцова. Концерт для колобка с оркестром).

3) Словосочетания, в которых стержневой компонент указывает на этническую принадлежность субъекта. В данной подгруппе можно выделить две разновидности, учитывая гендерную дифференциацию, указанную в стержневом компоненте:

а) главный компонент указывает на лицо мужского пола

- зависимый компонент указывает на обладание лицом какого-либо предмета или вещи. Ср., напр.: *узбек с пиалой* (В. Носов. Меня зовут Нур Ахмат); *Кавказец с кинжалом* (З. Прилепин. Ботинки полные горячей водки); *Китаец с дредами* (название музыкального произведения автора Chinagirl на RealMusic.ru); *Терри Гильям: американец с британским стилем* (www.Fashiontime.ru); *Мы сидели как-то ужинали: я и знакомый итальянец с женой американкой* (www.cofe.ru – форум газеты «Яблоко»);

- зависимый компонент указывает на особенности внешности. *Подошел цыган с серьгой в ухе* (В. Носов. Меня зовут Нур Ахмат);

- зависимый компонент указывает на социальное положение. Ср.: *китаец с гжельской пропиской* (www.iritto.ru/pressa – официальный сайт компании «Ирито»);

б) главный компонент указывает на лицо женского пола, зависимый имеет значение совместности. Ср., напр.: *Напротив него стояла чеченка с младенцем* (З. Прилепин. Патологии).

4) В отдельную группу представляется возможным выделить словосочетания, в которых стержневой компонент указывает на профессию лиц мужского пола. Ср, напр.: *учитель с журналом* (А. Маринина. Иллюзия греха); *слесарь с инструментом* (А. Маринина. Все не так); *адвокат с портфелем* (О. Робски. Casual);

- род деятельности лица мужского пола: *грибник с корзиной* (М. Елизаров. Ногти); Впереди шел черный козел – сзади *пастух с подпаском* (А. Григоренко. История человека тайги); Неподалеку от домика лесника мне встретился *охотник с собакой* (А. Маринина. Все не так);

- род деятельности лица женского пола: Зашла *домработница с плетеным подносом* (О. Робски. Casual); *опекуниша с ребенком* (АиФ, январь 2009); *Писательница с улыбкой* начала вертеться перед объективами (Д. Донцова. Микстура от косоглазия);

- зависимый компонент указывает на обладание лицом какого-либо предмета или вещи: *студент с ноутбуком; спортсмен с кубком* (АиФ, январь 2009);

5) Словосочетания, в которых стержневой компонент является термином родства. Среди них:

а) сочетания, в которых возможна замена двух компонентов одной словоформой «родители». Ср., напр.: Мои *мама с папой* нас отвезут. Хочешь в пятницу в кино? (М. Дегтярев. ОК-НО); Хитрые *мама с папой* высчитали, что двести рублей в день парню достаточно, попробуй тут сэкономить (Д. Донцова. Микстура от косоглазия);

б) сочетания, в которых замена невозможна. Данную подгруппу представляется возможным разбить на следующие тематические части:

- главный и зависимый компоненты выражены терминами-родства, обозначающими близкое родство. Ср., напр.: После похорон *мать с дочерью* вернулись в Севастополь (П. Крусанов. Укус Ангела); Как-то раз потребители, *мать с* маленьким *сыном*, заказали дудлики из водорослей, но воронка трубы доставки была забита до отказа (А. Иванов. Блуда и МУДО); *Отец с сыном* попали в аварию (АиФ, январь 2009); *Внучка с бабушкой* играла, на вопросы отвечала / Где живешь и как зовут, чем полезен всякий труд (В. Макаров. Бабушка и внучка);

- главный и зависимый компоненты выражены терминами-родства, обозначающими дальнее родство. Ср., напр.: *Сестра с мужем* вырастили двоих сыновей, которыми очень гордятся (Е. Репина. Те самые люди, февраль и кофеин); Ей казалось неправильным, что она живет в такой роскоши, а *сестра с мужем* ютятся в маленькой хрущовке (М. Воронова. Клиника потерь);

- главный компонент выражен существительным-термином родства, зависимый – указывает на обладание лицом какого-либо предмета. Ср., напр.: *отец с чемоданом* (АиФ, январь 2009); На пороге появился *бабка с*

гармошкой (В. Макаров. Бабушка и внучка); Смелый *дед с пистолетом* прогнал грабителей, стреляя на поражение (<http://ostrim.ru/str/1366.htm>);

Следует отметить, что особенностью описанных групп примеров является выраженность главного компонента одушевленным существительным. Роль зависимого компонента сводится к дифференцирующей. Таким образом, вся конструкция предстает как целостное образование. Вместе с тем функционирование данных конструкций с точки зрения антропоцентрического подхода отражает потребность современного человека в идентификации.

Поскольку самым важным «конкретным объектом» в мире является человек, то большая часть существительных (как правило, конкретных и вещественных) называет субстанции, необходимые для обеспечения материального существования человека (продукты питания, лекарства, косметика, одежда/обувь и т.д.).

II. Анализируя функционирование данной конструкции, можно выделить несколько тематических групп, относящихся к артефактам жизнедеятельности человека:

Вторую разновидность представляют сочетания, объединенные тематической группой «еда». Учитывая семантику главного и зависимого словоформы, представляется возможным выделить следующие типы:

- главный и зависимый компонент соотносятся как целое/часть. Ср., напр.: *Яичница с салом, помидорами и кабачками* – неестественно яркая, словно рисунок ребенка, – источала аромат, подрагивала и побрызгивала, как живая и радостная (З. Прилепин. Санька); Завтрак приготовил боец по кличке Плохиш, назначенный поваром, – *макароны с тушенкой* – все как у людей (З. Прилепин. Патологии); Он пригласил Таню в ресторан, там они заказали *салат с крабами* (Д. Вересов. Черный ворон); Перед Поленовым появилась *яичница с колбасой*, чему он был несказанно рад (А. Кивинов. Опережая выстрел);

- главный и зависимый компонент соотносятся как два равноправных элемента. Ср., напр.: Проходя мимо буфета, я купил черный *хлеб с сыром*, кусочки нарезанного красного яблока, стакан колы, уныло прожевал свой полдник и вышел (Е. Гришковец. Асфальт); Традиционный ужин: *рыба с картошкой* с нашего огорода (В. Попов. Плясать досмерти); Саша в это время любовно смотрел на *бутерброд с икрой* (З. Прилепин. Санька); Счет принесла вторая официантка, которая не знала, что Сашка сидит тут давно, доедая остывшую *свинину с водкой* (З. Прилепин. Санька);

- главный и зависимый компонент выражают значение совместности. Ср., напр.: Черный *шоколад с корицей* и лопнувшая на языке черничная ягодка. Капелька Terre d'Hermes на шее. Обещание. (Т. Устинова. Подруга особого назначения.); Вика Горина не ест по вечерам *сухари с изюмом*, и она, Варвара, не станет (Т. Устинова. Подруга особого назначения.); Ел я *хлеб с черемшой* и мальчишкой парамы тянул, как большой (Е. Евтушенко).

Особую группу представляют собой сочетания, в которых зависимым компонентом является слово «характер». Подобные сочетания занимают промежуточную позицию с точки зрения антропоцентрического подхода к анализу языкового материала. С одной стороны, зависимый компонент не выполняет дифференцирующей функции, а с другой – относится к тематической группе «человек». Особое внимание на себя обращают сочетания, где стержневой компонент анализируется с точки зрения категории одушевленности/неодушевленности. Среди описанных сочетаний представляется возможным выделить следующие группы:

а) стержневой компонент представлен одушевленным существительным. Ср.: Кем становится *принц с характером*, когда снимает свадебный костюм, располагается на диване и включает телевизор? (<http://www.pro-soblazn.ru>); *Девушка с характером* (название фильма);

б) стержневой компонент представлен неодушевленным существительным. Ср.: Rivoli – твой *взгляд с характером*; Cat – *обувь с сильным характером*; Клинское Redкое. Красное *пиво с* ирландским

характером; Притяжение праздника. *Подарки с характером* (Avon № 17); Signature – сильный *аромат с характером* (реклама духов); *Квартира с характером* – дизайн и интерьер (Всё для дома, январь 2012); Sim City – *город с характером* (<http://torrentsfiles.ru>); *Пышка с характером* (А. Ларина); *Вино с характером* (<http://www.pro-soblazn.ru>); Той-пудель – *игрушка с характером* (заголовок. Друг собак №12 декабрь 2010).

Анализируя собранный языковой материал, была отмечена особенность сочетаний данной группы: употребление зависимой словоформы «с характером» при существительных как одушевленных, так и не одушевленных приводит к расширению сочетаемости данной словоформы в современных контекстах.

III. Третью тематическую разновидность представляют сочетания, объединенные в группу «жидкости». В данной группе представляется возможным выделить следующие типы:

а) главный и зависимый компонент выражают значение совместности. Ср., напр.: Чтоб *чай с вареньем* в любимой кружке,/Горшки с цветами, диван, два кресла...(М. Бойкова. Что нужно для счастья?);); Андрей налил в стакан *джин с тоником*...(Т.Толстая. Изюм); Я съел котлету и макароны на завтрак, выпил *чай с пряником*; отец не мог меня бросить (З. Прилепин. Патологии); Заказала *виски с яблочным соком* (О. Робски. Жизнь заново).

IV. Словосочетания, относящиеся к тематической группе «косметика/парфюмерия»:

1) В отдельную группу представляется возможным выделить сочетания, относящиеся к группе «косметика». Проявление антропоцентрического принципа в данной группе сочетаний просматривается в выделении следующих подгрупп:

- косметика для женщин: *Тушь с расчесочкой* (реклама); *Тушь с коллагеном* – колоссальный объем (реклама);

Отметим, что сочетания, входящие в данную группу, имеют особенность: главный компонент конструкции чаще всего имеет

атрибутивные распространители, выполняющие конкретизирующую функцию. Ср., напр.: Интенсивно увлажняющий **крем** для лица **с тональным эффектом** «Красота и уход» (РивГош, февраль 2013); Увлажняющий **крем** для рук **с глицерином** (РивГош, февраль 2013); **Бальзам** для губ **с витамином Е** (РивГош, февраль 2013); **Лак** для ногтей **с эффектом** мраморной мозаики (Avon, февраль 2013); **Спрей** для тела **с маслом страстоцвета** (РивГош, февраль 2013); Очищающая **пенка** для умывания **с матирующим эффектом** (Avon, февраль 2013); **Крем** для комбинированной кожи **с экстрактом** зеленого чая (Avon, февраль 2013); **Тон** для лица **с успокаивающим действием** (Avon, февраль 2013); **Крем** для лица **с соевым маслом** питает и увлажняет кожу (Avon, февраль 2013); **Лосьон** для тела **с морскими водорослями** (Avon, февраль 2013); Омолаживающий ночной **гель** для лица **с минералами** (Avon, февраль 2013). То же можно сказать и про зависимый компонент. Напр.: **Дезодорант** **с** шариковым **аппликатором** (РивГош, февраль); Губная **помада** **с эффектом** объема (Avon, февраль 2013);

- косметика для мужчин: Увлажняющий **крем** для бритья **с алантоином** (РивГош, февраль 2013);

2) сочетания, относящиеся к группе «парфюмерия».

Особенностью данного типа сочетаний является наличие при стержневом компоненте конкретизирующего атрибутивного распространителя. Ср., напр.: Midnight Rain. Познакомьтесь, **духи** **с околдовывающим эффектом** (реклама); **Духи с феромонами** – чудо созданное человечеством (реклама); Парфюмерная **вода** **с** роликовым **аппликатором** (реклама); 2013);

V. Словосочетания, относящиеся к тематической группе «одежда/обувь/головные уборы». В данной группе логично выделить следующие разновидности:

1) сочетания, относящиеся к группе «одежда»

а) выражающие отношение часть/целое. Ср., напр.: Он бы ушел без всего, не окажись у табачника крапчатого **жилета** **с** перламутровыми

пуговицами и лысины тыквенного оттенка (В. Набоков. Дар); Его **рубашка с** отложным **воротом** открывала широкую шею (Е. Гришковец. Рубашка); **платье с карманом...** (Е. Гришковец. Рубашка); Бросилась в глаза **футболка с** забавной **надписью** и смешной рожицей (В. Лукьяненко. Ночной дозор); Излюбленный стиль – **толстовка с капюшоном** (Е. Гришковец. Асфальт); Яна, черноволосая, в короткой изящной **куртке с мехом** ходила вдоль рядов, выкрикивая команды (З. Прилепин. Санька); На Рите голубая **футболка с** глубоким **вырезом**, надетая на голое тело (С.Минаев. The Телки);

б) выражающие отношение совместности. Напр.: И траурное **платье с черными очками** (О. Робски. Casual); А эти смешные **штанишки с гномами**, **Платье с** длинным **фартуком** от «Можердома» делало ее похожим на горничную из сериалов (О. Робски. Casual); из простого магазина, ей купила свекровь (О. Робски. Casual);

В рамках данной классификации интересным представляется случай типа **Шорты с перчинкой** – новинка зимнего сезона (Qelle, 2008), где наблюдается явление метафоризации сочетания, что приводит к расширению сочетаемости зависимого компонента.

2) относящиеся к группе «головные уборы».

а) выражающие отношение часть/целое. Ср., напр.: Они стояли на задней площадке, все трое в макинтошах, с бледными распухшими лицами, и Яшу как-то странно опрощала старая **кепка с козырьком**, которую года четыре он не носил, а сегодня надел почему-то (В. Набоков. Дар); В большом платке, повязанном наспех, поверх смешной **шапочки с пумпонами**, она сидела на жесткой насыпи, с глазами слез отчаяния полными. Снижались на рельсы изредка бабочки. (Е. Евтушенко. Спутница); К нему подошел высокий человек неопределенного возраста.

б) выражающие отношение совместности. Напр.: На нем был шерстяной **берет с** забавной **заколкой** в виде охотничьих рожков (В. Лукьяненко. Ночной дозор); Майор сидит на раскладном стульчике, **беретка с кокардой** набок (З. Прилепин. Патологии);

3) относящиеся к группе «обувь».

Практичнее смотрятся *ботинки с рантом* (Лиза, 2007, № 6); Недаром тема балета привлекает многих дизайнеров, и они предлагают нам этой весной *туфли с ленточками*, воздушные юбки и, конечно, аппликации (Cosmopolitan, 2008); Признанный must have сезона – *ботильоны с открытым носом* (Лэтуаль, март 2013); *Колготки с лайкрой* (реклама);

VI. Словосочетания, объединенные тематической группой «дом/квартира/котедж/резиденция». Напр.: Недалеко от сада был *дом* директора *с колоннами*. Ей досталась *квартира с евроремонтом* и дорогой мебелью (Д. Донцова. Микстура от косоглазия); Ему предложили только *квартиру с доплатой* (М. Воронова. Клиника потерь); У нас все-таки *резиденция с обслуживанием*, а не сарай какой-нибудь (А. Гавальда. Vremenagoda); Мечтой ее был *котедж с маленьким садом* (А. Гавальда. Vremenagoda).

Особенностью данной подгруппы является выраженность главного компонента уменьшительно-ласкательным существительным. Ср., напр.: Стал наблюдать, как Наташа сломала веточку и начертила на снегу *домик с окошком и трубой* (В. Токарева. Перелом); Она живет в маленьком *домике с* запущенным *садом* (Е. Репина. Те самые люди, февраль и кофеин); На сахарнице была изображена *карета с лошадьми*, а на масленке – *домик с садом* (О. Робски. Замуж за миллионера); *Домик с* тенистым *садом* стал местом тихого отдыха для двух стариков (М. Дегтярев. ОК-НО).

1) Словосочетания, объединенные тематической группой «мебель»: *Стулья с* продранной *обивкой* (В. Токарева. Перелом);

2) Словосочетания, объединенные тематической группой «посуда». В данной подгруппе представляется возможным выделить сочетания, относящиеся к группе «сосуды, вмещающие в себя жидкость»: Ср., напр.: Я переспросил отца, отставив *стакан с пивом* (В. Попов. Плясать досмерти); На подоконнике располагалась литровая *банка с водой* (З. Прилепин. Санька); Дядя Миша опрокинул *рюмку с водкой* в рот и поморщился (Е. Ничипурук.

Больно.ru); Представила себе романтический ужин. Свечи. *Бокалы с шампанским*. Улыбки. Музыка. (О. Робски. Жизнь заново); Он поставил на стол глиняный *кувшин с молоком* (О. Робски. Жизнь заново); Идеальный коктейль для «бабьего лета» – освежающая мята, «баккарди» и полный *стакан* колотого льда *с* шипучей *содовой* (О. Робски. Casual);

Таким образом, представленная в данном параграфе тематическая классификация, выполненная в русле антропоцентрического подхода, помогла по-новому взглянуть на сущность анализируемой конструкции. И нельзя не согласиться с утверждением Е.С. Кубряковой, что «антропоцентризм, относимый сегодня к числу приоритетных принципов научного исследования, знаменует тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках», человек оказывается не просто вовлеченным в анализ тех или иных явлений, но определяет «перспективы этого анализа и его конечные цели» [Кубрякова 1995: 212]. Подобные сочетания не всегда поддаются традиционной лингвистической интерпретации и нуждаются в привлечении к анализу новых подходов.

Следующий параграф будет посвящен многоплановому исследованию интересующих нас единиц с позиций когнитивно-композиционного направления, что сможет способствовать определению и выявлению новых, не описанных в традиционном языкознании особенностей анализируемых конструкций.

3.2. Сочетания «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с» с точки зрения композиционной семантики

Вошедшая сравнительно недавно в научный обиход *теория композиционной семантики* берет свое начало с так называемого *принципа композиционности*, который впервые был описан в работах Г. Фреге. В основу указанного принципа положена мысль о выводимости значения словосочетания из суммы значений его компонентов. В общем виде этот принцип формулируется так: «Значение языкового выражения является функцией от значений его частей и способов их синтаксического соединения» [Partee 1984: 318 (цит. по: [Юдина 2006: 286])].

Теория композиционной семантики нашла свое применение на всех уровнях языка. Известны исследования в области словообразования и синтаксиса, более подробному анализу подвергнут принцип композиционности в лексико-семантической сфере. Наиболее последовательно применительно к сочетаемости лексических единиц указанная теория разработана в трудах Е.С. Кубряковой. Согласно мнению Е.С. Кубряковой, «композиционная семантика характеризуется не столько какими-либо новыми методами анализа, сколько ее интересом к композиции знаков и результатам сочетаемости знаков в правильно организованные последовательности, обладающие известной самостоятельностью. Это особый раздел семантики, в котором главное внимание уделяется закономерностям объединения знаков в единую семантическую структуру и правилам интерпретации этих структур; ее цель – обнаружить и предсказать семантические последствия сочетаемости разных знаков языка в тех или иных конструкциях, обладающих свойством относительной самостоятельности или автономности» [Кубрякова 2002: 4]. Развивая мысль Е.С. Кубряковой о необходимости применения теории композиционной семантики к описанию лексической сочетаемости, Н.В. Юдина ввела в научный обиход *шкалу*

композиционной семантики, взяв в качестве материала для исследования сочетания «прилагательное + существительное» в русском языке. Согласно мнению Н.В. Юдиной, такая шкала может выглядеть следующим образом: «на одном полюсе находятся свободные словосочетания, рядом с которыми в порядке убывания располагаются традиционно-устойчивые, экзистенциально-перцептивные и стандартизированные сочетания как наиболее выводимые из суммы значений составляющих компонентов. Далее за ними следуют клишированные и номинирующие сочетания как не выдерживающие теста на предикацию, но, вместе с тем, в принципе, выводимые из суммы значений составляющих компонентов. В центре шкалы находятся стереотипные, культурологически маркированные, исторически обусловленные и дискурсивные. На нижнем полюсе шкалы композиционной семантики рядом с полностью не выводимыми фразеологическими сращениями находятся группы декомпозиционных сочетаний» [Юдина 2006: 330-331].

В ходе работы над языковым материалом использованы следующие *методы и приемы*: в рамках *описательного* и *описательно-сопоставительного* методов осуществлялись приемы наблюдения и интерпретации, классификации и систематики языковых явлений, их сопоставления и противопоставления. В ходе исследования был проведен *свободный ассоциативный эксперимент*, в котором участвовали респонденты от 15 до 70 лет.

Исходя из анализа собранного нами языкового материала, мы можем выстроить следующую шкалу композиционной семантики на примере сочетаний «имя существительное + имя существительное в Тв. п. с предлогом «с».

На **нижнем** полюсе шкалы, на наш взгляд, могут находиться *фразеологические единицы*, как полностью не выводимые из суммы значений составляющих компонентов. Рассмотрим особенности указанных единиц на примере сочетания *кровь с молоком*. С целью выявления частотности употребления идиомы *кровь с молоком* в речи современного носителя

русского языка, а также возможности появления новых лексических значений, ранее не зафиксированных в словарях, нами был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие более 100 испытуемых разных возрастных групп (от 15 до 70 лет). Респонденты были разделены на 4 возрастные группы следующим образом: 1) от 15 до 18 лет; 2) от 19 до 22 лет; 3) от 23 до 40 лет; 4) от 41 до 70 лет.

В качестве слова-стимула респондентам был предложен главный компонент фразеологической единицы – *кровь*. В качестве задания испытуемым предлагалось: 1) построить словосочетание по модели «сущ. + с + сущ. в Тв. п» с главным компонентом «*кровь*»; 2) объяснить значение полученного словосочетания.

Результаты эксперимента оказались следующими: во всех четырех возрастных группах респондентами был употреблен фразеологизм *кровь с молоком* (86%) в значении «жизнеспособность, физическая и душевная крепость человека». То же значение указанного фразеологизма находим в большинстве лексикографических источников (ср., напр.: БТФС 2004; БФСРЯ 2008; ФС 1986 и др.).

Интересным представляется тот факт, что только в IV-й возрастной группе были приведены примеры сочетания *кровь с коньяком* (3%) в значении «вспыльчивый человек», «человек, находящийся в нервном возбуждении». Вместе с тем, в первых двух возрастных группах были отмечены следующие словосочетания: *кровь с молоком* в значении «смешение двух жидкостей» (5%); *кровь с молоком* в значении «первоначала, инь-ян» (2%), а также было встречено сочетание *кровь с кислородом* в значении «дышать» (4%). Исходя из анализа современных лексикографических источников, можно сделать вывод о том, что указанная фразеологическая единица употребляется в следующих значениях:

1) здоровый, цветущий, с хорошим цветом лица: *Парень был здоровый, кровь с молоком, но говорил слабым и женственным голосом* (А.Н. Толстой. Нужна ли мужицкая сила?); 2) Свежее, румяное (лицо): *Он был красавец*

собою, с открытым грудным и объёмистым басом, лицо – кровь с молоком (Н.Г. Помяловский. Очерки бursы) [ФСРЛЯ 2008].

Аналогичное значение находим в «Большом фразеологическом словаре русского языка» (подробнее см.: [БФСРЯ 2008]):

«1) румяный, цветущий, крепкий

КРОВЬ С МОЛОКОМ

кто, что

Румяный, цветущий, крепкий.

Имеется в виду весь внешний вид человека (X) или его лицо, чаще – щёки (Z), отличающиеся ярко выраженными признаками здоровья и силы. *Говорится с одобрением. неформ. ♦ X <Z> – кровь с молоком. неизм.* Обычно в роли именной части сказ., несогл. опред. или обособл. прилож. Порядок слов-компонентов фиксир.» (ср., напр., дискурсивное употребление анализируемого фразеологизма, предложенное в указанном выше словаре:

«[Жена] дома наверняка, зря её, наверное, в область и таскали, какая там болезнь, баба *кровь с молоком*, в ней каждая жилочка играет. (П. Проскурин, Тайга). Была я *кровь с молоком*, когда пошла мода на худобу. Ну, взяла себя в руки и сбросила 20 кг, став тощей, как это сейчас модно. (WWWoman, 2001)» [БФСРЯ 2008].

Проведенный нами лингвоассоциативный эксперимент и собранный языковой материал свидетельствуют о том, что анализируемый фразеологизм *кровь с молоком* имеет два значения, оба из которых характеризуют жизнеспособность, физическую и душевную крепость человека. Ср.: *Парень был, что говорится, кровь с молоком. В самом расцвете лет* (В. Пелевин. Чапаев и пустота); *На пороге появилась девушка, в деревне раньше таких называли кровь с молоком, а сейчас обычная деревенская нюша* (О. Робски. Гламурный Дом). Именно эти значения зафиксированы и в лексикографических источниках. Кроме того, в современных контекстах данный фразеологизм употребляется и в новом метафорическом значении, не зафиксированном в словарях русского языка. Речь идет об использовании

указанной единицы в качестве средства номинации. Ср.: *9 января в 20 часов врубай Gradient, чтобы насладиться новым выпуском программы «Кровь с молоком»*. Выпуск будет неожиданным (<http://mp3-blog.net>); *«Кровь с молоком»* (название песни группы «Психея»); *«Кровь с молоком»* (название новеллы Д. Королевского); *«Предел. Кровь с молоком»* (название фильма, боевик, драма).

В этой связи есть предположение, что в одних случаях указанная единица может выступать в функции фразеологического единства, а в некоторых других – мы можем наблюдать так называемый процесс *неполной дефразеологизации*, сущность которого, по мнению И.Н. Куклиной, заключается «в творческой актуализации внутренней формы и раздельнооформленной структуре фразеологической единицы путем нарушения фразеологической нормы» [Куклина 2006: 23].

В противовес фразеологическим единицам, описанным ранее, на **верхнем** полюсе шкалы композиционной семантики находятся так называемые *свободные* сочетания слов. В теории сочетаемости принято выделять свободные и несвободные (устойчивые) связи слов. Так, В.В. Виноградов, указывая на качественные различия между ними, считает, что свободные значения (прямые номинативные) имеют неограниченный характер сочетаемости, в то время как несвободные (производные номинативные, фразеологически связанные, синтаксически обусловленные) ограничены и замкнуты в своих связях и проявляются лишь в сочетании со строго определенными словами, «в узкой сфере семантических отношений» [Виноградов 1977: 176]. Е.В. Рахилина, изучая сочетаемость предметных имен, полагает, что даже «в зонах, традиционно считавшихся представляющими свободную сочетаемость имен, обнаруживаются существенные ограничения и достаточно строгие правила, задающие границы сочетаемости», и что «все свойства объектов рассматриваются и описываются в языке не вообще, а только в процессе естественного для данного объекта процесса функционирования, то есть фактически – в процессе использования

его человеком» [Рахилина 2000: 337-339]. Примерами так называемых свободных сочетаний «имя существительное + имя существительное в Тв. п. с предлогом «с» можно считать, на наш взгляд, следующие: *встреча с журналистами, книга с иллюстрациями, разговор с эмоциями, старик с бородой, шляпа с перьями* и многие др.

Сделаем предположение, что между свободными словосочетаниями и фразеологическими единицами можно выделить несколько групп комбинаций существительных с предлогом «с», выстроив их с точки зрения устойчивости и степени выводимости композиционной семантики.

I. Наибольший интерес среди анализируемых единиц представляют сочетания «имя существительное + имя существительное в Тв. п. с предлогом «с», находящиеся на периферии двух полюсов и являющиеся *композиционно несвободными, лингвистически свободными сочетаниями* (термин Н.В. Юдиной). С целью выявления функционирования некоторых комбинаций анализируемого типа в речи современного носителя русского языка нами был проведен лингвоассоциативный эксперимент, целью которого являлось выявление *стандартизированных сочетаний*, построенных по модели «имя существительное + имя существительное в Тв. п. с предлогом «с».

В ходе эксперимента респондентам трех возрастных групп: 1) 17-20 лет; 2) 21-25 лет; 3) 26-30 лет) – было предложено подобрать 2-3 ассоциации к 22 языковым единицам. Изначально нас интересовала первичная ассоциация, так как именно в этом случае мы можем констатировать факт ассоциативности анализируемого словосочетания. В ходе эксперимента нами было замечено, что ведут себя как *стандартизированные, или ассоциативно обусловленные* следующие комбинации существительных: *кофе с молоком, чай с лимоном/сахаром, тушь с щеточкой/комочками, телефон с кнопками/камерой, духи с феромонами, пиво с рыбой/пенной, помада с блеском, иголка с ниткой, часы с кукушкой*.

Следует отметить, что каждый из компонентов в приведенных примерах может также функционировать в других сочетаниях и создавать семантически

новые единицы. Как отмечает Н.С. Валгина, «новым в таких клише является именно сочетание слов, а не слова как таковые» [Валгина 2001: 79].

Результаты проведенного нами эксперимента отчасти подтверждаются материалами «Ассоциативного тезауруса русского языка» [РАС 2002]. Так, среди ассоциаций на слова-стимулы «дама, дом, духи, иголка, кофе, пиво, чай, часы» встречаются реакции, полученные нами в ходе эксперимента: *иголка с ниткой, кофе с молоком, пиво с рыбой/пеной, чай с лимоном/сахаром, часы с кукушкой*. Со словами-стимулами «духи» и «телефон» среди представленных в словаре реакций нет тех, которые мы получили в ходе ассоциативного эксперимента (ср.: *духи с феромонами, телефон с камерой*). Отметим, что в словаре не встречаются слова-стимулы «тушь» и «помада» (и, соответственно, нет реакций на них).

II. Следующая, более обширная, группа представлена *композиционно несвободными культурологически маркированными сочетаниями* (термин Н.В. Юдиной). Ср.: *дом с мезонином; дама с камелиями; дама с собачкой; бой с тенью; столкновение с бездной; девушка с персиками; женщина с веслом; девушка с гитарой; мадонна с младенцем и др.*

По справедливому замечанию Н.Г. Брагиной, «есть основания считать, что механизмы устойчивости оказываются включенными в культурные механизмы. Языковая устойчивость мотивирована разными типами дискурса: мифологическим, литературным, философским, политическим и т.д. Они составляют ее мотивационный фон... Вопрос о мотивированности устойчивых образов – это вопрос не только о механизмах метафоризации и механизмах устойчивости, но и о структуре коллективного бессознательного... Это – вопрос о структуре общественной культурной памяти и о власти языка над говорящим» [Брагина 2005: 16].

В формировании культурологически маркированных единиц, построенных по модели «имя существительное + имя существительное в Тв. п. с предлогом «с», приняли участие следующие типы дискурсов:

1. литературный (*дом с мезонином* (название рассказа А.П. Чехова); *дама с камелиями* (название романа А. Дюма-сына); *дама с собачкой* (название рассказа А.П. Чехова); *роман с языком* (название романа В. Новикова); *мальчик с собакой* (название повести А. Голенко);

2. кинематографический (*дом с приведениями*; *бой с тенью*; *столкновение с бездной*; *роман с камнем*; *любовь с акцентом*; *дама с попугаем*; *девушка с татуировкой дракона* – названия художественных фильмов);

3. рекламный (*тушь с щеточкой*, *помада с блеском* (из текста рекламы косметики MaxFactor); *пиво с характером* (текст рекламы алкогольной продукции); *сухарики с историей* (текст рекламы сухариков «Воронцовские»); *покупки с удовольствием* (слоган сети продуктовых магазинов «Квартал»); *духи с феромонами* (текст рекламы парфюмерной продукции); *колготки с лайкрой* (текст рекламы продукции «Omsa»); *реклама с юмором* (реклама на сайте www.adme.ru);

4. политический (*встреча с избирателями*; *дебаты с депутатами* (из текстов СМИ));

5. песенный (*девочка с глазами солнца* (песня Максим); *мужчина с биографией* (название песни С. Севера);

6. художественный (*девочка с персиками* (название картины В. Серова); *дама с горностаем* (название картины Л. да Винчи); *мальчик с собакой* (название картины П. Пикассо); *мадонна с младенцем* (название картины Микеланджело); *мадонна с гранатом* (название картины С. Боттичелли); *женщина с веслом* (скульптура И. Шадра).

По справедливому замечанию Н.В. Юдиной, «в основе таких сочетаний лежат разные культурологические моменты в структуре знаний отдельного индивида и группы индивидов. Имплицитный надсмысл, заложенный в подобных конструкциях, обусловлен исключительно культурологическими знаниями носителей языка» [Юдина 2006: 315].

III. Анализ языкового материала позволяет выделить еще одну группу, куда войдут сочетания так называемого *номинирующего типа*. Как отмечает Н.В. Юдина, «палитра номинирующих сочетаний поистине обширна. Такими единицами может быть названо все, начиная от частей человеческого тела и заканчивая специальными субкатегоризаторами далеких для простого обывателя научных названий» [Юдина 2006: 321].

В нашем случае *номинирующие* сочетания представляют собой преимущественно две тематические группы единиц, отличающиеся своим семантическим наполнением:

1) наименования блюд (примеры собраны из «Кулинария» и сборника рецептов «Готовим сами»). Отметим, что в данной группе можно выделить несколько разновидностей подобного рода сочетаний:

- нераспространенные (ср.: *Барашек с лавашиком, Печень с луком, Пирог с черникой, Тарталетки с сыром, Утка с яблоками, Цыплята с трюфелями, Шаньги с творогом,*

- главный компонент распространенный одиночным прилагательным *Пирог сибирский с рыбой, Седло дикой козы с гарниром, Суп молочный с клёцками, Суп-пюре с гренками, Ячневая каша с маслом* и др.);

2) наименование передач, выходящих в настоящее время на различных телеканалах. В данной подгруппе представляется возможным выделение более дробной классификации, наблюдая за характером стержневого компонента.

- стержневой компонент не распространён (ср.: «Джем» с *Даниилом Крамером*; «Неделя» с *Марианной Максимовой*; «Постскриптум» с *Алексеем Пушковым*; «Пульс» с *Александром Малых*; «Соблазны» с *Машей Малиновской*; «События» с *Аллой Прохоровой*

- стержневой компонент распространен несогласованным определением, выраженным падежной формой (ср.: «Индустрия кино» с *Иваном Кудрявцевым*; «Мистика звезд» с *Анастасией Волочковой*);

стержневой компонент распространен согласованным определением «*Мистические истории*» с Виктором Вержбицким.

В первую группу вошли сочетания с семантическим значением соотношения «целого и части» (ср.: *пирог с рыбой* – рыба как часть пирога); во второй группе – взаимоотношения более сложные. Ввиду того, что зависимый компонент конструкции представлен именем собственным (ср.: «*Джем*» с Даниилом Крамером – наименование передачи + имя ведущего), вряд ли их можно характеризовать как взаимодополняющие. Скорее, эти отношения не имеют релятивного характера.

Исходя из представленного анализа языкового материала, шкала композиционной семантики на примере сочетаний «имя существительное + имя существительное в Тв. п. с предлогом «с» может выглядеть следующим образом: на нижнем полюсе находятся фразеологические единицы – как единицы, значения которых полностью не выводимы из суммы значений составляющих компонентов (ср., напр.,: *кровь с молоком*), далее в центре шкалы занимают особое положение те композиционные сочетания, значения которых характеризуются «имплицитными приращениями смысла сверх словарных значений сочетающихся имен» [Никитин 1988: 151] (в нашем случае это стандартизированные, или ассоциативно обусловленные сочетания (ср.: *кофе с молоком, чай с лимоном, чай с сахаром* и др.) и культурологически маркированные сочетания (ср.: *дама с собачкой, помада с блеском* и др.)), за ними следуют сочетания номинирующего типа (ср.: «*Индустрия кино*» с Иваном Кудрявцевым, «*Пульс*» с Александром Малых, «*Неделя*» с Марианной Максимовой, а также «*Утка с яблоками*», «*Пирог с черникой*» и др.). На верхнем полюсе шкалы располагаются так называемые свободные сочетания слов.

Таким образом, теория композиционной семантики позволяет выявить некоторые новые особенности сочетаемости присубстантивного творительного падежа с предлогом «с», раскрывает богатый семантический потенциал анализируемой конструкции в современном русском дискурсе XXI

века. Однако заметим, что в ряде случаев анализируемые сочетания не всегда поддаются традиционной лингвистической интерпретации и нуждаются в дальнейшем изучении с привлечением новейшего языкового материала.

Следует отметить, что исследования, выполненные в русле когнитивно-композиционного подхода, помогают выявить некоторые новые особенности сочетаемости присубстантивного творительного падежа с предлогом «с», установить степень свободы/несвободы данных языковых единиц на лингвистическом и когнитивном уровне, а также выявить новые семантические возможности анализируемых комбинаций.

3.3. Некоторые новые синтагматические тенденции в сочетаемости присубстантивного творительного падежа.

1. Одной тенденцией в функционировании анализируемой нами конструкции является, с одной стороны, факт использования в качестве зависимых компонентов имен собственных, а с другой стороны, употребление указанных сочетаний в качестве единиц номинации.

Анализ ономастического материала, реального и гипотетического, приводит ученых к мысли о необходимости описания онимов как совокупности языковых единиц. Для этого В.Н. Топоровым был введен термин «ономастическое пространство» [Топоров 1969: 33].

Введение термина «ономастическое пространство» в научный оборот стимулировало исследование разных разрядов ономастической лексики, находящихся в некотором удалении друг от друга. Первая систематизация подобного рода была проведена известным немецким германистом А. Бахом. По мнению исследователей, ономастическое пространство представляет собой структуру поля с ядерными и периферийными разрядами названий. Как полагает А.В. Суперанская, многочисленные неоднородные объекты необходимо разделить на различные секторы, а затем выделить в них различные зоны или поля. Следует отметить, что в конце XX в. многие ученые (В.Г. Гак, И.В. Крюкова, В.И. Супрун и др.) стали рассматривать ономастическое пространство как полевую структуру, выдвигая при этом на первый план ядерно-периферийные отношения. В.И. Супрун считает, что центральное место в ономастическом пространстве следует закрепить за антропонимами и смежными с ними разрядами ономастики (теонимами, мифонимами, зоонимами). При этом к собственно ядру следует отнести только антропонимы. Периферия включает в свой состав гемеронимы, геортонимы, документонимы, прагматонимы, эргонимы и другие разряды имён собственных, отличающиеся структурно-семантическим разнообразием.

Несмотря на сложности определения сущности полевого структурирования ономастического пространства, можно в целом констатировать, что «ономастическое поле является реально выделяемой языковой структурой, обладающей такими едиными для всей совокупности входящих в него единиц характеристиками, как наличие ядерно-периферийных отношений, семантическая общность, предполагающая сходную семантическую структуру слова, словообразовательную активность» [Супрун 2000: 24].

Лингвистический интерес к именам собственным определяется той ролью, которую они играют в жизнедеятельности современного человека, составляя неотъемлемую часть нашей повседневной жизни.

Использование относительно новых компонентов в составе анализируемой конструкции обусловлено появлением ранее не существовавших реалий.

Особое место среди сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с» занимают конструкции, где в качестве стержневого или зависимого компоненты выступает имя собственное, которые в современном русском языке приобретают повышенную частотность.

I. Конструкция «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с», как единица номинации. В данной группе можно выделить

- идеонимы (номинация объектов умственной, идеологической и художественной сферы деятельности человека), которые в свою очередь можно разделить на:

а) заглавия произведений: *Коробка с сюрпризом* (название книги Д. Донцовой); *Дама с единорогом* (название романа Д. Донцовой); *Дама с коготками* (Д. Донцова); *Бассейн с крокодилами* (Д. Донцова); *Жаба с кошельком* (Д. Донцова); *Гарпия с пропеллером* (Д. Донцова); *Покер с акулой* (Д. Донцова); *Фея с золотыми зубами* (Д. Донцова); *Любовь с*

привилегиями (название фильма); *Роман с луной* (М. Москвина); *Роман с акцентом* (название передачи); *Пышка с характером* (название книги А.Ларина); *Паровозик с чудесами* (название детского спектакля); *Мужчина с розой* (название рассказа М. Рохаса); *Бармен с фантазией* (название рассказа А. Марининой); *Танцы с варежкой* (название романа Е. Вильмонт); *Роман с языком* (название романа В. Новикова); *Столкновение с бездной* (название фильма); *Дом с привидениями* (название фильма); *Черт с портфелем* (название фильма); *Поездка с увеселением* (название фильма); *Жизнь с размахом* (название фильма); *Интервью с вампиром* (название фильма); *Бой с тенью* (название фильма); *Девочка с волшебной коробочкой* (Я. Сипаткина); *Волшебник с лазурными глазами* (П. Ганжина); *Разговор с папой* (название стихов П. Давыдова);

Обилие заглавий, построенных по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с» у одного и того же автора, говорит о сознательном выборе именно этой конструкции, что свидетельствует об «удобности» использования данной модели.

б) артионимы (названия произведений искусства): *девочка с персиками* (название картины В. Серова); *дама с горностаем* (название картины Л. да Винчи); *мальчик с собакой* (название картины П. Пикассо); *мадонна с младенцем* (название картины Микельанджело); *мадонна с гранатом* (название картины С. Боттичелли); *женщина с веслом* (скульптура И. Шадра).

Подобные номинации представляют собой прецедентные имена (индивидуальное имя, связанное с известными текстами или прецедентными ситуациями). По верному замечанию С.С. Хватовой, «это своего рода сложный знак, при использовании которого в коммуникации осуществляется «апеллятивация» к набору дифференциальных признаков, характеризующих соответствующее прецедентное имя» [Хватова 2004]. Изучение явлений прецедентности, как отмечает ряд исследователей (Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Крюкова, Г.Г. Слышкин и др.), заметно активизировалось после выхода работы Ю.Н. Караулова, в которой он вводит понятие прецедентного текста

(Караулов 1987). Прецедент представляет собой «стереотипный образно-ассоциативный комплекс» [Телия 1988: 30] значимый для определенного социума и регулярно актуализирующийся в речи представителей этого социума [Гудков 2003: 105].

3) прагматонимы (в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской под прагматонимом (от греч. «предмет, вещь») понимается номен для обозначения сорта, марки, товарного знака [Подольская 1988: 113]. Напр.: *Красота с Avon*; *Твоя уверенность с Duracell*; *Жизнь с Clarins* становится прекрасней; Абсолютная *свобода с Eugene Perma* (реклама средства для волос); Новая узкая стиральная машина *Indesit с сушкой*; Безупречная *улыбка с Oral-B*; Можно ли подчинить пространство? Попробуй *Tiggo с коробкой-автоматом и двигателем 2.0*.; Символический элемент макияжа – помада Rouge G de Guerlain. Новая *эра с Guerlain*; *Победа с «Финалгоном»*; «*Свидание с Африкой*»; Ваше кулинарное *приключение с «Вегеттой пряной»* всегда будет иметь успешный финал (реклама); Клинское *МОХИТО с лимоном и мятой* – микс с друзьями (реклама пива); *Revitalift с эластаном* (реклама); *Жизнь с Clarins* становится прекрасней; *Наслаждение с Тофифи*; Натоптыши, мозоли, сухая кожа – поможет «*Лекарь с мочевиной*» (реклама); Ваша *мобильность с Мегафон* (реклама оператора); Фруктовое *удовольствие с Lipton ice tee* (реклама); Ужас, мне сегодня забыли надеть мой *ошейник с Swarovsky* (О. Робски. Жизнь заново); Яркие *моменты с Hochland*; *Шоппинг с Cosmo* (Cosmopolitan); *Осень с «Персоной»* (наружная реклама); *Weekend с Росвкусом* (реклама); Прогноз погоды с «Вариантом» (реклама); *Покупка с Slando* – выгодная покупка (реклама на сайте); *Минута славы с Kinder surprise*; Веселый *день с McDonalds*.

II. Конструкции, включающие в свой состав онимы:

1) гемеронимы (названия средств массовой информации, названия передач).

Особенностью данных сочетаний является то, что зависимый компонент всегда выражен именем собственным. В зависимости от характера

стержневого компонента представляется возможным выделить следующую классификацию сочетаний:

1) однокомпонентный главный член конструкции.

- выраженный существительным в ед. ч. *«Дом 2» с Ксенией Собчак; Воскресенье с Варенькой»; «Америка с Михаилом Таратуттой; Завтрак с Соловьевым; Пульс с Александром Малых; Джем с Даниилом Крамером; Неделя с Марианной Максимовой; Постскриптум с Алексеем Пушкиковым (ТВ-Ц); Завтрак с Аленой Долецкой (Дождь); Биатлон с Дмитрием Губерниевым (Россия-2); Разговор с Феллини (Россия. Культура);*

- выраженный существительным во мн.ч: *«Авиаторы» с Алексеем Пивоваровым; Соблазны с Машей Малиновской; События с Аллой Прохоровой; Завтраки с Ксенией Соколовой (www.Snob.ru);*

2) многокомпанентный (чаще двукомпанентный).

- построенный по модели «прилагательное +существительное» *«Нереальная политика» с Тиной Канделаки; Горячая психология с Викторией Юшкевич; «Женский взгляд» с Оксаной Пушкиной; Деловые новости» с Игорем Полетаевым; Военная тайна с Игорем Прокопенко (Рен-ТВ); Правовая культура с Романом Ардыкуца (100лица); Центральное телевидение с Вадимом Такменевым (НТВ); Чудное утро с Ксенией Чудиновой (Дождь); Скандальная жизнь с Ольгой Б (ТВ-Центр);*

- выраженный падежными словоформами Ср., напр.: *Мир гурмана с Олесей Михалковой; Час суда с Павлом Астаховым; «Новости классики» с Максимом Леонидовым; Мистика звезд с Волочковой; Индустрия кино с Иваном Кудрявцевым; Мистические истории с Виктором Вержбицким; Тайны мира с Анной Чапман (Рен-ТВ); Заметки натуралиста с Александром Хабургаевым; Истории из будущего с Михаилом Ковальчуком (5 канал); Чудо техники с Сергеем Малоземовым (НТВ);*

- выраженные однородными существительными *Свобода и справедливость с Андреем Макаровым (Первый);*

3) имеющий некириллическое написание: *Sex с Текилой*

Собранный нами языковой материал позволяет определить место словосочетаний с онимами, построенные по данной модели, в ономастическом пространстве. Так, используя ядерно-периферийную модель В.И. Супруна, мы можем сделать следующий вывод: собранные нами сочетания с онимами находятся на периферии ономастического поля. Однако ближе всех к ядерным онимам будут располагаться гемеронимы, построенные по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с», в состав которых входит имя собственное; дальше будут находиться идеонимы и прагматонимы.

Таким образом, анализ сочетаний, построенных по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с», с онимами позволяет дополнить и уточнить месторасположение данных единиц в ономастическом пространстве. Частотность употребления данной конструкции позволяет говорить о расширении функциональных возможностей словосочетаний, построенных по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с», а также об антропоцентрическом характере их употребления, что может быть обусловлено различными факторами. Так, с одной стороны, стремление привлечь внимание к телевизионному продукту определяет необходимость упоминания в его названии личности известного человека, а с другой, в современной речевой практике в центре коммуникации всё чаще становится человек. Не менее интересной представляется и следующая описываемая нами тенденция функционирования анализируемых нами сочетаний.

2. Активное заимствование иноязычной лексики, преимущественно англоязычной.

Комплексный анализ стержневого и зависимого компонента интересующей нас конструкции, позволяет сделать более детальную классификацию:

1) заимствованные слова могут выступать как в роли главного компонента (Геометрично-разноцветный *флеш-ролик* с «правильными»

покупками на дороге; *Shopping с ноутбуком*; Новая узкая стиральная машина *Indesit с сушкой*; Можно ли подчинить пространство? Попробуй *Tiggo с коробкой-автоматом и двигателем 2.0*; Тушь с коллагеном – колоссальный объем; Клинское МОХИТО с лимоном и мятой – *микс с друзьями*; *Интернет с usb-модемом*; *Revitalift с эластаном* (реклама); Ей очень хотелось отправить ему *sms с советом* сменить описание юбки на интерьер квартиры (О. Робски. Жизнь заново); Его встречал *Mercedes с водителем* (О. Робски. Casual),

2) так и в роли зависимого компонента: Ужас, мне сегодня забыли надеть мой *ошейник с Swarovsky* (О. Робски. Жизнь заново); (*Красота с Avon*; Твоя *уверенность с Duracell*; *Жизнь с Clarins* становится прекрасней; *Формула с Diamonds Reflects* отражает свет, как настоящий бриллиант; Абсолютная *свобода с Eugene Perma* (реклама средства для волос); Безупречная *улыбка с Oral-B*; В нашем каталоге вы найдете новинку: *смартфон с QWERTY-клавиатурой* (www.novate.ru); («Мир ПК», 02.2009); Новая *эра с Guerlain*; *Наслаждение с Toffify*; *Комплект с sim-картой*; *Колготки с лайкрой*; *Колготки с микрофиброй*; *Хитрости с роумингом*.

Особый интерес представляет орфографическая выраженность анализируемых иноязычных слов. Так, например, возможны следующие варианты написания в рамках сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с»:

а) оба компонента имеют кириллическое написание. Ср., напр.: *Спойлер с стоп-сигналом* – неотъемлемый элемент гоночного автомобиля (tuningoff.ru); Hotter – *диета с аэрогрилем*; Всего одно прикосновение – и вы получите восхитительный *капучино с* изумительной молочной *пеной* (Гео №12, 2009); *Хетчбек с механикой*; *Тюнинг с юмором* – заводной ключ для автомобиля; *Руль speed-link с фидбеком*;

б) стержневой компонент имеет кириллическое написание, а зависимый компонент имеет вариативность написания (латиница/кириллица): *Борьба с дедлайном* (miralita.wordpress.com); и *борьба с deadlain*;

в) равноправное сосуществование в текстах СМИ и рекламных текстах

кириллицы и латиницы. Ср., напр.: Покупайте *автомобили с PROбегом* (реклама); *интервью с ди-джем/ DJ, st-up с началом рассказа* о событии (<http://www.mitro-tv.ru>); *st-up с выводами* и прогнозами (<http://www.mitro-tv.ru>); *заджем с handsfree*.

Некоторые подобные сочетания или отдельные слова, входящие в состав этих конструкций, еще не окончательно освоены русским языком, о чем свидетельствует, например, вариативный характер их написания: Ср.: *shopping с удовольствием/ шопинг с пользой/ шопинг с Cosmo-картой; вечер с ди-джем/ Энтони Паппа – ди-джей с суровым лицом/ DJ с оборудованием; смс с текстом/ sms с ответом; Русский twitter с музыкой и фотографиями, Твиттер с рабочим окрасом* (twitter.com).

По наблюдениям российских лингвистов, в последние годы активизировался процесс заимствования иноязычной лексики. «Одним из серьезных последствий взаимодействия культур является заимствование лингвистических единиц, одновременно представляющих собой определенную фазу в процессе заимствования культурных ценностей» [Крысин 2004: 25]. По словам Л.П. Крысина, «...возникли такие политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и к широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики» [Крысин 2004: 27]. Вполне уместно указать на обилие сочетаний с иноязычной аббревиатурой sms в качестве главного компонента (*sms с картинкой, sms с текстом, sms с кодом, sms с заявкой, sms с поздравлением, sms с услугой, sms с приглашением*, Отправила маме *смс с откровениями*), а также сравнительно недавно появившиеся сочетания со существительным twitter: *Работа с twitter* через APL; *twitter с цитатами* – зарядись на весь день; Русский *twitter с музыкой и фотографиями, twitter с подписчиками*. При этом важно отметить, что в анализируемых сочетаниях существительное sms выступает преимущественно в роли стержневого компонента конструкции, в то время как существительное twitter встречается в роли как главного, так и

зависимого компонента. Говоря о русификации подобных существительных, следует отметить следующую тенденцию: существительное sms/смс встречается как в латинском написании, так и в кириллическом; в то время как существительное twitter в современных контекстах чаще встречается в латинском написании.

3. Метафоризация сочетаний и использование стержневого или заимствованного компонента в новом значении. Данная тенденция чаще всего встречается в рекламных текстах и текстах СМИ.

Современный этап развития лингвистики характеризуется возросшим интересом к изучению проблем массовой коммуникации, массового речевого воздействия, центром многих научных изысканий становится язык газет, радио, телевидения, электронных средств массовой информации. Это связано с тем, что именно при обращении к такому междисциплинарному объекту изучения как текст СМИ, «лингвистика особенно чётко выявляет свой методологический сдвиг – переход от рассмотрения языка «в самом себе и для себя» к изучению языка в тесной взаимосвязи с человеком, его духовно-практической деятельностью, демонстрирует расширение самого предмета лингвистики» [Костомаров 1971: 10]. По мнению В.Г. Костомарова, «без материалов, извлеченных из газет, сейчас становится все более невозможным изучение языка в целом, определение его общих норм и актуальных стилистических разветвлений» [Костомаров 1971: 10]. Е.А. Земская справедливо считает, что «язык современных газет может служить зеркалом современной российской жизни. Он отражает все то хорошее и плохое, что свойственно нашей действительности: отказ от показухи и лицемерия, от казенного бюрократизма и безликости, демонстрирует раскованность, раскрепощенность, стремление выразить свое личное мнение, повышенную экспрессивность, порождающую и высокий гражданский пафос и резкость, доходящую до грубости» [Земская 1996: 157]. Интересным, на наш взгляд, является и утверждение Г.Я. Солганика: «сейчас мы являемся свидетелями периода интенсивного развития газетно-публицистического стиля.

Значительно расширился спектр стилевых манер газет: произошла дифференциация газет по стилистическому признаку. Наблюдаются радикальные изменения в системе жанров. Углубляются и расширяются процессы развития оценочности, использования различных пластов лексики, и в связи с этим происходит становление новой лексической системности газеты. Все это оказывает влияние и на развитие литературного языка, расширяя возможности его выражения, в частности увеличивая потенциал интеллектуально- и эмоционально-оценочных средств» [Солганик 2002б: 39].

Изменения, происходящие в языке в последнее время, связаны, как правило, с развитием и усовершенствованием известных и появлением новых сфер его применения. Это сферы политики и юриспруденции, рынка и рыночных отношений, область компьютерной техники, кибернетики и электроники, банковского дела и финансов, бирж и налогов, область шоу-бизнеса и т.п. В современном мире появляется большое количество предметов и понятий, требующих номинации, осуществляемой в процессе сознательной словотворческой деятельности человека. Активизация механизмов процесса интенсивного словопроизводства сегодня свидетельствует о динамике языкового сознания современного человека. «Благодаря словообразованию, – отмечает Е.А. Земская, – язык постоянно пополняется огромным количеством новых слов разнообразного строения и семантики, отражающих все стороны жизни народа» [Земская 1992: 5].

На наш взгляд, наибольший интерес на рубеже XX – XXI веков представляют собой сочетания, появившиеся в результате изменений в социально-экономической и культурной жизни и представляющие собой весьма показательные новообразования в лексиконе современной языковой личности. Так Н.Ю. Шведова в труде «Активные процессы в современном русском синтаксисе» правомерно заметила, что «изменения в системе словосочетаний происходят значительно быстрее, чем в системе предложения: структуры словосочетаний по характеру своих значений более конкретны, чем структуры предложений, более подвижны», так как, во-первых, изменения в

них могут быть непосредственно связаны с семантическими процессами, происходящими в слове; а во-вторых, их развитие стимулируется процессами взаимовлияния и уподобления, действующими внутри самой системы словосочетаний» [Шведова 1966: 5].

Еще Л.В. Щерба в своей статье «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» справедливо заметил: «...при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, и, во всяком случае, не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые» [Щерба 2004: 24]. Эта особенность появления новых комбинаций, построенных «самым неожиданным образом», характерна и для конструкций «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с».

- новое значение наблюдается у зависимой словоформы *Хитрости с роумингом*.

Чаще данная особенность была замечена нами в рекламных текстах и текстах СМИ. Реклама как одна из сфер человеческой деятельности имеет игровую основу, и в приведенных выше примерах мы сталкиваемся с так называемым феноменом языковой игры. Ср., напр.,: *Мороженое с горячим сердцем* (реклама).

Само понятие «языковая игра» было введено Л. Витгенштейном в «Философских исследованиях» [Витгенштейн 1953], в его представлении весь язык в целом является совокупностью языковых игр. Особой значимостью отличается философская концепция Й. Хейзинга, который обозначил правила игры, понимаемые и соблюдаемые игроками: «игра есть процесс, направленный на получение удовольствия» [Хейзинг 1997: 57]. Область языковой игры ограничена ресурсами языка и собственно его системой. Любая речевая активность автоматически подчиняется правилам, регламентированным языком, поэтому практически любой «ход» в языковой

игре можно предсказать. Эту мысль поддерживает Н.Д. Арутюнова, предлагая рассматривать феномен языковой игры в функционально-прагматическом ракурсе как нарушение нормативного использования языковой единицы на фоне языковых стереотипов, связывая языковую игру с нарушением семантических и прагматических правил использования языковых средств, с языковыми аномалиями. Системный характер языка и закономерности его функционирования подчиняют своей логике любые ненормативные образования. Исследование указанного противоречия, на взгляд ученого, позволяет «вникнуть в природу самого канона» [Арутюнова 1990: 4].

Языковая игра – это определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции языковой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя / читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект. Чаще всего языковая игра связана с выражением в речи комических смыслов или с желанием создать «свежий, новый образ» [СЭСРЯ 2003]. Субстратом языковой игры выступает, с одной стороны, гибкость и саморегулирующая сила системного механизма, определяемая «бесконечной интерпретационной валентностью» знака (по А.Ф. Лосеву); с другой стороны, спонтанное или осознанное творческое отношение к языку самих его носителей. Языковая игра с этой точки зрения может быть рассмотрена как «феномен лингвокреативного мышления, которое выявляет способность говорящих к разнообразной ассоциативной переработке языковых форм и значений» [Гридина 1996: 5]. Также Т.А. Гридина определяет механизм языковой игры как «соотношение языкового стереотипа (стандарта) и намеренного (осознанного) отклонения от этого стандарта в речевом поведении личности, что обусловлено специальной прагматической установкой речевого акта и индивидуальными возможностями говорящих в реализации потенциала языковых единиц» [Гридина 1996: 6].

Интересными, на наш взгляд, кажутся следующие примеры: *Глянец с цифрами* (реклама ж-ла «CITY money»); *Джаз с привкусом* вассаби (реклама музыкальной программы «Квадро рудс»); *Шорты с перчинкой* – новинка зимнего сезона (реклама шорт с согревающим эффектом); ПриватБанк – *вложение с чувством* (реклам банка); *Мороженое с горячим сердцем* подводит Вас к нежности (реклама мороженого); Sitizen – *часы с интеллектом.* (реклама); Chevrolet spark настоящий *городской житель с чувством уверенности* на дорогах; Газетчики любят *жаркое с «зеленью»* (Равиль Алеев); *Пенсия с плюсом* (реклама страховой компании); «Такси +». Тебя ждет *поездка с плюсом* (реклама такси); «Арсенальное» – *пиво с мужским характером* (реклама); «Парижанка» – *белье с изюминкой* (реклама нижнего белья); Kia – *хищник с характером.* Разбуди зверя (реклама автомобиля); *Инвестиции с душком* (РР); Попробуйте тапас – *деликатес с испанским акцентом* (реклама); *Ликер с привкусом свободы* (реклама); *Передача с приветом* «ДиЛайла» только на DFM (рекламный ролик); Granfor – *сыр с именем* (реклама); *Пельмень с сюрпризом* (название передачи); Chevrolet – *внедорожник с выразительным дизайном* (реклама); *Свидание с сладкой жизнью* – Farfalina (реклама кафе); *Лапша «Ролтон» с теплом родного дома* (реклама продукта); *Свежесть* горной природы *с доставкой* на дом (реклама стирального порошка «Миф»); *Музыка с химией.* Аудинаркотики. (реклама); *Пикник с профессиональным подходом* (реклама шашлычной «Угли»); *Ужин с Роршахом* (реклама); Rivoli – твой *взгляд с характером*; Cat – *обувь с сильным характером*; Клинское Redкое. Красное *пиво с ирландским характером*; Ваоп- *одежда с характером*; Rivoli – твой *взгляд с характером*; Притяжение праздника. *Подарки с характером* (Avon № 17); Devi – теплый *пол с интеллектом* (реклама).

Следует отметить, что данные сочетания не поддаются классификации, так как являются в своем роде уникальными единицами, в которых выражается лингвокреативный потенциал личности.

Как справедливо отметила Н.В. Юдина, «почти каждый из компонентов в подобных примерах может функционировать в других сочетаниях и, следовательно, создавать семантически новые единицы, называющие понятия из других сфер деятельности человека» [Юдина 2010: 102].

Таким образом, в результате «реальное значение словосочетания оказывается богаче, чем предусмотрено семантико-синтаксической системой языка» [Никитин 1988: 151]. По верному замечанию Н.А. Кобриной, «появление нестандартных сочетаний, изменение объема значения слов и др. – влияют на композиционные нормы и в конечном счете оказывают влияние на систему языка в целом» [Кобрина 2005: 84].

Выводы по третьей главе

Рассмотрение основных особенностей современного функционирования присубстантивного творительного падежа с предлогом *с* позволяет выделить следующие основные тенденции:

1. Ввиду того, что сочетания «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» во многом представляют собой новый пласт лексики, которые категоризирует новый спектр явлений, предметов и объектов окружающей действительности, которые, вследствие усложненности современной жизни, нуждаются в выделении из перечня подобных, в тематической классификации данных сочетаний в качестве основной выделяется тематическая группа «Человек», которая имеет достаточно разветвленное деление на подгруппы. Так в связи со стремлением современного человека к идентификации были выделены группы темпоральных и пространственных существительных, сочетаний, которые указывают на особенности характера, особенности внешности, определяют социальные характеристики, а также обладание лицом тем или иным предметом или вещью. Как представляется, данная особенность обусловлена общей гуманизацией человеческого существования и рассмотрением основных аспектов жизнедеятельности через призму человека. Кроме того, выделено несколько тематических групп, относящихся к бытовой сфере человека и включающих подгруппы «еда/напитки», «косметика/парфюмерия», «одежда/обувь/головные уборы», «дом: мебель, посуда».

2. Становление новых парадигм, в первую очередь когнитивной, дает возможность рассмотрения анализируемых сочетаний в новом аспекте – в контексте того, как в них реконструируются те ментальные процессы, которые стоят за данными структурами, а также в ракурсе выявления типов знания, которые лежат в основе формирования семантики данных конструкций. В этой связи в работе предпринята классификация сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» с позиций

когнитивно-композиционного направления, в качестве основания для которой взят критерий «сложения смыслов» и результаты этого сложения. В зависимости от степени выводимости/невыводимости композиционной семантики из суммы значений составляющих их частей и отношений между ними (так называемый принцип композиционности) предпринимается попытка выстроить своеобразную шкалу сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с», где на одном конце вектора располагаются фразеологические единицы (в нашем случае это единственное фразеологическое единство *кровь с молоком*), как единицы, значения которых полностью не выводимы из суммы значений составных компонентов, далее в центре шкалы занимают особое положение те композиционные сочетания, значения которых характеризуются имплицитным смыслом (в нашем случае это культурологически маркированные сочетания), за ними следуют клишированные и номинирующие сочетания, а завершают вектор свободные сочетания. Таким образом, анализируемые в работе сочетания слов в большинстве своём занимают промежуточное положение между полностью свободными и фразеологическими конструкциями. При этом подобные конструкции не всегда поддаются традиционной лингвистической интерпретации и нуждаются в дальнейшем изучении с привлечением новейшего языкового материала.

3. Особое место среди сочетаний «существительно + существительное в творительном падеже с предлогом с» занимают приобретающие высокую частотность в современном русском языке конструкции, где в качестве стержневого или зависимого компонента выступает имя собственное. Проанализированный языковой материал позволяет определить место построенных по данной модели словосочетаний с онимами в ономастическом пространстве: собранные нами сочетания с онимами находятся на периферии ономастического поля, однако ближе всех к ядерным онимам будут располагаться гемеронимы, в состав которых входит непосредственно имя

собственное; дальше будут находиться идеонимы и прагматонимы, которые сами представляют собой онимы.

4. Среди тенденций в функционировании присубстантивного творительного падежа с предлогом *с* необходимо выделить следующие: 1) активное заимствование иноязычной лексики, преимущественно англоязычной; 2) равноправное сосуществование в текстах СМИ и рекламных текстах кириллицы и латиницы; 3) метафоризация сочетаний и использование стержневого или заимствованного компонента в новом значении; 4) появление некоторых новых сочетаний, созданных на базе общеупотребительных существительных, что вызвано требованиями наименований новых реалий действительности; 5) сочетания с присубстантивным творительным падежом с предлогом *с* являются в настоящее время достаточно частотным средством номинации, так как удовлетворяют современным представлениям носителей русского языка о том, что результаты номинации должны не только обозначать факты действительности, но и выполнять идентифицирующую функцию, которая заключается в том, что конструкция «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» активно употребляется носителями языка как средство номинации (преимущественно в названиях телепередач), где в роли главного компонента выступают имена нарицательные с атрибутивными распространителями, а в роли зависимого – имена собственные.

5. Частотность употребления сочетаний «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*» позволяет говорить о расширении функциональных возможностей данных конструкций, а также об антропоцентрическом характере их употребления, что обусловлено, с одной стороны, стремлением привлечь внимание к продаваемому продукту, следовательно, необходимостью упоминания в его названии личности известного человека, а с другой – выделением человека в качестве центральной точки коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подводя итоги проведенного анализа, мы можем отметить, что изучение лексической сочетаемости в современном русском языке не потеряло своей актуальности. Несмотря на то, что лингвистические исследования функционирования субстантивных сочетаний имеют достаточно долгую и относительно утвердившуюся традицию, современная наука о языке позволяет полнее осмыслить особенности конструкций «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с».

Проведенный в настоящей работе анализ структурно-грамматических, семантических, синтаксических, функциональных особенностей присубстантивного творительного падежа с предлогом с дает основание сделать следующие выводы.

1. Рассмотренные в настоящей работе конструкции, построенные по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с», в современном русском языке характеризуются достаточно высокой регулярностью и продуктивностью, что обусловливается определенным дуализмом современных лингвистических процессов: интеграцией и дифференциацией знаний человека о мире. В связи с тем, что жизнь российского общества последних лет характеризуется рядом качественных изменений, переоценкой ценностей, переломом мировоззрения и изменением стереотипов мышления, окружающая действительность требует дополнительной субкатегоризации предметов и явлений. В этом контексте сочетания «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с» предстают средством номинации данных изменений.

2. Творительный падеж очень часто становился предметом исследования лингвистов. Полифункциональность русского творительного открывает в нем ряд проблемных вопросов. Несмотря на то, что употребления творительного падежа существительных в сочетании с именами относительно широко распространены в современном русском языке и известны с древнейших

времен, невозможно назвать исследование, в котором четко обозначены семантические отличия между разнородными конструкциями с творительным падежом в приименном употреблении. По верному замечанию Бернштейна, этот падеж соединяет в себе необычайное разнообразие значений, характеризуется многогранностью синтаксических функций [Бернштейн 1958: 36].

3. Представленный обзор существующих классификаций сочетаний, построенных по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*», свидетельствует о стойком интересе лингвистов к анализируемой проблеме и позволяет сделать вывод о том, что интересующие нас сочетания слов представляют собой сложные, не до конца изученные единицы. Следует заметить, что на данный момент нет специальных работ, посвященных особенностям функционирования приименной конструкции с творительным падежом с предлогом «*с*» в русском языке XXI века.

4. Проведенный анализ языкового материала позволил сделать вывод о том, что анализируемые конструкции являются в некотором смысле уникальными, т.к. иллюстрируют собой синкретичные проявления как в собственно языковой (ср., напр., синтаксические особенности), так и в экстралингвистической сфере (ср., сложный комплекс взаимоотношений между компонентами: *целое – целое, целое – часть, часть – целое, часть – часть*).

5. Разноаспектная систематизация языкового материала позволили обнаружить широкие семантические и функциональные возможности словосочетаний, построенных по модели «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом *с*». Вместе с тем, описанные сочетания представляют собой огромный и постоянно пополняющийся пласт лексики современного русского языка, выделяющий в ряде случаев совершенно специфичные объекты и особые структуры знания, подвергшиеся новой категоризации и субкатегоризации.

6. В настоящем исследовании предпринята попытка описания сочетаний с лингвокогнитивных позиций, что, безусловно, порождает множество новых, не решенных до настоящего времени вопросов в изучении сочетаемости имен существительных с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Подобный ракурс рассмотрения присубстантивного творительного падежа с предлогом «с» помог выявить новые особенности сочетаемости, продемонстрировать множество семантических возможностей, позволил обратить внимание на их «своеобразную композиционную семантику», приводящую лингвиста, по верному замечанию Е.С. Кубряковой к «интересным результатам о строении и функционировании этих единиц» [Кубрякова 2004б: 153]. Представленные в настоящей работе сочетания выстроены на своеобразной шкале композиционной семантики в зависимости от степени выводимости/невыводимости значений сочетаний из суммы составляющих компонентов. Так, на нижнем полюсе находится фразеологическое единство, как единица, значение которой полностью не выводимо из суммы значений составных компонентов, далее в центре шкалы занимают особое положение те композиционные сочетания, значения которых характеризуются имплицитным смыслом и обусловлены фоновыми знаниями носителей языка (в нашем случае – это культурологически маркированные сочетания), за ними следуют клишированные и номинирующие сочетания, как не выдерживающие теста на предикацию, но в принципе, выводимые из суммы значений составляющих компонентов. Завершают вектор свободные сочетания.

7. Сочетания с присубстантивным творительным падежом во многом представляют собой новый пласт лексики, который в определенной степени иллюстрируют новый формат знания и активно используется в настоящее время в силу того, что удовлетворяют требованиям, предъявляемым пользователями языка в части субкатегоризации тех явлений, предметов и объектов окружающей действительности, которые, вследствие усложненности современной жизни, нуждаются в выделении из перечня

подобных. В этой связи в тематическом контексте вполне отчетливо выделяется тематическая группа «Человек», что обусловлено стремлением современного человека к идентификации, ввиду чего в работе были выделены группы темпоральных и пространственных присубстантивных существительных; сочетаний, которые указывают на особенности характера, особенности внешности, определяют социальные характеристики, а также обладание лицом тем или иным предметом или вещью.

8. Сочетания «существительное + существительное в творительном падеже с предлогом с» в целом оказывают влияние на формирование современного когнитивного стиля начала XXI века, к основным характеристикам которого относятся либерализация, дифференциальность, креативность, динамичность, экспрессивность. Кроме того, выделяется тенденция гуманизации человеческого существования и рассмотрения основных аспектов жизнедеятельности через призму человека.

9. Функционирование современных субстантивных сочетаний с творительным падежом с предлогом с в настоящее время характеризуется рядом особенностей, среди которых следует выделить: 1) активное заимствование иноязычной лексики; 2) равноправное сосуществование в текстах СМИ и рекламных текстах кириллицы и латиницы; 3) метафоризация сочетаний и использование стержневого или заимствованного компонента в новом значении; 4) появление некоторых новых сочетаний, созданных на базе общеупотребительных существительных, что вызвано требованиями наименований новых реалий действительности; 5) увеличение частотности обозначенных конструкций.

Таким образом, проведенное многоаспектное рассмотрение конструкции присубстантивного творительного падежа с предлогом «с» позволило определить новые разновидности анализируемых сочетаний в рамках известных лингвистических направлений, а также изучить особенности сочетаний в современном дискурсе.

За пределами нашей работы остается целый ряд проблем, касающихся дальнейшего осмысления синтаксического функционирования присубстантивного творительного падежа, что открывает дальнейшие перспективы в изучении данного языкового феномена. Как кажется, основными задачами, которые могут быть поставлены в ходе дальнейшего исследования сочетаемостных возможностей присубстантивного творительного падежа с предлогом *с*, являются следующие:

1) расширение эмпирического материала за счёт привлечения к анализу сочетаний «существительное + существительное с предлогом *с*», извлеченных из текстов русской литературы XIX в., а следовательно, включение в анализ диахронного аспекта;

2) более глубокий и детальный анализ синтаксических особенностей обозначенных конструкций и выделение признаков синкретичных членов предложения;

3) решение вопроса об особенностях номинативных функций обозначенных конструкций в плане их использования в качестве наименований тех или иных произведений творческой деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Абдуллаев 1987** – Абдуллаев, Х.Н. Валентные свойства отглагольных существительных в современном русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук [Текст] / Х.Н. Абдуллаев. – Ташкент, 1987. – 31 с.
2. **Аванесов 1936** – Аванесов, Р.И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории [Текст] / Р.И. Аванесов // РЯШ. – 1936. – № 4. – С. 55-60.
3. **Академическая грамматика русского языка 1953** – Академическая грамматика русского языка Т. 1. Фонетика, фонология [Электронный ресурс] / Академическая грамматика русского языка. – М., 1953. – Режим доступа: [http://www. rutracker.org](http://www.rutracker.org).
4. **Аристотель 1978** – Аристотель. Об истолковании. Сочинения в 4 томах. Т.2. [Текст] / Пер. Э. Л. Радлова в переработке З.Н. Микеладзе // Аристотель. – М.: Мысль, 1978. – С. 91–117.
5. **Аристотель 1978 (а)** – Аристотель. Топика [Текст] / Рус. пер. М.И. Иткина дополненный // Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т.2. – М.: Мысль, 1978. – С. 349–532.
6. **Аристотель 1984** – Аристотель. Поэтика [Текст] / Пер. М.Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т.4. – М.: Мысль, 1984. – С. 645–680.
7. **Арутюнова 1973** – Арутюнова, Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике. Т. XXXII. Вып. 1. [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1973. – С. 84–89.
8. **Арутюнова 1990** – Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990.
9. **Бабайцева 1984** – Бабайцева, В.В. Предложение как многоаспектная единица синтаксиса [Текст] / В.В. Бабайцева // РЯШ. – 1984. – № 3. – С. 78–82.

10. **Бабайцева 1988** – Бабайцева, В.В. Система членов предложения в современном русском языке [Текст] / В.В. Бабайцева. – М., 1988. – С. 130-140.
11. **Бабайцева 2000** – Бабайцева, В.В. Явления переходности в грамматике русского языка [Текст] / В.В. Бабайцева. – М., 2000.
12. **Бабайцева 2005** – Бабайцева, В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике [Текст] / В.В. Бабайцева Избранное. – М.; Ставрополь, 2005. – 456 с.
13. **Бабайцева 2006** – Бабайцева, В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике [Текст] / В.В. Бабайцева // Филологические науки. – 2006. – № 2. – С. 54–64.
14. **Барт 2003** – Барт Р. Система моды [Текст]: Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. – М., 2003. – 512 с.
15. **Баталин 1880** – Баталин, Н.И. Теория словесности [Электронный ресурс] / Н.И. Баталин. – М., 1880. – 60 с. – Режим доступа: <http://www.slavdict.narod.ru>.
16. **Бондарко 1996** – Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. [Текст] / А.В. Бондарко. – СПб., 1996.
17. **Бэбби 1994** – Бебби, Л.Х. Нестандартные стратегии выбора падежа, задаваемого синтаксическим контекстом [Текст] / Л.Х. Бебби // Вопросы языкознания 1994. № 2. С. 43–75.
18. **Бернштейн 1958** – Бернштейн, С.Б. Введение // Творительный падеж в славянских языках. Т. XVII. Вып. 4 [Текст] / С.Б. Бернштейн // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 5–41.
19. **Богородицкий 1935** – Богородицкий, В.А. Общий курс русской грамматики [Текст] / В.А. Богородицкий. – М., 1935.
20. **Болдырев 2004** – Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.

21. **Борисова 2008** – Борисова, Т.Г. Когнитивные механизмы процессов терминов деривации [Текст] / Т.Г. Борисова // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2008. – № 3. – С. 23–29.
22. **Борковский 1978** – Борковский, В.И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. [Текст] / В.И. Борковский. М., 1978.
23. **Брагина 2005** – Брагина, Н.Г. Социокультурные конструкты в языке: монография [Текст] / Н.Г. Брагина. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2005.
24. **Браиловский 1904** – Браиловский, С.Н. Учебный курс грамматики литературного русского языка [Текст] / С.Н. Браиловский. – СПб, 1904.
25. **Брудный 1971** – Брудный, А.А. Значение слова и психология противопоставлений [Текст] / А.А. Брудный // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. – М.: Наука, 1971. – С. 19-27.
26. **Буслаев 1959** – Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф.И. Буслаев. – М., 1959.
27. **Валгина 1978** – Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка [Текст] / Н.С. Валгина. – М.: Просвещение, 1978.
28. **Валгина 2001** – Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке [Текст] / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 416 с.
29. **Валгина, Розенталь 2002** – Валгина, Н.С., Розенталь, Д.Э. Современный русский язык 6 изд. [Текст] / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь. – М.: Логос, 2002. – 528 с.
30. **Вейренк 1971** – Вейренк, Ж. Синтаксический анализ творительного падежа [Текст] / Ж. Вейренк // Исследования по славянскому языкознанию. – М.: Наука, 1971. – С. 129-139.
31. **Великанов 1890** – Великанов, М.М. Русская грамматика. Синтаксис [Текст] / М.М. Великанов. – Тверь, 1890.

32. **Виноградов 1972** – Виноградов, В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
33. **Виноградов 1975** – Виноградов, В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике [Текст] / В.В. Виноградов. – М., 1975.
34. **Виноградов 1978** – Виноградов, В.В. История русских лингвистических учений [Текст] / В.В. Виноградов; сост. Ю.А. Бельчиков. – М.: Высш. шк., 1978.
35. **Востоков 1839** – Востоков, А.Х. Русская грамматика [Электронный ресурс] / А.Х. Востоков – 4-е изд. – С.-Петербург: Типография Императорской Российской Академии, 1839. – Режим доступа: http://www.books.google.com/.../Russkaia_grammatika_Aleksandra_Vostoko.html.
36. **Гак 1971** – Гак, В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания [Текст] / В.Г. Гак // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. – М.: Наука, 1971. – С. 78-96.
37. **Галанов 1965** – Галанов И.Г. Морфология современного русского языка [Текст] / И.Г. Галанов. – М.: Высш. шк., 1965. – 287 с.
38. **Граматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого** / Сост., подгот. текста, коммент. Е.А. Кузьмина. – Москва : Издательство МГУ, 2000 . – 527 с.
39. **Греч 1834** – Греч, Н.И. Практическая русская грамматика. Второе издание, исправленное [Электронный ресурс] / Н.И. Греч. – СПб, 1834. – Ресурс доступа: [http:// www.lib.ru/g/grech](http://www.lib.ru/g/grech).
40. **Гридина 1996** – Гридина, Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество [Текст] /Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 1996.
41. **Гудков 2003** – Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
42. **Гусейнов 1977** – Гусейнов, Ф.Г. Русская фразеология: основные тенденции развития в XIX веке [Текст] / Ф.Г. Гусейнов. – Баку, 1977.

43. **Дмитриевский 1878** – Дмитриевский А.А. Практические заметки о русском синтаксисе [Электронный ресурс] / А.А. Дмитриевский // Филологические записки, изд. А. Хованский. – Воронеж, 1878. – Ресурс доступа: http://www.academia.edu/2566032/Language_Communication_and_Social_Environment_4_2006.
44. **Жуков 1993** – Жуков, А.В. Фразеологическое значение в аспекте лингвокреативного мышления личности // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста зарубежной и национальной школы: Сб. тезисов докл. IV Междунар. конф. МАПРЯЛ. [Текст] / А.В. Жуков. Волгоград, 1993. – С. 25–26.
45. **Залевская 2000** – Залевская, А.А. Введение в психолингвистику [Текст] / А.А. Залевская. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000.
46. **Звегинцев 1996** – Звегинцев, В.А. Мысли о лингвистике [Текст] / В.А. Звегинцев. – М., 1996.
47. **Земская 1992** Земская, Е.А. Словообразование как деятельность [Текст] / Е.А. Земская. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
48. **Земская 1996** – Земская, Е.А. Активные процессы современного словопроизводства [Текст] / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М.: Языки русской культуры, 1996.
49. **Золотова 1966** – Золотова, Г.А. К развитию предложно-падежных конструкций (сочетания с существительными в творительном падеже с предлогом с) [Текст] / Г.А. Золотова // Развитие синтаксиса современного русского языка. – М.: Наука, 1966. – 368 с.
50. **Золотова 1988** – Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса [Текст] / Г.А. Золотова. М.: Наука, 1988. – 440 с.
51. **Золотова 2009** – Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст] / Г.А. Золотова. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 352 с.

52. **История 1974** – История лингвистических учений. Древний мир [Электронный ресурс] / История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1974. – 258 с. – Ресурс доступа: <http://www.genling.nw.ru/hl/081.pdf>.
53. **Иорданский 1972** – Иорданский А.М. Ты да я, да мы с тобой [Текст] / А.М. Иорданский // Рус. речь. – М.: Наука, 1972. – № 1. – С. 67-72.
54. **Иорданский 1972** – Иорданский А.М. Наш с тобой [Текст] / А.М. Иорданский // Рус. речь. – М.: Наука, 1972а. – №2. – С. 73-75.
55. **Кацнельсон 1972** – Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
56. **Качалова 2010** – Качалова, И.Н. Оценочная функция языковой игры в дискурсе СМИ: Автореф., дис. ... канд. филол. наук [Текст] / И.Н. Качалова. – М., 2010. – 25 с.
57. **Кобрина 2005** – Кобрина, Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации [Текст] / Н.А. Кобрина // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. / под ред. Е.С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 77–94.
58. **Ковалевская 1992** – Ковалевская, Е.Г. История русского литературного языка [Текст] / Е.Г. Ковалевская. – М.: Просвещение, 1992. – 303 с.
59. **Костомаров 1971** – Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе [Текст] / В.Г. Костомаров. М.: Изд-во МГУ, 1971.
60. **Крысин 2004** – Крысин, Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике [Текст] / Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
61. **Кубрякова 1977** – Кубрякова, Е.С. Теория номинации и словообразования [Текст] / Е.С. Кубрякова // Языковая номинация (Виды наименований) / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977.
62. **Кубрякова 1995** – Кубрякова, Е.С. Язык и наука конца XX века [Текст] / Е.С. Кубрякова; Сб. статей. – М.: РГГУ. – 1995.

63. **Кубрякова 2002** – Кубрякова, Е.С. Композиционная семантика и ее особенности в сфере словообразования [Текст] / Е.С. Кубрякова // Проблемы семантического анализа лексики. – М., 2002.
64. **Кубрякова 2004а** – Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
65. **Кубрякова 2004б** – Кубрякова, Е.С. О нетривиальной семантике в сочетаемости прилагательных с существительными [Текст] / Е.С. Кубрякова // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура; отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004а. – С 148-153.
66. **Кубрякова 2006** – Кубрякова, Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека [Текст] / Е.С. Кубрякова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 26-31.
67. **Куклина 2006** – Куклина, И.Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы: Дис. ... канд. филол. наук [Текст] / И.Н. Куклина. – Москва, 2006. – 251 с.
68. **Лаврентьев 1999** – Лаврентьев, А.М. Типологический анализ категории падежа в русском языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Текст] / А.М. Лаврентьев. – Новосибирск, 1999. – 229 с.
69. **Лейчик 2003** – Лейчик, В.М. Интеллектуализация и демократизация – противоположные тенденции в развитии современного русского языка [Текст] / В.М. Лейчик // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. – М.: ИРЯ РАН, 2003. – С. 420–423.
70. **Леонтьев 1971** – Леонтьев, А.А. Психологическая структура значения [Текст] / А.А. Леонтьев // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. – М.: Наука, 1971. – С. 7–19.

71. **Лещинская 2000** – Лещинская, Е.А. О структуре функционально-семантического поля совместности: основные периферийные значения (на материале нем. яз.) [Текст] / Е.А. Лещинская // Вести. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История, языкознание, литературоведение. Вып. 1. – СПб., 2000. – С. 81–88.
72. **Ломоносов 1952** – Ломоносов, М.В. Российская грамматика [Текст] / М.В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. – Труды по филологии (1739–1758). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 389–578.
73. **Ломтев 1956** – Ломтев, Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка [Текст] / Т.П. Ломтев // Учеб. пособие для гос. ун-тов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 696 с.
74. **Лурия 1979** – Лурия, А.Р. Язык и сознание [Текст] / А.Р. Лурия Под ред. Е.Д. Хомской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
75. **Маслова 2001** – Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
76. **Мразек 1960** – Мразек, Р. К вопросу о функциях беспредложного творительного падежа (на материалах русского языка) [Электронный ресурс] / Р. Мразек. – Sbornik praci filos. fak. brnenske university, A 8, 1960. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com>.
77. **Мразек 1964** – Мразек, Р. Синтаксис русского творительного (Структурно-сравнит. исследование) [Электронный ресурс] / Р. Мразек. – Praha: Stat. ped. nakl, 1964. – 285 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com>.
78. **Никитин 1988** – Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения: учео. пособие [Текст] / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1988.
79. **Овсяннико-Куликовский 1912** – Овсяннико-Куликовский, Д.Н. Синтаксис русского языка [Текст] / Д.Н. Овсяннико-Куликовский. – 1912. – 50 с.
80. **Патокова 1929** – Патокова, О.В. К истории развития творительного предикативного в русском литературном языке [Текст] / О.В. Патокова. – Slavica. R. VIII. 1929. – С. 1-37.

81. **Пешковский 1956** – Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А.М. Пешковский. Изд. 7-е. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
82. **Подольская 1978** – Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978.
83. **Подольская 1988** – Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская; Институт языкознания АН СССР. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Наука, 1988.
84. **Попова 1970** – Попова, З.Д. К теории падежного значения [Текст] / З.Д. Попова // ВЯ. 1970. №4. С. 92–101.
85. **Потебня 1958** – Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике Т.2 [Текст] / А.А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – 551 с.
86. **Привалова 2005** – Привалова, И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) [Текст] / И.В. Привалова. – М., 2005.
87. **Провоторова 1988** – Провоторова, Е.Л. Творительный падеж современного русского языка в сравнении с творительным падежом древнерусского языка [Текст] / Е.Л. Провоторова. – Елец, 1988. – 18 с.
88. **Прокопович 1966** – Прокопович, Н.Н. Словосочетание в современном русском языке [Текст] / Н.Н. Прокопович. – М., 1966.
89. **Пупынин 1985** – Пупынин, Ю.А. Семантические функции творительного падежа русского существительного в высказывании [Текст] / Ю.А. Пупынин // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания: Межвуз. сб. науч. тр. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Л., 1985. – С. 130–141.
90. **Рахилина 2000** – Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000.
91. **Русская грамматика 1980** – Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис [Текст]. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

92. **Сикацкая, Никитина 1993** – Сикацкая, Н.Ю., Никитина, Т.П. Соответствия романских предложных конструкций русскому творительному падежу [Текст] // Романские языки на фоне русского (структурно-семантические соответствия) / Под ред. М.К. Сабанеевой. – СПб.: Изд-во С.-Петеб. ун-та. – СПб., 1993. – С. 89–117.
93. **Скобликова 1971** – Скобликова, Е.С. Согласование и управление в русском языке [Текст] / Е.С. Скобликова. – М.: Просвещение, 1971. – 240 с.
94. **Скобликова 1997** – Скобликова, Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (Теоретический курс): Учебное пособие для студентов педагогических вузов и университетов [Текст] / Е.С. Скобликова. – Самара: Изд-во СамГПИ, 1997.
95. **Солганик 2002а** – Солганик, Г.Я. О специфике газетно-публицистической метафоры [Текст] / Г.Я. Солганик // Слово и контекст. Филологический сборник к 70-летию Н.С. Валгиной. – Москва, 2002.
96. **Солганик 2002б** – Солганик, Г.Я. О закономерностях развития языка газеты в XX в // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2002. – № 2.
97. **Сорокин 1957** – Сорокин, Е.Г. Словосочетания с предлогом «с» в русском языке в их историческом развитии [Текст] / Е.Г. Сорокин. – Горький: Изд-во гос. пед. ин-та им. М. Горького, 1957.
98. **Станишева 1958** – Станишева, Д.С. Творительный социативный [Текст] / Д.С. Станишева // Творительный падеж в славянских языках. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 41–75.
99. **Степанов 2004** – Степанов, Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) Изд. 3-е [Текст] / Ю.С. Степанов / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 360 с.
100. **Суперанская 1973** – Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного [Текст] / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 183 с.

101. **Супрун 2000** – Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал [Текст] / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000.
102. **Сухотин 1956** – Сухотин, В.П. О некоторых функциях сочетаний с творительным в современном русском языке [Текст] / В.П. Сухотин // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сб. ст. [Редкол.: С.Г. Бардухаров и др.] – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 241–249.
103. **Телия 1988** – Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании картины мира [Текст] / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988.
104. **Телия 1990** – Телия, В.Н. Номинация [Текст] / В.Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
105. **Толкачева 2003** – Толкачева, Н.А. Национально-языковая специфика функционирования русского творительного и предложного падежей: на фоне немецкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. [Текст] / Н.А. Толкачева. – Волгоград, 2003.
106. **Теория и методика ономастических исследований 1986** – Теория и методика ономастических исследований [Текст]: Коллект. моногр. / под ред. А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
107. **Топоров 1969** – Топоров, В.Н. О палийской топономастике [Текст] / В.Н. Топоров // Ономастика Востока. Исследования и материалы. – М., 1969.
108. **Уорс 1962** – Уорс, Д.С. Трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языке [Текст] / Д.С. Уорс // Новое в лингвистике. Вып.2. М.: 1962. – С. 637–683.
109. **Филлмор 1981** – Филлмор, Ч. Дело о падеже [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М.: Прогресс, 1981. С. 369–495.

110. **Фурашов 1975** – Фурашов, В.И. Обособленные согласованные определения в современном русском языке [Текст] / В.И. Фурашов. – Владимир, 1975.
111. **Фурашов 1977** – Фурашов, В.И. О второстепенных членах предложения [Текст] / В. И. Фурашов // РЯШ. – 1977. – №4. – С. 95–102.
112. **Фурашов 1984** – Фурашов, В.И. Несогласованные определения в современном русском языке [Текст] / В. И. Фурашов. – М., 1984.
113. **Фурашов 1985** – Фурашов, В.И. Определение как синтаксическая категория в современном русском языке: Дис. ...д-ра филологических наук. [Текст] / В.И. Фурашов. – Владимир, 1985. – 470 с.
114. **Фурашов 1991** – Фурашов, В.И. Члены предложения типичные и синкретичные [Текст] / В.И. Фурашов // Переходность и синкретизм в языке и речи: Межвузовский сб. науч. трудов. – М., 1991.
115. **Фурашов 2010** – Фурашов, В.И. Современный русский синтаксис: избранные работы [Текст] / В.И. Фурашов. – ВГГУ, 2010.
116. **Хватова 2004** – Хватова, С.С. Этнокультурная специфика идентификации прецедентных имен носителями языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст]. – Тверь, 2004. – 27 с.
117. **Хейзинг 1997** – Хейзинг, Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры [Текст] / Й. Хейзинг / Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; Коммент. Д. Э. Харитоновича – М.: Прогресс – Традиция, 1997.
118. **Ходова 1958** – Ходова, К.И. Творительный падеж [Текст] / К.И. Ходова // Творительный падеж в славянских языках. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 159–180.
119. **Ходова 1958а** – Ходова, К.И. Творительный падеж в страдательных конструкциях и безличных предложениях [Текст] / К.И. Ходова // Творительный падеж в славянских языках. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 127–158.

120. **Ходова 1963** – Ходова, К.И. Система падежей старославянского языка [Электронный ресурс] / К.И. Ходова. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 160 с. – Режим доступа: <http://www.inslav.ru/resursy/elektronnaya-biblioteka>.
121. **Ходова 1971** – Ходова, К.И. Падежи с предлогами в старославянском языке [Электронный ресурс] / К.И. Ходова. – М.: Наука, 1971. – Режим доступа: <http://www.inslav.ru/resursy/elektronnaya-biblioteka>.
122. **Чейф 1975** – Чейф, У.Л. Значение и структура языка [Электронный ресурс] / У. Л. Чейф. – М: Прогресс, 1975. 432 с. Режим доступа: <http://www.durov.com>.
123. **Человеческий фактор в языке 1991** – Телия В.Н., Графова Т.А. и др. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности [Электронный ресурс] / В.Н. Телия, Т.А. Графова и др. / Коллективная монография / Институт языкознания. – М.: Наука, 1991. – 214 с. – Ресурс доступа: <http://www.twirpx.com/file/1125101>.
124. **Чеснокова 1973** – Чеснокова, Л.Д. Конструкции с творительным предикативным или его эквивалентами в системе членов предложения в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук [Текст] / Л.Д. Чеснокова. – Л., 1973. – 37 с.
125. **Чеснокова 1988** – Чеснокова, Л.Д. Дуплексив в простом и сложном предложении современного русского языка [Текст] / Л.Д. Чеснокова // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка: Межвузовский сб. научных трудов. – М., 1988. – С. 64–73.
126. **Чуглов 1987** – Чуглов В.И. Семантика субстантивных конструкций с зависимым существительным в творительном падеже и предлогом «с» [Текст] / В. И. Чуглов // Волог. гос. пед. ин-т. – Вологда, 1987. – 25 с. – Рукопись деп. В ИНИОН АН СССР, № 32680.
127. **Шанский, Тихонов 1981** – Шанский, Н.М., Тихонов Л.Н. Современный русский язык: В 3-х ч.: Учеб. пособие: Ч.2: Словообразование: Морфология [Текст] . – М.: Просвещение, 1981. – 270 с.

128. **Шапиро 1979** – Шапиро, М.А. Учебник для техникумов [Электронный ресурс] / М.А. Шапиро. – Издательство: М.: Высш. школа Год: 1979. – 386с. – Ресурс доступа razym.ru
129. **Шахматов 1941** – Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка [Текст] / А.А. Шахматов. – М., 1941.
130. **Шахматов 1957** – Шахматов, А.А. Историческая морфология русского языка [Электронный ресурс] / А.А. Шахматов. – М.: Учпедгиз, 1957. – 401 с. – Ресурс доступа: <http://rutracker.org>.
131. **Шведова 1966** – Шведова, Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание) [Текст] / Н.Ю. Шведова. – М.: Просвещение, 1966.
132. **Шелякин 1987** – Шелякин, М.А. Опыт семантического описания творительного падежа русского языка [Текст] / М.А. Шелякин // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. – Вып. 760. Тр. по рус. и слав. филологии. – Тарту, 1987. – С. 108–119.
133. **Щерба 2004** – Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е [Текст] / Л.В. Щерба. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
134. **Юдина 2000** – Юдина, Н.В. Атрибутивная валентность релятивных существительных (на материале терминов родства) [Текст] / Н.В. Юдина. – Владимир: Посад, 2000. – 118 с.
135. **Юдина 2006** – Юдина, Н.В. Сочетание «прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте [Текст] / Н. В. Юдина. – М.; Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГПУ, 2006. – 427 с.
136. **Юдина 2010** – Юдина, Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? [Текст] / Н.В. Юдина. – М.: Гнозис, 2010. – 293 с.
137. **Якобсон 1980** – Якобсон, Р.О. К общему учению о падеже [Текст] / Р.О. Якобсон // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1980. – С. 133–175.
138. **Якобсон 1985** – Якобсон, Р.О. – Избранные работы [Текст] / Р.О. Якобсон. М.: Прогресс, 1985. – 455 с.

139. **Якубинский 1953** – Якубинский, Л.П. История древнерусского языка [Текст] / Л.П. Якубинский. – М.: Учпедгиз, 1953 – 368 с.

140. **De Groot 1939** – De Groot, A.W. Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas // Mélanges de linguistique offerts à Charles Bâilly. Genève : Georg et Cie, 1939. P. 107–127.

141. **Nichols 1981** – Nichols, Johanna Predicate Nominals: A partial surface syntax of Russian. – (University of California Publications in Linguistics, 97). – Berkeley, Los Angeles, London, 1981.

Словари, справочники

1. **Ахманова 1966** – Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М., 1966.
2. **Бочкарев 2003** – Бочкарев, А.Е. Семантический словарь / А.Е. Бочкарев. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003.
3. **Васильева 1995** – Васильева, Н.В. Краткий словарь лингвистических терминов / Н.В. Васильева, В.А. Виноградов, А.М. Шахнарович. – М.: Русский язык, 1995.
4. **Грамматика русского языка 1960** – Грамматика русского языка. В 2-х т. – Т.2. Синтаксис. Часть 1 [Текст] / Под ред. В.В. Виноградова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.
5. **Грамматика современного русского литературного языка 1970** – Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970.
6. **Золотова 1988** – Золотова, Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса [Текст] / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1988.
7. **Красных 2001** – Красных, В.И. Словарь сочетаемости. Глаголы, предикативы и прилагательные в русском языке / В.И. Красных. – М., 2001.

8. **Краткая русская грамматика 1989** – Краткая русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – М.: Русский язык, 1989.
9. **Краткий словарь когнитивных терминов 1995** – Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лазутина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой – М., 1995.
10. **Лингвистический энциклопедический словарь 1990** – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
11. **Ожегов 2005** – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / РАН. Ин-т рус.яз. – М.: АЗЪ LTD, 2005 (и др. издания).
12. **Розенталь, Теленкова 1976** – Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976.
13. **РАС 1996** – Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М., 1994. – Кн. 1, 2; М., 1996. – Кн. 3, 4.
14. **САНРР 1977** – Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. – М.: МГУ, 1977.
15. **Словарь русского языка 1981** – Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1981. – т. 1-4.
16. **ССРЛЯ 1950-1965** – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, Наука, 1950 – 1965. – т. 1-17.
17. **ССРЛЯ 1991** – Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / гл. ред. К.С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: Русский язык, 1991.

18. **СССРЯ 2002** – Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М.: Изд-во АСТ, Изд-во Астрель, 2002.
19. **СРЯ 2008** – Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX – XXI в. / отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2008.
20. **Степанов 2001** – Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001.
21. **ТСРЯ 2000** – Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. – М.: Астрель: АСТ, 2000.
22. **ТСРЯ конца XX века 2000** – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складчиковой. – РАН, ИЛИ. – СПб: Фолио-Пресс, 2000.
23. **ТССРЯ 2001** – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: Фолио-Пресс, 2001.
24. **ТСРЯ 2003** – Толковый словарь русского языка начала XXI века, Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: Фолио-Пресс, 2003.
25. **ЧСРЯ 1977** – Частотный словарь русского языка / под ред. Л.Н. Засориной. – М.: Русский язык, 1977.